

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Военное дело Древней Руси IX-XI вв.

РУССКИЕ РАТИ В ПОХОДЕ И БОЮ

Михаил Савинов

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Михаил Савинов

**ВОЕННОЕ ДЕЛО
ДРЕВНЕЙ РУСИ
IX-XI вв.**

РУССКИЕ РАТИ В ПОХОДЕ И БОЮ

Москва 2013

УДК 355/359
ББК 68
С 13

Оформление *П. Волкова*

Савинов М. А.

С 13 Военное дело Древней Руси IX–XI вв. Русские рати в походе и бою / Михаил Савинов. — М. : Яуза : Эксмо, 2013. — 208 с. — (Военная история человечества).

ISBN 978-5-699-65395-9

Первая иллюстрированная энциклопедия военного дела Древней Руси — от рождения Русского государства до его расцвета в XI веке. Всё о воинском обучении и боевом применении княжеских дружин и народного ополчения. Исчерпывающая информация о защитном и наступательном вооружении русских «храбров», их образе жизни, богах и жертвоприношениях, врагах и союзниках, стрелковой подготовке и навыках рукопашного боя, походах и осадах, одиночных поединках и массовых побоищах, как сухопутных, так и морских.

Кто оказал большее влияние на военное искусство Древней Руси — варяги или степные народы? Как взаимодействовали на поле боя русская пехота и конница, какие тактические приемы применяли? Что доподлинно известно о «несокрушимом строе» русских ратей (помните, в «Слове о полку Игореве» «храбрые русичи перегородили поле червлеными щитами») в сравнении с эллинской фалангой, боевыми порядками римских легионов и скандинавской «стеной щитов»? Как сражались, умирали и побеждали наши воинственные предки, во что веровали, кому молились, ради чего шли на смерть, стяжав бессмертную славу? В данной книге вы найдете ответы на все эти вопросы. Цветное коллекционное издание на мелованной бумаге высшего качества иллюстрировано сотнями картин, рисунков и реконструкторских фотографий.

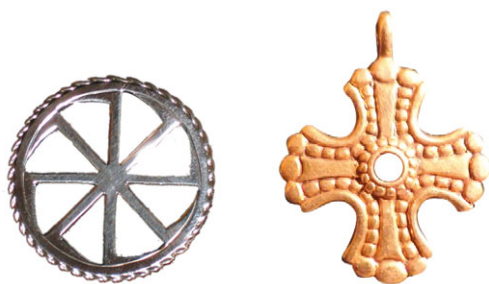
УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-699-65395-9

© Савинов М. А., 2013
© ООО «Издательство «Яуза», 2013
© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Автор выражает искреннюю благодарность за большую помощь в подборе иллюстраций для этой книги руководителям и участникам клубов исторической реконструкции раннего Средневековья Д. Бельскому, С. Кашину-Свешникову, И. Пономареву, В. Остроменцкому, Е. Алексееву, И. Кулагину, С. Мишанину, замечательным мастерам В. Сухову, В. Качаеву, А. Будилову, П. Жигулину и А. Штыровой, фотографам М. Багаеву, Е. Несвитайло, И. Курилову, Д. Тихомирову, А. Ловчикову, А. Копачинскому и А. Листой!

У ИСТОКОВ

Для чего нам нужна история? У каждой науки есть фундаментальные проблемы и практическое применение. Изучение цепной реакции — теоретическая проблема, а практическое воплощение этой проблемы может быть разным — тут и атомная электростанция, и атомная бомба. Есть такие связи проблем и практики и в биологии, и в химии.

Понятно, что если физик, химик или биолог решают сложные теоретические вопросы, значит, рано или поздно решение этих вопросов воплотится в сугубо практический результат. Но где такой результат от исторических исследований? Например, кому станет лучше жить от того, что автор этих строк, занимающийся текстологией русских хронографов XVII века, откроет новую редакцию, или список, или даже новый такой хронограф?

Первый ответ, лежащий вроде бы на поверхности, — история дает возможность предвидения будущего, прогнозирования событий на основе опыта человечества. В то же время прекрасно известно, что история никого ничему не учит, и сходные ситуации повторяются в ней раз за разом, только с большим размахом и большими страданиями.

Есть ли второй ответ? Есть. Этот ответ лежит в самой практике изучения прошлого. История — это прекрасная гимнастика для ума.

Недаром у истории есть своя муза-покровительница, Клио, недаром древние считали историю родственницей изящных искусств. Занятия музыкой или рисованием не обязательно сделают из человека музыканта, композитора или художника, но они могут развить его вкус, научить его иначе слышать и видеть мир — и этот мир заиграет новыми красками, — сделают свободными его пальцы и дадут радость подчинения кисти, карандаша или музыкального инструмента.

Точно так же история учит любознательного почитателя быть внимательным к любому свидетельству источника, учит понимать поступки, чувства и мысли людей прошлого, слышать их живую речь в летописях и сагах. История дает новые возможности познания мира человека.

В. Д. Поленов. Портрет сказителя былин Никиты Богданова.
Со слов таких сказителей, живших на Урале и Русском Севере, ученые на протяжении XIX и первой половины XX века записывали былины. В наши дни живая традиция исполнения героических песен почти исчезла

Нашим предкам пришлось впитать ратную науку самых разных народов. Мы увидим, как Русь училась воевать на заре своей истории — в IX–XI столетиях.

В путь!

* * *

В современном произношении слова «славяне» ясно слышится основа «слава», и кажется, что именно от этого слова происходит общее название русских, украинцев, белорусов, поляков, чехов, словаков, сербов и хорватов... Но на самом деле это не так.

Древние предки славянских народов называли себя «словене» — от «слово». Словене — те, кто владеет словом, может понимать друг друга. Чужие говорят непонятно.

Очень многие самоназвания народов по всей земле переводятся именно так — «те, кто говорит». Язык для древнего человека — первый и главный принцип для разделения своих и чужих.

Есть и третий ответ на наш заглавный вопрос, и этот ответ важен уже не для конкретного человека, а для всего народа, нации, страны. Общая историческая память сплачивает народ и обеспечивает его выживание среди других народов гораздо лучше, чем, например, искусственно придуманная национальная идея.

Национальная идея — абстрактна. Ее можно не принимать, с ней можно спорить. Но есть другая вещь, вокруг которой нация сплачивается в единое целое безо всякой абстрактной идеи. Это память о военных подвигах предков, память о победах защитников Родины.

Народ всегда стремился определить свое место в мире именно с помощью своей истории. Этой задаче служат миф — он объясняет происхождение народа и его положение на Мировом Древе — и эпос, хранящий память о героях народа, о людях, отдавших жизнь за его процветание. Есть такой эпос и у нас — это русские богатырские былины, к которым мы обязательно будем обращаться по ходу нашего рассказа о военном деле Руси.

Итак, наша цель — взглянуть поближе на происхождение военного дела Руси — той Руси, которая сумела преодолеть все тяжелые испытания, все нашествия захватчиков, Руси, чья история продолжается и сейчас.

Славяне, как и большинство народов Европы, относятся к индоевропейской языковой семье. На языках этой семьи говорят также армяне, иранцы, таджики и множество народов Индии.

Все эти народы имеют общих предков — древних индоевропейцев. О точном местонахождении прародины индоевропейцев ученые спорят до сих пор. Мы не станем углубляться ни в споры об индоевропейцах, ни в споры о происхождении славян, а ограничимся лишь теми фактами, которые известны точно.

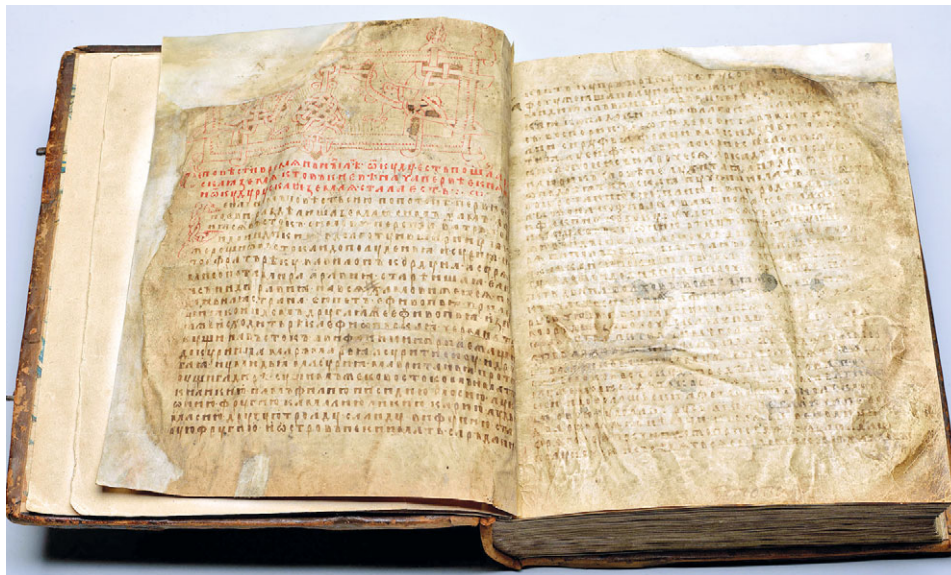
Факт первый: таких прародин в III–II тысячелетиях до н. э. было, скорее всего, несколько. Большинство европейских народов расселялись по континенту из области современной Средней Европы, двигаясь несколькими волнами.

Факт второй. Славяне представляли последнюю волну индоевропейцев, которая появилась в Европе, и появление это достоверно можно отнести к пятому веку нашей эры. Не ранее.

Конечно, славяне появились в Европе не с пустого места, но история их выхода на историческую арену слишком туманна и спорна. Данные письменных источников отрывочны — ведь древнейшая история славян начиналась на самой периферии греко-римского мира, поэтому записи античных авторов о славянах кратки и нередко фантастичны. И все же первый народ, который что-то написал о славянах, — это римляне.

Первые века нашей эры. Рим в зените славы. Римляне владеют миром.

За пределами могучей и просвещенной империи кишат варварские племена. Поскольку они могут представлять серьезную угрозу, римляне стараются собирать и обрабатывать сведения о них. Лучше всего римлянам известны германцы, относительно неплохо латинские авторы ориентируются в причерноморских племенах, которые

Лаврентьевская летопись, сохранившая одну из редакций «Повести временных лет», священной книги нашей истории, главного источника, рассказывающего о рождении Руси

пришли на смену знаменитым скифам. А вот жители лесных дебрей Средней и Восточной Европы, в их числе и наши далекие предки, известны писателям империи гораздо хуже. Впрочем, римлян не пугает эта скудость знаний, и они все равно пишут об этих землях, не останавливаясь иногда и перед явной фантастикой...

Древнейший народ античных источников, который можно как-то сопоставить со славянами — это венедаы. О них пишут, например, римские историки I в. нашей эры Плиний и Тацит, помещая область, населенную венедами где-то в бассейне реки Вистулы (Вислы). Но славянство венедадов невозможно ни доказать, ни опровергнуть.

Посмотрим, не расскажет ли нам что-нибудь археология. Она изучает сохранившиеся в земле свидетельства жизни древних народов: поселения, древние кладбища-могильники, клады.

Археология дает нам очень многое. Мы видим быт и обычаи народа, жившего когда-то на земле, можем представить, как эти люди одевались, чем питались, во что они верили. Мы можем понять, чем этот народ отличался от соседей, а чем, наоборот, был с ними сходен. Можем выделить области расселения родственных племен, можем узнать многое об их контактах с соседями и более удаленными странами — например, с той же Римской империей. Римская монетка в погребении варвара поможет нам датировать всю нашу археологическую культуру — совокупность памятников, оставленную одним древним народом или группой близких народов.

Но ни в одном погребении не будет при этом лежать табличка с надписью для потомков: «Мы — славяне!» или «Мы — германцы!» Германство или славянство погребенных можно установить по вещам или по обряду погребения. Для эпохи Древней Руси такие различия известны хорошо — скандинавское захоронение сложно спутать со славянским, и от обоих будет отличаться захоронение финна. Но в первые века нашей эры дело обстояло значительно сложнее.

Между тем к этим первым векам относятся венедады Тацита — возможные древнейшие славяне. Поэтому ученым очень хотелось найти в этой эпохе археологическую культуру, которую можно было бы уверенно связать именно со славянами.

Одно время на такую роль претендовала знаменитая черняховская* культура. Область ее охватывала обширные земли современных Украины, Молдавии и Румынии, а материальные памятники были богатыми и яркими. Много лет спорили ученые о природе носителей этой культуры.

При внимательном рассмотрении черняховцы, при всей их сложности и неоднозначности, все же оказались германцами-готами. Но к появлению на исторической арене первых славян они, вероятно, тоже имели некоторое отношение.

* Археологические культуры часто называют по тем местам, где были впервые найдены относящиеся к этим культурам памятники — поселения или могильники. В данном случае культура названа по украинскому селу Черняхово.

Культура, которую можно уверенно связать с древнейшими славянами, получила название «киевская». Она относится к IV–V векам и по сравнению с черняховской весьма бедная. Но ученые смогли проследить ее связи с последующими культурами славян.

Про славян VI–VII столетий мы знаем намного больше.

Западная Римская империя к этому времени уже прекратила свое существование и уступила место на исторической арене «варварским королевствам», крупнейшим из которых стала держава франков. Восточная империя, Византия, выжила в бурях «эпохи переселения народов» и продолжала хранить традиции античного мира, пусть и в новом, христианском оформлении. Византийцы продолжали считать себя римлянами, но размах внешней политики был уже не тот. Императорам Константинополя приходилось то и дело защищаться от грозных врагов и строить хитрую, изощренную политику, сражаясь с окружающими народами друг с другом.

Славяне к этому времени стали мощной силой, с которой уже нельзя было не считаться. Они не раз испытывали на прочность границы Византии — вместе с германцами и аварами. В 620-х гг.

Римский легион отражает атаку варваров. II в. н.э. Фестиваль «Семь эпох» (Санкт-Петербург). Фото <http://independent-fly.livejournal.com/>

В. М. Васнецов.
Нестор-летописец.
 Нестор был одним из редакторов «Повести временных лет», он работал над нашей летописью во второй половине XI столетия

славянам удалось прорваться в глубину империи — на полуостров Пелопоннес, и осесть там.

Славян надо было изучать, искать к ним подходы. Поэтому византийские историки и политики «темных веков» оставили целый ряд очень интересных свидетельств о наших далеких предках. На страницах книг греческих историков и дипломатов появляются новые народы, «склавины» и «анты» — это уже несомненные славяне, по крайней мере первые из них*. Именно в V–VI столетиях на востоке Европы сложился славянский мир. Вот как описывает этот мир византийский автор Прокопий Кесарийский:

«А живут они в жалких хижинах, располагаясь далеко друг от друга, и каждый меняет, насколько можно часто, место поселения».

Археология подтверждает, что славяне VI–VIII вв. находились в непрерывном движении. В это время наши предки уже не столь трудноуловимы, как раньше, — на обширных просторах Восточноевропейской равнины появляется целый ряд археологических культур, уже несомненно славянских и при этом отличных друг от друга. Славяне кочуют по лесам: выжигают участок леса, выращивают урожай несколько лет, пока не упадет плодородие почвы, затем перебираются дальше. Основным направлением движения славянских поселенцев было северовосточное. В дальнейшем именно в этом направлении будет развиваться древнерус-

ская колонизация — на верхнюю Волгу, в Заонежье и, в конечном счете — за Уральские горы.

Конечно, Прокопия Кесарийского интересовало и военное дело славян:

«Вступая же в битву, большинство идет на врага пешими, имея небольшие щиты и копья в руках, панциря же никогда на себя не надевают, некоторые же не имеют на себе ни хитона, ни грубого плаща, но, приспособив только штаны, прикрывающие срамные части тела, так и вступают в схватку с врагами».

* Само слово «анты» считается иранским по происхождению. Возможно, к формированию антов имеют некоторое отношение ираноязычные народы Степи, но этот вопрос пока далек от окончательного разрешения.

Прокопий, как и другие византийские писатели, находился в плену литературных традиций — описания «варваров» схожи у римских и греческих авторов с античных времен. Но, несмотря на все характерные штампы подобных описаний, это свидетельство очень хорошо накладывается на раннюю восточнославянскую археологию.

Оружие в погребениях славянских племен VI–VIII веков — огромная редкость. И, когда это оружие все-таки удастся обнаружить — чаще всего это именно копье. Впрочем, погребения ранних славян вообще содержат мало предметов. Возможно, в них нет оружия не потому, что его было мало у славян — источники отмечают, что оружие у них есть, и они не упускают случая применить его по назначению. Но, может быть, у славян просто не было традиции помещать оружие в погребения.

Другое важное для нас ранневизантийское сочинение называется «Стратегикон». Этот трактат о военном искусстве принадлежит перу императора Маврикия, правившего в 582–602 гг. Маврикий тоже описывал склавинов и антов:

«Пребывающих у них в плену они не держат в рабстве неопределенное время, как остальные племена, но, определив для них точный срок, предоставляют на их усмотрение: либо они пожелают вернуться домой за некий выкуп, либо останутся там как свободные люди и друзья».

Строевое сражение в поле. По описаниям византийцев, именно таких сражений славяне старались избегать... Тактика строя появилась, по-видимому, в более позднее время. Фестиваль «Первая столица Руси-2011» (Старая Ладога). Фото Д. Тихомирова

Вот как описывает Маврикий славянские способы ведения войны:

«Веда разбойную жизнь, они любят совершать нападения на своих врагов в местах лесистых, узких и обрывистых. С выгодой для себя пользуются засадами, внезапными нападениями и хитростями, ночью и днем, придумывая многочисленные уловки».

Итак, перед нами народ, не чуждый войны и умеющий вести эту войну в условиях своей страны — лесистой, болотистой страны, богатой реками. Военное дело ранних славян адаптировано к конкретным задачам. Задачи эти — межплеменные столкновения или отражение внешнего врага, который как раз и пострадает от незнания сложной местности.

«Пребывая в состоянии анархии и взаимной вражды, они ни боевого порядка не знают, ни сражаться в правильном строю не стремятся, ни показаться в местах открытых и ровных не желают...»

Будучи государственным деятелем, Маврикий, конечно, описал наиболее приемлемый, с его точки зрения, вариант установления отношений со славянами:

«Поскольку у них много вождей и они не согласны друг с другом, нелишне некоторых из них прибрать к рукам с помощью речей или даров, в особенности тех, которые ближе к границам, а на дру-

Дуэль копейщиков. Копье, изобретенное в каменном веке, в том или ином виде применялось почти до наших дней по всему миру, а у славян V–VIII вв. было, по словам византийских авторов, основным оружием. На фото изображены воины X столетия, в это время копья стали более длинными и тяжелыми. Фестиваль «Первая столица Руси-2011» (Старая Ладога). Фото Д. Тихомирова

гих нападать, дабы враждебность ко всем не привела бы к их объединению или монархии».

Здесь, кстати, четко звучит одна из основных причин возникновения государств — необходимость объединения для отражения внешней угрозы. Если поменять знаки «плюс» и «минус» во фразе Маврикия «дабы враждебность ко всем не привела бы к их объединению» (заменить враждебность самих славян на враждебность соседей к славянам), получится главный мотив образования крупных межплеменных объединений славян — так называемых племенных союзов*.

Союзы эти начали складываться у славян весьма рано, и для VIII–IX вв. они вполне характерны. Подобный крупный союз славян описал, например, выдающийся арабский ученый ал-Масуди. Во главе этого союза стояло племя, которое ал-Масуди называет Валинана, правил этим племенем могущественный «царь» славян по имени Маджак.

...Византийцы в своих трактатах выставляют славян дикими варварами, однако нам хорошо известны предметы славянского декоративно-прикладного искусства, выполненные с большим мастерством и отражающие характерный, яркий стиль. Таковы, например, украшения из Мартыновского клада, относящегося, по-видимому, к VI веку. В числе этих украшений — фигурки людей, позволяющие делать некоторые выводы о славянском костюме. Впрочем, фигурки эти схематичны — можно только понять, что славяне носили рубахи и штаны, рубахи украшались спереди и подпоясывались.

Самым массовым оружием ближнего боя было, судя по находкам, копье. Когда же в руки славянского воина того времени попадал меч, то облик этого меча был типичен для всей Европы «темных веков» — прямой клинок ромбического сечения (как у древнеримских гладиусов), рукоять обтянута золотой фольгой и украшена вставками из граната. В такой же манере украшались пояса и застежки-фибулы. Меч был оружием дорогим и крайне редким.

Вот то небольшое, что нам относительно достоверно известно о древней славянской одежде.

Мужчины носили рубашки и штаны, поверх которых могла надеваться какая-то верхняя одежда, род плаща. Нам известны названия некоторых видов более поздних древнерусских плащей, например, «корзно». Но корзно — это княжеская, дорогая и престижная одежда. Плащи рядовых общинников назывались как-то иначе и шились из простых, доступных материалов.

Украшения из Мартыновского клада — памятник искусства древних славян и важный источник по истории костюма. Фигурки схематичны, но по ним можно сделать целый ряд выводов. Мы видим мужчин с длинными волосами, усами и бородой, их одежда подпоясана, а на ногах нет ни сапог (они появились значительно позже), ни типичных для Скандинавии обмоток

* Другой путь образования племенных союзов — расширение и дробление самих племен.

Привеска-конек.
Поволжские финны. X в.
Автор реконструкции
В. Качаев.
 Как прибалтийские, так и поволжские финны любили так называемые зооморфные украшения — металлические привески в виде животных. Самыми популярными были изображения коней и водоплавающих птиц. В легендах многих финских народов утка или другая водная птица участвует в сотворении мира, поднимая первую щепотку земли со дна первобытного океана. А конь связывался с движением Солнца по небу, причем не только у финнов, но и у многих других народов, включая славян

И плащи, и рубахи, по-видимому, чаще не застегивались, а завязывались. Если одежду все же застегивали, то чаще всего для этого применяли круглые костяные пуговицы с отверстием в центре. Пуговицы обыкновенно украшали кружочками и полосками.

Фибулы — застежки с иглами, на славянских землях были известны, но такого широкого распространения, как у соседей славян — финнов, балтов и скандинавов, они не получили.

Нательная одежда шилась из льняной или конопляной ткани, верхняя — из шерстяной ткани или из меха. Возможно, мехом могли подбивать нижнюю сторону плащей.

Для верхней, заметной одежды старались использовать крашеную ткань. Технология окраски ткани с помощью некоторых видов растений была известна человеку с глубокой древности. Ткань могли красить на месте (например, с помощью коры крушины, дающей различные оттенки желтого цвета), но чаще крашеную материю везли издалека. Самыми дорогими были ткани, окрашенные с помощью индиго — красителя, дающего яркий синий цвет.

Обязательной частью мужского костюма была шапка. Известны находки славянских идолов, на головах которых надеты полусферические шапки с околышами. Такие шапки широко известны и по более поздним изображениям древнерусских князей на страницах рукописей или на иконах (например, в шапках с меховыми околышами всегда изображаются святые князья — мученики Борис и Глеб).

Северными и западными соседями славян оказались балтские племена. Они жили в таких же условиях, как и сами славяне — в густых лесах, пронизанных множеством больших и малых рек. Их военные традиции мало отличались от славянских. На северо-востоке и востоке обитали племена финнов.

Финские племена ученые относят к уральской языковой семье. Именно с Урала в незапамятные времена разошлись по свету далекие предки современных финнов, эстонцев, карелов, марийцев, удмуртов. Все эти народы говорят на родственных языках. Так что когда мы дальше будем говорить «финны», мы будем употреблять это слово в собирательном смысле.

К уральской семье языков относятся также угры (обычно в науке используют собирательный термин «финно-угры» для обозначения большинства уральских народов). Угорские народы происходят с Южного Урала, откуда часть их отселилась в свое время на запад — это венгры, а другая часть сместилась на Обь — это предки современных хантов и манси. В искусстве и фольклоре финнов и зауральских угров много общего, а вот культура венгров подверглась силь-

ному влиянию кочевников. В свою очередь, венгерские традиции повлияли на древнерусский дружинный костюм.

Третья группа уральцев — это самодийские народы: ненцы, родственные им энцы, нганасаны — жители Таймыра, и селькупы, обитающие в приобской тайге.

* * *

Финские народы расселились необычайно широко — от Баренцева моря до Поволжья и от Балтики до Урала. Финские языки принято подразделять на три отдельные группы — прибалтийскую, поволжскую и прикамскую.

Прибалтийские финны исторически расселились вблизи берегов Балтики. Это современные финны-суоми, карелы, вепсы, водь, ижора, ливы, эстонцы и саамы (лопари). Большинство этих народов известны уже составителям «Повести временных лет».

Поволжские финны — это современные марийцы и мордва. В древности число поволжско-финских племен было большим, но некоторые из них были ассимилированы расселившимися на северо-восток славянами. Однако русская летопись сохранила их названия — это меря, мурома и мещера.

С прикамскими финнами, предками современных удмуртов и коми, у Руси были торговые связи. Некоторые русские импорты в XI–XII вв. появились даже у зауральских племен.

Неверно было бы думать, что финно-угорские леса в первом тысячелетии нашей эры были глухой, никому не интересной окраиной обитаемого мира. Да, финны почти не упоминаются в источниках, а когда упоминаются, то эти сведения отрывочны и нередко фантастичны. Однако археология свидетельствует о весьма дальних торговых связях финских племен. Например, некоторые мотивы орнамента древних пермских украшений имеют ближайшие параллели в искусстве иранской державы Сасанидов. В XI веке финские племена эпизодически появляются и в сочинениях арабских географов.

Летописец упоминает финские народы в «этнографическом введении» к «Повести временных лет», в рассказе о призвании варягов, в описаниях походов Олега и Игоря на Царьград (Константинополь). Финны из Приладожья в составе русских дружин доходили до черноморских берегов!

Нигде на страницах летописи (если не считать рассказа о племенных усобицах в легенде о Рюрике) не сказано о войнах в пределах Руси между славянами и финна-

Фибула приладожского воина-колбяга. Автор реконструкции В. Качаев.

Такие фибулы носили почти все народы, жившие по берегам Балтийского моря. Особенно их любили финские и балтские племена, но встречаются они и в погребениях русских дружинников. Фибула на фото была найдена в кургане финского воина близ деревни Вахрушево в юго-восточном Приладожье, ее владелец мог быть участником походов русских князей на Константинополь

**Шлем скандинавского
воина VI в. из могильника
Вальсарде —
классический богат
украшенный шлем
вендельского времени**

ми. По-видимому, проникновение славян в глубину финского мира происходило мирно, а если какие-то войны и имели место, то в такое время, от которого не сохранилось даже устных преданий. Конечно, отдельные конфликты могли иметь место и, вероятно, случались. И меряне (жители Верхнего Поволжья), и приладожская весь были воинственными народами, которые охотно приобретали импортное оружие, в том числе скандинавское, и, несомненно, при удобном случае пускали это оружие в ход.

Некоторые ученые полагают, что славянам и финнам удавалось мирно сосуществовать потому, что они занимали разные экологические ниши. Славяне занимались земледелием и скотоводством, а хозяйство финнов в большей степени было присваивающим и основывалось на собирательстве, охоте и рыболовстве. Процветал взаимовыгодный обмен продовольственными ценностями.

В областях контакта с финскими народами славяне активно перенимали некоторые обычаи финнов — например, начинали носить привески в виде животных. В свою очередь, финские женщины с удовольствием носили височные кольца славянских типов.

Самыми часто упоминаемыми в летописи племенами финнов (то есть теми племенами, которые принимали непосредственное участие в событиях древнерусской истории) стали меря, весь и чудь.

Меря входит в состав северного «суперсоюза», пригласившего, по легенде, о призвании варягов, Рюрика с братьями на княжение. «А первые насельники в Ростове Меря…» — пишет летописец в конце этого рассказа. Итак, меряне — древнейшие аборигены Ростова.

Для составителей «Повести временных лет», работавших в конце XI — начале XII вв., город Ростов (Ростов Великий, Ростов Ярославский, не путать с Ростовом-на-Дону!) был реальностью, но в IX–X вв. его еще не было. Но, как и у Смоленска, и у Ярославля, у Ростова был предшественник — древнее поселение, находившееся рядом с будущим главным городом русского северо-востока. Таким поселением было Сарское городище.

Сарское городище — очень древнее, древнейшая его дата неясна, но очевидно, что она уходит куда-то в глубину VI–VIII вв. Позднее здесь появились скандинавы и оставили характерные вещевые следы своего пребывания — фибулы и кусочки железных гривен. Известны вблизи Сарского городища и монетные клады, причем очень раннего времени — первой половины IX в. Так что этот древний племенной поселок очень рано стал важным центром торговли на северо-востоке Руси.

Весь — это предки современных вепсов, небольшого финского народа, обитающего в сопредельных районах Карелии, Ленинградской и Вологодской областей. По словам летописца, весь — исконные обитатели Белоозера, крупного (для XII века) города, расположенного на крайнем северо-востоке Руси.

Но Белоозера в IX веке еще не существует, этот город появился позже, примерно в середине X века. Появление Белоозера было свя-

зано с проникновением в область веси славян. К XI веку Белоозеро стало настоящим древнерусским городом, в котором вместе жили славяне и местные финны.

Несколько старше Белоозера Крутик — другое веское поселение, лежавшее к северу от Белого озера. Материалы раскопок Крутика дали немало информации для изучения традиционных ремесел — литья и резьбы по кости.

Археологи подразделяют древнюю весь на два ареала — белоозерский и приладожский. Белоозерская весь обитала по берегам Белого озера и к северу от него. Западная, приладожская весь, населяла долины рек, впадавших с юга в Ладожское озеро и реку Свирь. Наиболее яркие погребальные памятники приладожцев исследованы в низовьях реки Оять.

Летописец связывает весь только с Белоозером; не исключено, что приладожцы, оставившие самобытную курганную культуру, отразились в летописи под другим названием — «чудь». Впрочем, по более поздним летописным данным, чудь — это эсты, предки современных эстонцев (вспомним, например, Чудское озеро, отделявшее земли эстов от новгородских владений. А еще известна «заволочская чудь», обитавшая на востоке, за Онежским озером. С этим народом новгородцы столкнутся позже, в XI веке.

Так мог выглядеть бой представителей европейских народов V–VI вв. — времени появления славян на исторической арене. Массовым оружием варварской Европы были легкие метательные копья, в качестве защитного снаряжения господствовали большие щиты с кулачным хватом. Воин слева носит характерный шлем-шпангенхельм, собранный из фигурных пластин с помощью заклепок. Фото <http://independent-fly.livejournal.com/>

Некоторые ученые полагают, что именно приладожские воины скрываются в русских и скандинавских источниках за именем «колбягов», или «кулпингов», как называли их норманны.

Приладожская весь очень рано включилась в североевропейскую меховую торговлю. В обмен на меха приладожские финны получали скандинавские и древнерусские украшения, высококачественное оружие, в том числе богато украшенные мечи. Были у приладожцев и самобытные украшения — привески в виде водоплавающих птиц.

Вот те народы, которые непосредственно участвовали в событиях ранней русской истории. Конечно, летописец называет намного большее число финских племен, окружавших Русь в IX–XI веках. Однако большинство из них обитали за пределами собственно Руси.

Итак, первый корень русского военного дела — это древние традиции лесных народов. Посмотрим, чему научил наших предков главный враг — Великая Степь.

...Соседство со Степью наложило отпечаток на всю историю нашей страны.

Древняя Русь как могучее государство с активной внешней политикой возникла в борьбе со степными народами. Сначала это была борьба за освобождение от их власти, потом — борьба за подчинение Степи. Подчинение было недолгим. Снова войны, стычки, прочные и разносторонние контакты, затем, уже в XIII веке — новая катастрофа. Степь снова обрушилась на славянский мир и едва не погубила его. И новое государство — Московская Русь — тоже результат борьбы...

Но наши отношения со Степью — это не только борьба. Степь очень многое нам дала. Например, военная культура Древней Руси (комплекс оружия и снаряжения воина, тактика конного боя) сложилась во многом под степным влиянием.

Мы произносим слова «древнерусский воин» — и какая картина встает перед нашим мысленным взором? Мы видим витязя на коне, на голове его заостренный шлем, на ногах — высокие сапоги, тело воина защищает доспех из стальных пластинок. Все это — степные заимствования, появившиеся у нас на протяжении X века.

Степи Евразии тянутся широким коридором от Маньчжурии и Монголии до европейской Паннонии — местности в среднем течении реки Дунай. С незапамятных времен это огромное пространство стало ареной борьбы народов, которые кочевали по Степи, сражались друг с другом, объединялись в союзы, сгоняли соседей с мест и совершали грабительские походы в Лес. Движения степняков стали главным толчком Великого переселения народов.

Народы Степи занимались (и занимаются сейчас) кочевым скотоводством. Разводили коров, коз, овец, но главным животным для жителей степей была, конечно, лошадь, которая обеспечивала подвижность, возможность перемещаться по степи и воевать с соседями в случае необходимости. Именно здесь появилась первая в мире

кавалерия. Все степняки владели обширными стадами лошадей и знали навыки конного боя. Кто не имел коня или не умел на нем воевать — погибал.

Подвижность кочевых народов неизбежно вела к относительной недолговечности возникавших в Степи государств. Самыми прочными оказывались те образования, которые кочевники создавали в союзе с какими-либо оседлыми народами.

Кочевник перемещался по степи не хаотично (кончился корм для скота — снялся с места и двинулся куда глаза глядят), его движение было географически ограничено. Каждый род, каждое племя, каждый племенной союз имел свои места летних и зимних кочевков, за пределы которых выдвигался только в экстренных случаях.

Таковыми случаями могли быть засухи, приводившие к гибели пастбищ, или нашествия врагов. Нередко одно было следствием другого — народ, стронувшийся с места из-за природного катаклизма, неизбежно ущемлял соседей.

Крупные войны степняков давали эффект, подобный кругам на воде от брошенного камня. Народ, проигравший войну, нередко, сместившись в другую область, подчинял или вынуждал к откочевке какой-нибудь более слабый этнос, тот, в свою очередь, смещался и взаимодействовал со следующими народами, и так далее.

Войско русов X века. К этому времени шлемы и доспехи были хорошо известны на Руси, тогда как о защитном вооружении более раннего времени мы знаем очень мало. Фестиваль «Первая столица Руси-2011» (Старая Ладога). Фото Д. Тихомирова

Украшения раннего славянского костюма были немногочисленны. На тканом поясе носились все необходимые мелкие предметы, например нож

Если продолжать сравнение возникавших в Степи ситуаций с падением камня в воду, то получается, что «камень падал» чаще всего в Центральной Азии, в районе Алтая и нынешнего Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, иногда восточнее, вблизи древних китайских границ и в Маньчжурии. В целом «круги по воде» шли с востока на запад.

Древнейшие известные нам по античным сочинениям жители восточноевропейских степей говорили на иранских языках. Это были скифы, хорошо известные по сообщениям античных авторов. По сложившейся в греческой литературе традиции византий-

цы и много веков спустя звали скифами всех, кто обитал к северу от Черного моря, под это определение иногда подпадали и русы.

Ближе к началу нашей эры скифов сменили родственные им сарматы и аланы. А в IV веке нашей эры в степи Восточной Европы впервые вторгся народ алтайской языковой семьи — грозные гунны.

Многие ученые полагают, что гунны, известные нам по античным источникам, и хунну древнекитайских авторов* — один и тот же народ. Прямых доказательств этому, однако, нет. Язык гуннов условно относят к древнему пласту тюркских языков**.

Гунны, покорив несколько восточноевропейских народов, создали к середине следующего, V столетия обширную державу, простиравшуюся от Подунавья до Поволжья. Создателем этой державы был знаменитый вождь Аттила. В 451 г. гуннское войско вместе с подвластными народами вторглось в Западную Римскую империю, но потерпело тяжелое поражение в битве на Каталаунских полях (в современной Шампани). Вскоре после смерти Аттилы его держава распалась, и к началу VI века гунны сошли с исторической арены.

Примерно в это же время на востоке Степи начали складываться первые известные по китайским и ближневосточным источникам тюркские каганаты. Каганат — это государство, во главе которого стоит каган (или хакан) — такой титул носили правители у очень многих тюркских, да и не только тюркских (как мы уже знаем из истории Руси IX века!) народов. Эти большие степные государства, основанные на подчинении нескольких племен одному более сильному, были

* Хунну и родственные им народы на протяжении нескольких столетий были главными врагами Поднебесной империи (так китайцы называли свое государство). Именно для защиты от степных племен Цинь-Ши Хуан-ди, первый император объединенного Китая, распорядился строить Великую китайскую стену.

** Алтайская семья языков распадается на три группы — тюркскую, монгольскую и тунгусо-маньчжурскую. На тюркских языках в наши дни говорят народы, обитающие на значительной части Евразии — от Турции и до Якутии.

не слишком долговечными. Как правило, большие каганаты быстро распадались на отдельные более мелкие образования, которые продолжали самостоятельно развиваться и иногда надолго переживали исходное государство.

Следующая волна степняков вторглась в Восточную Европу в VI веке. Авары, тюркоязычный народ из Центральной Азии, спасаясь от власти Тюркского каганата династии Ашина, откочевали на запад и основали на Дунае в 568 г. свое государство — Аварский каганат. Каганат вел активные внешние войны, в том числе с Византией, которая в VIII в. выплатила аварам немалую дань.

Многие славянские племена средней Европы оказались под властью авар. Более всего пострадал от степных захватчиков племенной союз дулебов, обитавший в Прикарпатье. В «Повести временных лет» сохранилась легенда о жестокостях, которые авары творили над дулебскими женщинами*:

«В эти же времена были и обры, которые ходили на Ареклия царя** и едва его не пленили. Эти обры воевали со славянами и примучили дулебов, также славян. И творили насилие женам дулебским — если случалось обрину ехать куда-нибудь, не давал впрягать ни коня, ни вола, но велел впрячь три, или четыре, или пять жен в телегу и повезти обрина, и так мучили дулебов. Были обры телом велики и умом горды, и Бог истребил их, и умерли все, и не осталось ни единого обрина. И есть притча в Руси и до сего дня — «погибли, как обры...».

Западноевропейские источники тоже сохранили рассказы о насилиях, которые чинили авары в славянских землях. В «Хронике Фредегара», написанной в VIII в., отмечено, что авары, отправляясь к славянам зимовать, «брали женщин и детей славян и пользовались ими», а также использовали славян в своих походах в качестве передо-

Войлочная юрта — традиционное жилище кочевников с незапамятных времен. На фото слева — юрта наших дней, справа — реконструкция юрты IX–X вв. Фестиваль «Городецкое Гульбище-2010». Фото автора

* Приводим в переводе на современный язык.

** Византийский император Ираклий.

► **Князь Святослав.**
 Акварель
 Ф. Г. Солнцева.
 Сокрушитель
 Хазарии — один из
 немногих героев нашей
 древней истории,
 словесный портрет
 которого хорошо
 известен. Яркое
 описание его внешности
 оставил византийский
 историк Лев Диакон.
 По словам этого автора,
 одежда князя была
 очень простой
 и отличалась от одежды
 его воинов лишь
 чистотой. У князя
 не было бороды, только
 длинные усы и прядь
 волос на выбритой
 голове — прообраз
 казачьего «оселедца»

вых отрядов, брали с них дань. Эта же хроника донесла интересный рассказ о некоем франкском купце по имени Само, который, отправившись к славянам торговать, успешно возглавил борьбу против авар, а затем был избран славянским королем. Тридцать пять лет правил Само славянским государством и совершил множество походов на соседей — не только на авар, но и на Франкское королевство, которым правили в ту пору короли из династии Меровингов. Однако сразу после смерти Само в 658 г. это государство распалось.

История Само перекликается с нашей легендой о призвании варягов и показывает, что воцарение чужеземца у того или иного народа вовсе не было в раннем Средневековье чем-то из ряда вон выходящим. Более того, такой чужеземный предводитель действовал в первую очередь в интересах того народа, которым он правил.

Что же касается каганата авар, то он прекратил свое существование в первой четверти IX в. под ударами Франкской империи Карла Великого и болгарского хана Крума. Аварские владения вошли в состав различных государств, а сами авары были ассимилированы.

Тюркский каганат Ашина, в свою очередь, вскоре распался на Западно-Тюркский и Восточно-Тюркский, а от западного каганата отпочковалось очень важное для нашей ранней истории государство — Хазарский каганат, или Хазария (мы далее будем называть его просто — каганат).

Хазары, как и многие другие народы Степи, относились к тюркской языковой группе. Они сумели закрепиться в низовьях Волги и, подчинив несколько соседних племен, владычествовали там до конца X столетия. Первоначально столицей каганата был город Самандар, или Семендер, находившийся на побережье Каспия вблизи нынешней Махачкалы, а затем главным городом Хазарии стал Итиль, находившийся в дельте Волги, где-то вблизи Астрахани.

Новое государство быстро установило дипломатические отношения с Византией и иранскими Сасанидами. Хазары со временем стали играть важную роль в торговых связях восточного мира и Европы — они контролировали важнейший путь по Волге. По этому пути в азиатские страны поступали меха и рабы, а навстречу двигались дорогие ткани и арабское серебро. Хазары также держали под контролем старинные торговые пути Северного Кавказа.

Изначально хазары, как и все степные племена, придерживались одной из ранних форм религии — шаманизма. Однако позднее верхушка каганата стала в силу различных исторических обстоятельств воспринимать веру того или иного могущественного соседа. Иногда это делалось для того, чтобы получить определенные внешнеполитические выгоды, а иногда сосед просто навязывал свою религию силой...

В 730-х гг. по каганату нанесли удар арабы. Арабский полководец Марван ибн Мухаммед (в будущем последний омейядский халиф Марван II) разбил хазар, взял город Самандар, долго преследовал

бежавшего кагана по берегу Волги и наконец принудил его к заключению мира и принятию ислама. Но ислам недолго продержался в Хазарии. Вскоре глава одной из противоборствующих группировок принял иудаизм — веру купцов-евреев. Иудеи в каганате появились в большом числе в VIII веке, когда византийские императоры системно занялись изгнанием их из пределов своей державы.

Принятие иудаизма хазарской верхушкой осложнило для каганата отношения с Византией, которая в предшествующее время успешно занималась экспортом христианства в Степь.

Девятый век каганат встретил сильным государством, вполне способным противостоять внешним угрозам, а также эксплуатировать более слабых соседей. Такими соседями хазар оказались и славянские племена, обитавшие, на свою беду, слишком близко к границе Степи.

Нам уже известен рассказ, который в летописи предшествует легенде о призвании варягов: рассказ о дани, которую южные племенные союзы выплачивали хазарам, между тем как «варяги из-за моря» эксплуатировали таким же образом северные племена и финнов. Но в недатированной части «Повести временных лет» есть и более подробный рассказ о даннических отношениях хазар и славян, а точнее — полян:

«И наидоша я (т. е. «их», полян. — М. С.) Козари, сидящая на горах сих в лесех, и реша Козари — «Платите нам дань!». Сдумавша же поляне и вдаша от дыма мечь. И несоша Козари ко князю своему и к старейшином, и реша им: «Се налезохом (т. е. «нашли». — М. С.) дань нову». Они же реша им: «Откуда?» Они же реша: «В лесе на горах над рекою Днепрскою». Они же реша: «Что суть вдали?» Они же показаша мечь. И реша старци Козарьстии: «Не добра дань, княже, мы ся доискахом оружием одиною стороною остромь, рекоша саблями, а сих оружие обоиду остро, рекше месь, си имуть имати дань на нас и на инех странах». Се же сбься... владеють бо Козары Русьстии князи и до днешнего дне...»

Так мог писать киевский летописец XII века, который прекрасно знал о гибели Хазарии под ударами русских войск Святослава Игоревича в 960-х гг. Однако в начале IX века до «владения хазарами» было еще далеко. Хазары полностью владели Степью и ближайшими к ней областями, собирали меховую и денежную дань с полян, северян, радимичей и вятичей.

* * *

До того как русы набрали силу, достаточную для войн с каганатом (а это произойдет во второй половине X века), главным врагом хазар были кочевые народы. Как мы уже знаем, примерно раз в сто лет какое-нибудь племя смещалось со своих исконных кочевий и пускалось в опасный путь по землям соседей. В IX веке много шума в Степи наделали венгры. Этот народ прежде жил на Южном Урале, а затем, до сих пор не вполне ясно, почему, отправился на запад. Часть венгров ушла на Волгу, главные же силы осели в Причерноморье.

По-видимому, именно для защиты от венгров хазары с помощью византийцев выстроили на своей западной границе, на реке Дон, мощную каменную крепость Саркел (в нашей летописи эта крепость известна как Белая Вежа). Возведением Саркела руководил византийский специалист — спафарокандидат* Петрона Каматир. Крепость эта хорошо изучена благодаря раскопкам М. И. Артамонова, крупнейшего знатока хазарской истории. Некоторые ученые также полагают, что именно венгерская опасность помешала посольству «хакана русов» возвратиться домой тем же путем, каким оно прибыло в Византию.

После постройки Саркела венгры отошли от хазарских границ в «страну Этелькез», которая лежала где-то между Доном и Дунаем. Здесь они продержались до конца IX столетия. Но затем на них напали пришедшие с востока тюрки-печенеги. С юга венгерских князей поджимал другой опасный сосед — воинственный болгарский царь Симеон, который в те годы грозил самому Константинополю и даже вынудил надменных византийцев признать за ним царский титул. И венгры снова снялись с места и двинулись на запад, через Карпатские горы. Там, за горами, на Среднем Дунае, народ-странник наконец-то обрел свою родину**.

Войны Симеона с венграми были известны и на Руси — через посредство византийских хронистов краткие сообщения об этих войнах попали в «Повесть временных лет».

Отразилось в нашей древнейшей летописи и движение венгров мимо русских границ. «Идоша Угри мимо Киева горою... — писал летописец под 898 г., — ...и пришедше к Днепру, и сташа вежами, беша бо ходяще аки се половци...» По словам летописца, угры вторглись на Дунай и прогнали оттуда «волхов» (не тех ли самых, которые притесняли славян на дунайской прародине?). Упоминает наша летопись и о войнах венгров с дунайскими болгарами и византийцами, а также о попытках византийцев использовать венгров против болгар.

А в следующем, десятом веке русские князья станут привлекать венгров к своим походам в качестве наемной конницы. Венгерские традиции оказали большое влияние на костюм русских дружинников

* Спафарокандидаты — один из разрядов византийского чиновничества.

** Это время у венгерских историков так и называется — «эпоха обретения родины».

*Знатный степной воин.
Автор реконструкции
С. Мишанин.
Реконструкция
выполнена
по материалам
северокавказских
могильников. Главные
элементы степного
костюма связаны
с необходимостью
верховой езды — это
распашной кафтан
и сапоги. На поясе
воина типичное оружие
степняков — сабля,
оптимально подходящая
для нанесения мощных
рубящих ударов с седла.
Почти все
представленные
на фотографии
элементы костюма
и вооружения степняков
хорошо прижились
в русской дружинной
культуре*

X столетия. Например, именно у венгров была заимствована конструкция модного среди дружинников-русов воинского пояса. На Руси известны находки венгерских сумочек, украшенных узорчатыми латунными бляшками или чеканными накладками.

...Говоря о крепости Саркел, мы не можем обойти вниманием тот народ, на чьих землях эта крепость была построена. Конечно, эти земли исторически не принадлежали хазарам — как и все остальные области каганата!

В те времена на Нижнем Дону обитали аланы. По языку аланы — иранцы, дальние родственники древних степных народов — сарматов и знаменитых скифов, обитавших в причерноморских степях еще в первом тысячелетии до нашей эры.

Расцвет донских алан пришелся на VIII–IX века. По названию древнего аланского городища у села Верхнее Салтово археологи называют культуру алан салтовской, или салтово-маяцкой. Аланские древности очень выразительны. Украшения салтовцев с помощью деятельных купцов-русов расходились на огромные расстояния. В могильниках древнерусских поселений нередко встречаются салтовские импорты — например, изящные женские перстни с каменными или стеклянными вставками. А в Старой Ладогe известны аланские привески-лунницы из яркого синего стекла.

Донская Алания прекратила свое существование под ударами хазар к началу X века. Но другая группа алан — северокавказская — сохранилась до наших дней. Дальними потомками древних алан являются современные осетины.

Следующая волна степняков, появившаяся в южнорусских степях, — это снова представители алтайской языковой семьи — печенеги. Согласно летописным данным появились они вблизи русских границ в начале X в., в 915 г. Тогда никаких военных столкновений между Русью и степняками не было — печенеги «сотворили мир» с князем Игорем и отправились на Дунай, где приняли участие в болгаро-византийских войнах.

Обосновавшись в причерноморских степях, печенеги на протяжении всего X столетия тесно взаимодействовали с Русью. Обычно печенег в нашей классической литературе рисуется врагом:

Но только свет луны двурогой
Исчез пред утренней зарей,
Весь Киев новой тревогой
Смутился! Клики, шум и вой
Возникли всюду. Киевляне
Толпятся на стене градской...
И видят: в утреннем тумане
Шатры белеют за рекой;
Щиты, как зарево, блистают,
В полях наездники мелькают,
Вдали подъемля черный прах,
Идут походные телеги,
Костры пылают на холмах.
Беда: восстали печенеги!

Действительно, печенеги часто появлялись вблизи русских границ с войной. Но бывало и по-другому — Русь вела с печенегами торговлю, русские князья охотно привлекали этот народ к своим походам на Византийскую империю, а иногда печенеги участвовали и в войнах князей друг с другом, на той или иной стороне...

Во внешней политике Византии печенеги стали важным звеном. Этот многочисленный и сильный в военном отношении народ можно было с успехом использовать для внешних войн и контроля над опасными соседями, и в том числе — для войн против русов.

Именно с описания печенегов начал свой трактат «Об управлении империей» Константин Багрянородный. Он подробно описал процедуру установления контактов между имперскими дипломатами и печенежскими ханами. Византийцы регулярно предпринимали посольства в Степь. Направлялись посланцы императора через Херсонес, византийскую провинцию в Крыму.

Соседи печенегов боялись. У Константина описан замечательный эпизод византийско-венгерских отношений:

«Когда клирик Гавриил как-то был послан к туркам (турками Константин называет венгров. — М. С.) по повелению василевса и сказал им: «Василевс заявляет вам, чтобы вы отправились и прогнали пачинакитов с мест их, а вы расположились бы вместо них, так, как прежде там располагались, — дабы находиться близ царственности моей и дабы, когда я того пожелаю, я отправлял послов и вскорости находил вас», — то все архонты турок воскликнули в один

Древнерусские воины — дружинники и ополченцы. Авторы реконструкций — Д. Бельский, В. Присекин, О. Рублёв, М. Татаринов. Клуб «Ладога» (Санкт-Петербург)

Кольцевидная фибула — застежка плаща. Швеция, X в. Автор реконструкции В. Качаев. Такими фибулами с длинными иглами застегивали свои плащи на правом плече воины-викинги

голос: «Сами мы не ввяжемся в войну с пачинакитами, так как не можем воевать с ними, — страна их велика, народ многочислен, дурное это отродье. Не продолжай перед нами таких речей, не по нраву они нам».

Такое отношение «турок» к перспективе войны понятно — именно удары печенегов вынудили венгров к откочевке из Причерноморья. Сместившись под давлением печенегов на запад, венгры, в свою очередь, разрушили своими набегами Великоморавское княжество.

В XI в. печенегов прогнали из степей половцы, другой тюркоязычный народ, пришедший с востока. Но увлекательная и сложная, растянувшаяся почти на двести лет история русско-половецких отношений лежит уже за рамками нашей книги.

Традиции степных народов стали важным источником военного знания для зарождающейся Руси. Бесперывные войны со степняками вырастили русскую конницу, которая с XI в. могла на равных биться с половецкими всадниками и долгое время была основной ударной силой русского войска.

А еще один важный импульс в развитии военного дела пришел на Русь из Северной Европы — от скандинавских народов.

... Дальними предками современных датчан, норвежцев и шведов были германские племена, расселившиеся с юга на север по Скандинавскому полуострову незадолго до начала новой эры. Все они говорили на одном языке, имевшем некоторые диалектные отличия. Занятиями их были земледелие и скотоводство. Но земледелием в гористой Скандинавии можно заниматься далеко не везде, и для жителей будущей Норвегии и западной Швеции скотоводство вышло на первый план.

Жили древние скандинавы большими семьями, каждая такая семья занимала «длинный дом» — огромную постройку под крышей из дерна. В таком длинном доме жили сразу несколько поколений. В неотчуждаемой собственности такой семьи находились пашни и пастбища. Позднее, с ростом населения, семьи и их недвижимые владения стали дробиться, но и тогда родичи не теряли связи друг с другом и селились по соседству. Так образовывались крупные хутора и усадьбы.

Природные условия Скандинавии не позволяли ее обитателям расселяться деревнями, так, как жили, например, восточные славяне. Впрочем, и о славянах ранневизантийские авторы пишут, что их поселения невелики и разбросаны далеко друг от друга по огромному пространству.

Каждый современный народ континентальной* Скандинавии (норвежцы, датчане и шведы) сложился на основе нескольких древних племен. Так, в Норвегии обитали эгды, херды, ругии, тренды,

* К скандинавским народам относятся также живущие на островах Атлантики исландцы и фарерцы.

*Скандинавский
общинник-бонд. Автор
реконструкции
Е. Алексеев.*

Основу костюма скандинавов составляли рубашка и штаны, которые снизу закреплялись обмотками — длинными полосами ткани, или высокими шерстяными чулками. В отличие от Степи и Руси, в Скандинавии не сложилось традиции украшать бляшками пояса (но зато богато украшалась конская упряжь). Пояс зачастую имел только пряжку и наконечник. На пояс подвешивались необходимые в быту вещи — ножи, кошельки, осельки, кресала и т. п.

халейги и многие другие, более мелкие племена. Швецию населяли мощные племенные союзы сеев и гаутов. На балтийском острове Готланд жили гуты, чьи потомки до сих пор четко отделяют себя от континентальных шведов. В Дании расселились даны и юты.

Основу скандинавского общества составляли, как и на Руси, свободные общинники. В «Северных странах» такой общинник — домо-

Готландский бонд.
Автор реконструкции
Е. Минин (клуб
«Валькнут», Санкт-
Петербург).
Общий контур костюма
воссоздан
по изображениям
на памятных каменных
стелах с острова
Готланд. Готландцы
отличались яркой
и самобытной
материальной
культурой. Многие
детали их костюма были
позаимствованы
из Прибалтики и Руси

хозяин назывался «бонд». Бонды сообща решали все важные дела на особых народных собраниях — тингах. Скандинавский тинг — прямой аналог древнерусского веча.

Тинг собирался в наиболее удобном с точки зрения географии месте, например, в устье реки, или в центре относительно густонаселенной области. Как правило, в этом же месте стояло и общее для всех бондов округа капище, в котором приносились жертвы в дни праздников календарного цикла или, например, перед военными действиями. На тинге не только решали важные для всей округи

дела, но и торговали, обменивались новостями, договаривались о свадьбах. Тинг для любого свободного домовладельца был главным событием года.

Как и у восточных славян, межплеменные войны скандинавов выдвинули на передний план фигуру военного вождя — конунга и окружавшую его дружину — профессиональных воинов, ничем не занимавшихся, кроме войны.

Так же, как и русского князя, власть норманнского конунга была ограничена общинными традициями. Если конунг не выполнял возложенных на него задач, был неудачлив в военных предприятиях, он мог быть смещен или даже убит. Даже в XII столетии, когда в стране был уже только один конунг, процедура провозглашения нового правителя на тинге была обязательной.

Уже к VI в. в Скандинавии сложилась яркая военная культура. По местечку Вендель в Швеции, где был обнаружен очень богатый могильник этого времени, археологи называют время с V по VIII в. «вендельской эпохой».

Воины вендельского времени носили устрашающие шлемы с полумасками, украшенные чеканными пластинами или литыми изображениями животных, оружием их были длинные обоюдоострые мечи с богатыми украшениями рукояти. Это было время легендарных конунгов, описанное в «Саге об Инглингах»*.

В это время сложился скандинавский эпос, частично записанный уже в христианское время, в XIII веке. Благодаря древним исландцам мы сравнительно неплохо знаем древнескандинавских богов и героев. Почему этим знанием мы обязаны именно исландцам — об этом мы обязательно скажем в главе, посвященной распространению христианства на Руси и Скандинавии.

На вершине пантеона норманнских богов оказался Один — покровитель конунгов, дружинников, поэтов-скальдов и колдунов. Он ездит на волшебном восьминогом коне Слейпнире, его сопровождают два ворона, которых зовут Хугин и Муин («Мысль» и «Память») и два волка — Гери и Фреки («Жадный» и «Алчный»). Один собирает погибших в сражениях воинов в своих чертогах — Вальгалле, где они сражаются и пируют. Любой скандинавский пир воспроизводил собою пиры Одина.

Непосредственно из вендельской эпохи выросла грозная «эпоха викингов».

Дружина постоянно нуждалась в новой военной добыче, а войны между племенами были хоть и частыми, но все же не постоянными. Поэтому многие конунги стали предпринимать военные экспедиции за пределы своих стран, а некоторые из вождей и вовсе жили морской войной, редко задерживаясь на берегу. Таких предводителей называли «морскими конунгами».

* Инглинги — род шведских конунгов, происходивших, по легенде, от бога Ингви-Фрейра.

Население росло, а пахотных угодий и пастбищ не хватало. Голод был обычным явлением в древней Скандинавии, и многие скандинавы стали переселяться в поисках новых земель за пределы родины — на Оркнейские и Шетландские острова, на Фареры, в Исландию... Такая эмиграция началась еще раньше, чем грабительские военные походы.

Молодой сын бонда, покинувший отчий дом и ушедший в дружину конунга, как бы выпадал из размеренного быта родового общества, сворачивал с накатанной дороги традиционной крестьянской жизни. Очевидно, именно от «víkja» — «поворачивать», произошло наводившее ужас на Западную Европу слово «викинг». Викинг — тот, кто свернул, тот, кто уплыл из страны и сделался морским разбойником.

Первый попавший в источники набег викингов случился в 793 г. Тогда был разорен монастырь на острове Линдисфарн, близ побережья Англии. Вскоре атаки скандинавских разбойников на монастыри и прибрежные города стали повседневной реальностью для жителей англосаксонских королевств, Ирландии, Фризии, Западно-Франкского королевства. В 846 г. датский конунг Рагнар Кожаные Штаны взял Париж.

Во второй половине IX столетия скандинавы в большом числе стали оседать на западных землях — в Англии, Ирландии, на островах Атлантики. В это время норвежцы открыли Исландию и начали ее заселение. В 911 г. предводитель викингов Хрольв Пешеход обосновался на северном побережье Франции, по скандинавским поселенцам эта область до сих пор зовется Нормандия.

В конце IX века в Норвегии разразилась война за объединение страны. Правивший в Вестфольде (область вблизи современной столицы Норвегии Осло) конунг Харальд подчинил в результате тяжелых боев почти всех остальных вождей. Многие знатные норвежцы бежали от притеснений Харальда на западные острова, именно при Харальде Исландия была заселена полностью.

Символом «эпохи викингов» стал корабль.

Искусство судостроения вырабатывалось в Скандинавии на протяжении нескольких веков. К IX в. оформился основной тип корабля — килевое судно с одинаковыми носом и кормой, приводившееся в движение веслами и прямым парусом. Строились такие суда из досок, получавшихся при раскалывании бревна в специальном станке. Пояса обшивки скреплялись с помощью железных заклепок квадратного сечения.

Самые знаменитые корабли эпохи викингов были открыты археологами в королевских курганах Норвегии — в Гокстаде и Осеберге. Прочный, лишенный украшений гокстадский корабль длиной около 20 м считается классическим боевым кораблем викингов. Корабль из Осеберга более легкий и хрупкий, его штевни украшены богатой резьбой. Вероятно, это была придворная яхта для непродолжительных выходов в море (погребение в Осеберге было женским), или даже особое погребальное судно.

Кроме боевых кораблей, скандинавские мастера строили кнорры — торговые суда с высокими бортами и заваленными внутрь штевнями. Кнорр тоже имел весла, но почти не использовал их — только для разворота в узких гаванях.

В IX—X вв. сотни боевых и торговых норманнских кораблей пересекали своими дубовыми носами воды европейских морей. Скандинавы воевали, торговали, переселялись на новые места, открывали неведомые ранее земли, нанимались на службу к иноземным правителям. Многие из них навсегда расстались с родными фьордами, отправившись на запад — в Англию, Ирландию, Нормандию, на острова Северной Атлантики...

А другие в поисках славы и богатства устремились на восток.

«Аустрвегр» («Austrvegr»), т. е. «Восточный Путь» — так называли скандинавы все земли, лежащие к востоку от Балтийского моря. Они познакомились с этими странами еще в вендельское время.

Балтика в географическом смысле — второе «средиземное» море Европы. Естественно, что народы, жившие по берегам моря, активно взаимодействовали друг с другом — торговали, воевали, заимствовали друг у друга украшения и одежду. Расцвет такого взаимодействия балтийских народов пришелся на период VIII—XI вв. С народами Балтики необходимо познакомиться поближе — это зна-

Кулачный щит в различных вариантах применялся в Европе с I тысячелетия до н.э. вплоть до Средневековья. К началу «эпохи викингов» преобладали круглые щиты, относительно небольшого, по сравнению с античными образцами размера. Фестиваль «Первая столица Руси» (Старая Ладога). Фото Д. Тихомирова

*Воин-свей из Бирки.
Автор реконструкции
И. Пономарев
(клуб «Черный Ворон»,
Санкт-Петербург)*

комство нам очень пригодится при изучении нашей древнейшей истории.

Западное побережье моря населяли шведские племена, объединенные (как и племена восточных славян) в несколько союзов. Самым мощным и известным среди этих племенных союзов были свеи, обитавшие в так называемой Средней Швеции — области нынешней шведской столицы города Стокгольма. К югу от них обитали гауты, а на большом острове Готланд — гуты, или готландцы.

В области свеев, на острове посреди озера Меларен, находилась Бирка — один из главных торговых городов Балтики. Расцвет Бирки пришелся на рубеж IX–X веков и первую половину X века, а во второй

половине столетия город запустел. Точная причина упадка Бирки до сих пор не выяснена. Возможно, гибель города была связана с изменением уровня воды в Меларене.

В Бирке найдено немало свидетельств тесных связей Руси и Скандинавии. Некоторые из погребений дружинников Бирки содержат явные импорты с территории Руси — наборные пояса, украшенные металлическими бляшками, узкие степные топорики-чеканы. Все эти вещи широко использовались в среде русских дружинников X века. Возможно, безвестные герои Бирки побывали на Руси, приняли участие в походах Олега или Игоря на Константинополь, а затем вернулись домой со славой и немалыми сокровищами...

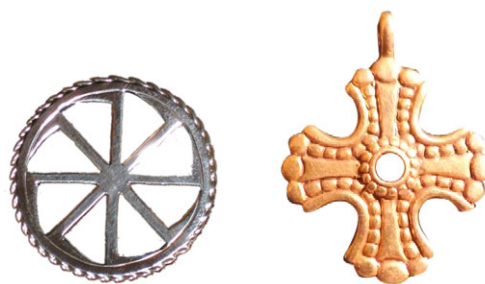
О том, что Игорь приглашал в поход на Византию варягов из-за моря, есть прямое свидетельство «Повести временных лет».

У Бирки в Средней Швеции был предшественник — торговое поселение вендельского времени на острове Хельге. Жители этого поселения также занимались международной торговлей, причем географический размах этой торговли был очень широким. В свое время в Хельге была найдена маленькая статуэтка Будды, каким путем она попала на север Европы — не вполне ясно...

Крайний юг современной Швеции, области Сконе, Халланд и Блекинге, были в те времена владениями датских конунгов. Датчане тоже активно действовали на Балтийском море, в частности, вели здесь торговые войны. Главным торговым портом самой Дании был в те времена город Хедебю, находившийся на востоке Ютландии в устье реки Шлей. Город этот возник, по-видимому, в первой половине IX века, вскоре после того, как датский конунг Готфред, воевавший с франкским императором Карлом Великим, распорядился создать единое укрепление — Датский вал высотой около трех метров. Этот вал тянулся через всю Ютландию.

В IX–IX столетиях город Хедебю процветал. Здесь велась широкая международная торговля. Это привлекало завоевателей, стремившихся держать под контролем богатое место. Хедебю поочередно захватывали то шведы (в 900 г.), то германцы — в 934 г. город обложил данью германский король Генрих Птицелов. С 980-х гг. город вновь перешел под власть датчан, наконец, в 1050 г. город разорил и сжег норвежский конунг Харальд Суровый. Богатому балтийскому торжищу пришел конец.

Вот и третий корень военного дела Руси — мореходные традиции скандинавов, через посредство которых наши воины оказывались в курсе всех европейских новинок оружейного дела. Теперь настала пора взглянуть поближе на само русское войско — в том виде, какой оно приняло ко времени грозных походов Олега, Игоря и Святослава. Прежде всего посмотрим, как это войско было организовано.

КНЯЗЬ, ДРУЖИННИКИ И ОПОЛЧЕНЦЫ

Но если дело дошло до схватки, постыдно вождю уступать кому-нибудь в доблести, постыдно дружине не уподобляться доблестью своему вождю.

Тацит, «Германия»

Военный вождь известен, наверное, у всех народов традиционного общества, которые соприкасались с другими народами и вынуждены были с ними воевать. Первоначально он был выборным и выбирался для конкретной военной задачи. Для того чтобы сделаться таким вождем, человек должен был обладать целым рядом качеств — он должен уметь сражаться, уметь управлять людьми, пользоваться авторитетом у соплеменников и обладать военной удачей. Последнее качество показывало, что вождю благоволят высшие силы, что для людей традиционного общества было очень важно. Со временем власть военного вождя стала наследственной, но все равно ограничивалась в основном военными вопросами.

Военный вождь в Древней Руси — это князь.

Князь традиционно видится неким дальним предком царя, абсолютного монарха. Вроде бы он в полной мере управляет делами своего княжества — решает вопросы войны и мира, судит людей... В действительности ситуация значительно сложнее.

Деятельность князя в древнерусском обществе была в первую очередь связана с войной — князь был предводителем войска, защищавшего ту или иную землю или город. Кроме того, именно через фигуру князя на жизнь общины влияли высшие силы. Без князя древнерусская городская община не могла считаться полноценной, она была уязвима и для врагов, и для злых потусторонних сил.

Князь должен командовать войском, которое защищает общину. Войско это состояло из княжеской дружины и ополченцев-воев. Князь как военный предводитель должен уметь эффективно защищать общину от нападения соседей, или наоборот — успешно орга-

И. Я. Билибин. Былинный богатырь Вольга и его дружина. Вольга Святославич (или Всеславич) русских былин — яркий образ дружинного предводителя. Он любит свою дружину, и она готова пойти за него в огонь и воду. На рисунке И. Я. Билибина Вольга и его витязи изображены в позднем военном облачении: на шлемах — флажкьяловцы, щиты имеют миндалевидную форму. Шлемы такого вида имеют ближневосточное происхождение и появились только в XVII столетии в арсенале поместной конницы

низовывать нападение на соседей. Кроме того, именно князь, скорее всего, руководил проведением больших обрядов в праздничные дни годового цикла.

Если князь не справлялся с обязанностями, он мог быть смещен, изгнан, а в исключительных случаях — убит. Князь в Древней Руси никогда и нигде не был полноценным монархом, его власть сильно ограничивалась общинными традициями.

Русские князья с детства готовились к ратным свершениям. В три года княжича торжественно сажали на коня, посвящая в воины.

На страницах летописи мы неизменно видим вокруг князя дружину — верных воинов, сопровождающих своего предводителя в радости и горе, при удаче и при неудаче. Дружинники сопровождают князя в поездках, сражаются за него в бою, дают ему советы (например, предупреждают об опасности), одним словом, это именно дружина — друзья, на которых князь всегда может положиться и которые образуют ядро древнерусского войска в случае большой войны.

А. М. Васнецов. Двор удельного князя. Так мог выглядеть княжеский двор где-нибудь на северо-востоке Руси в XII веке. Рубленные бревенчатые постройки могли в это время достигать значительной высоты — об этом можно судить по материалам раскопок Новгорода. Впрочем, церковь с изящными куполами-луковицами на заднем плане картины относится к значительно более позднему времени — художник использовал образы архитектуры Русского Севера XVII–XVIII столетий

Князь среди дружинников занимал положение «первого среди равных». Дружинники готовы были идти за князем в огонь и воду, но и князь понимал свою зависимость от дружинников и относился к ним соответственно. Он, как правило, не имел никаких бытовых преимуществ перед своим окружением, лично командовал в бою и принимал непосредственное участие в сражениях. Именно князю принадлежало право ритуального начала боя.

Дружинника нельзя было нанять за плату, он шел служить князю, руководствуясь иными принципами; здесь играли роль в первую очередь личная харизма и военные заслуги князя. «Златом и серебром не имам налезти дружины, — сказал в свое время сын Святослава Владимир Святой, — а дружиною налезу серебро и злато...»

Пожалуй, наиболее выразительным из наших князей-дружинников можно считать Святослава Игоревича. Кстати, именно на недолгое, но бурное его правление приходится наивысший расцвет «дружинной культуры» — особого воинского антуража русов.

Как раз ко времени Святослава относится краткая, но очень показательная летописная заметка об отношениях князя и дружины. Когда крестившаяся в Константинополе княгиня Ольга, мать Свя-

тослава, убеждала сына креститься, тот ответил категорическим отказом, объяснив это именно тем, что дружина начнет над ним смеяться.

Единение князя и дружины строилось не только на личной преданности дружинников своему вождю, но и на вещах сугубо материальных — благосостояние дружинников напрямую зависело от князя. Военный предводитель с незапамятных времен по обычаю обязан был кормить и содержать дружинников, и одной из главнейших добродетелей вождя всегда считалась щедрость. Главным источником дружинных доходов была дань с подвластных племен и военная добыча. Если князь по каким-то причинам не оправдывал ожиданий дружинников по части вознаграждения, инициатива следующего военного похода могла исходить «снизу» — например, в свое время воины Игоря уговорили его пойти грабить древлян, что и привело к гибели князя...

Князь распределял между своими воинами добытые в боях сокровища, дарил дружинникам ценные подарки и устраивал пиры.

Пир для человека Древней Руси ни в коем случае не был заурядной попойкой. Это было в известном смысле священное действие, повторение пира богов. Для скандинавских воинов пир конунга воспроизводил тот пир, который бог войны и победы Один устраивал в Вальгалле для павших в боях воинов-эйнхериев. Пир был окном в мир богов. Так что вовсе не только питье хмельных напитков как таковое имел в виду сын Святослава Владимир, когда сказал: «Руси есть веселье питие, не можем без того быти...»

В. М. Васнецов. Отдых Владимира Мономаха на охоте.

Охота была излюбленным развлечением русских князей, своеобразной боевой тренировкой. Князь Владимир Всволодович Мономах оставил в своем «Почуении», адресованном детям, красочное описание своих охотничьих приключений — он упоминает опасные схватки с дикими быками-зубрами и турами, оленями, медведями

«Нача думати с дружиною своею...»
 На миниатюре Радзивилловской летописи изображен момент вручения даров византийского императора Иоанна Цимисхия князю Святославу Игоревичу. Князь решил посоветоваться с дружиной о возможности продолжения тяжелой военной кампании против греков. Радзивилловская летопись — замечательный памятник древнерусского книжного искусства. Она создана в XV в. Текст иллюстрирован множеством миниатюр, которые являются важным изобразительным источником для изучения костюма поздней Руси. Основу текста Радзивилловской летописи составляет «Повесть временных лет»

А один из сыновей Владимира, князь-братоубийца Святополк Окаянный, из-за дружинного пира однажды проиграл сражение. В решающий момент, когда уже пора было строить войско и готовиться к бою, Святополк, по словам летописца, «пил бе с дружиною своею...». Результатом стала военная катастрофа.

Дружинные пиры и на Руси, и в Скандинавии устраивались обыкновенно за счет рядовых общинников, обязанных князю и дружине защитой от врагов. Когда заканчивался сезон походов, князь с дружиной отправлялся в полюдье. Вот как описывает полюдье русов византийский император Константин Багрянородный:

«Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступает ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что именуется «кружением», а именно — в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев

Святослав совещается со своими дружинниками. Миниатора Радзивилловской летописи

и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киев. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моноксилы, они оснащают их и отправляются в Романию».

Что же такое древнерусское полюдье? Это древнейший способ обеспечения военной защиты, известный как на Руси, так и в Скандинавии. Обращение к скандинавским источникам позволяет многое прояснить.

Механизм полюдья несложен. Есть военный вождь (например, князь или конунг), и у него есть дружина. Это постоянные военные силы древнего общества. Они не пашут и не сеют, однако им надо как-то существовать — их кормит народ, который они защищают. Вождь с дружинниками разъезжает по «подведомственной территории», ненадолго останавливаясь в условно оговоренных местах. В нашем случае это, очевидно, небольшие славянские города — центры племенных княжений. Такие княжения Константин называет «Славиниями», по аналогии с такими же образованиями ранних славян, чьи нашествия сотрясали Византию в VI столетии. Местами остановки «князя Руси» могли быть и особые «погосты», в которые свозилась дань.

Дань, по всей видимости, собиралась именно зимой, во время полюдья — объезда славянских земель. Проследить это можно довольно легко: известно, что хазары брали со славян дань «по белеи веверице» — зимней белке. Впрочем, как раз хазары могли наезжать за данью летом — их основные источники продовольствия лежали в Степи и никакого отношения к славянским землям не имели.

Приезд князя в небольшой славянский городок — всегда событие. О приезде знали заранее и готовили пир для князя и сопровождавших его дружинников. Тут собирали дань, торговали, решали судебные тяжбы, а возможно, и принимали в дружину молодых сыновей местных общинников. Затем русы отправлялись далее.

Так же проводил зиму в поездках по пирам и скандинавский конунг. Скандинавский аналог полюдья назывался «вейцла», т. е. пир, кормление. Конунги имели по всей стране сеть собственных поместий, которыми заведовали особо назначенные люди из числа дружинников или местных жителей, удостоенных такой чести за особые заслуги.

...О составе русской дружины, ее внутреннем устройстве, отношениях дружинников между собой мы знаем не так уж и много —

Оковка питейного рога. Русь, X в. Обязательным атрибутом дружинных пиров были рога для питья, окованные листовым серебром. Из них пили как на Руси, так и в Скандинавии. Однако у славян пиршественный бычий рог имел особый смысл — дикий бык-тур считался священным животным бога Перуна, покровителя славянских воинов, и защитником всего рода древних «словен»

летописные рассказы весьма кратки. Известно, что дружина четко разделялась на старшую и младшую. Младшие дружинники назывались «отроки» и «детские». По скандинавским источникам мы знаем, что в дружину конунга или ярла охотно поступали младшие сыновья свободных общинников-бондов, лишённые права наследования отцовских владений. Такой младший дружинник в Скандинавии звался «дренг» («dreng»).

Старший дружинник, опытный, состоявшийся воин, назывался «муж», а за особые заслуги он мог стать боярином. Бояре на Руси X в. — это ближайшие военные советники князя, они имели свои владения, а иногда (как, например, воевода Игорь Свенельд) и свои дружины, соперничающие по богатству одежды и вооружения с дружинами князей. Именно зависть к разодетым отрокам Свенельда толкнула дружинников Игоря на выдвижение инициативы грабительского похода на древлян.

*К. В. Лебедев. Полюдье.
Князь Игорь собирает
дань с подвластных
древлян под
Искоростенем*

Дружинник шведского конунга. Бирка, X век. Автор реконструкции М. Ю. Владимирский (клуб «Черный Ворон», Санкт-Петербург). Воины, возвратившиеся в Скандинавию из русских земель, приносили на историческую родину усвоенную на Руси моду. Дружинник, чей костюм восстановлен по материалам захоронений Хемландена — кладбища торгового города Бирка в Средней Швеции — одет в распашной кафтан, пояс повторяет степные образцы. В то же время молот Тора, боевой нож-скрамасакс и обмотки с крючками — это характерные атрибуты скандинава

Старший дружинник в полном боевом облачении. Начало XI в. Автор реконструкции С. Кашин-Свешников (Санкт-Петербург). Собственно русские формы оружия, оригинальная орнаментика украшений появляются к началу XI века. До этого дружинники русских князей использовали степные и европейские вещи, не подвергая их изменениям. У воина на фотографии — характерный меч с литой рукоятью, созданный южнорусскими мастерами, европейское копье с выступами на втулке, шлем и пластинчатый доспех повторяют степные аналоги

Помочь нам понять психологический мир русского дружинника может былинный эпос.

Происхождение былин теряется во мраке веков. Нет сомнения в том, что основа русского эпоса — очень древняя. В летописях и воинских повестях Древней Руси иногда просматриваются отражения героической поэзии — например, в знаменитом «Слове о полку Игореве» или в «Слове о погибели Русской земли». Вероятно, существовало дружинное предание о войнах князя Святослава Игоревича, отразившееся в красочных рассказах «Повести временных лет».

Нам известны по именам и некоторые из древних певцов. Самый знаменитый из них — Боян.

Иногда случалось так, что эпос языческого времени записывался в более или менее цельном виде книжниками-христианами. В Европе таких примеров много: здесь и англосаксонский «Беовульф», и скандинавские предания о героях, записанные в Исландии, и германская «Песнь о Нибелунгах», и ирландские эпические сказания о короле уладов Конхобаре и его дружинниках, самым славным из которых был герой Кухулин...

В героическом эпосе всегда, или почти всегда присутствует какой-нибудь государь, правитель страны. Чаще всего этот государь является и главным героем всего эпоса. Он — первый среди равных ему могучих воинов, он обладает волшебной силой и мудро правит своей страной. Таковы, например, калмыцкий Джангар или бурятский Абай-Гэсэр.

В. М. Васнецов. Боян. Непревзойденным мастером исполнения воинского эпоса был Боян, упоминающийся в «Слове о полку Игореве». Выражение «растекаться мыслию по древу» мы обычно употребляем в ироническом смысле — говорить многословно там, где можно этого не делать. Но в глазах автора «Слова» это однозначный комплимент — именно так, растекаясь мыслию по древу, волком по земле и орлом под облаком, пел знаменитый певец. Исторический Боян, если он вообще существовал, жил в XI–XII столетиях, в христианской Руси. Художник изобразил певца с поздними гусями-псалтирью, вооружение воинов, слушающих Бояна, также относится к периоду XIV–XVI веков. По-видимому, Боян поет на тризне, погребальном пиршестве — певец и слушатели сидят на вершине кургана, перед ними — братина и ковши. Юный княжич на картине одет в полураспашной кафтан, изображенный на миниатюре «Изборника 1073 г.» — одной из древнейших русских рукописных книг

А. П. Рябушкин.
Пир богатырей
у ласкового князя
Владимира

Бывает и так, что эпический правитель, будучи окружен прославленными храбрецами, сам не обладает выдающимися способностями, а иногда и вовсе оказывается в комических ситуациях. Таким правителем был король Конхобар, герой ирландского эпоса. В то же время этот неоднозначный государь вполне уважаем своими витязями, в эпосе он нередко носит почетные титулы. Главный герой ирландских сказаний — великий воин Кухулин высоко чтит Конхобара как своего воспитателя.

К этому типу эпических властителей принадлежит и наш былинный князь — Владимир Красное Солнышко, на пирах которого завязывается большинство былинных сюжетов. Например, кто-то из героев неудачно похвастал — и был вынужден доказывать свою похвальбу делами. Кто-то поссорился с самим князем из-за неудачного распределения места за столом — для людей древнего общества это было очень важно! Бывает и так, что герой, которого все считают пропавшим без вести, может явиться неузнанным на пир — и сорвать свадьбу своей жены с другим героем...

Почти все наши былины в той или иной мере отразили древний дружинный дух. Но в нашем рассказе о русских дружинниках мы остановимся подробно только на одной из них. Эта былина рассказывает о том, как два героя — Дюк Степанович и Чурила Пленкович — состязались друг с другом... в красоте своей одежды.

Дюк Степанович приехал в Киев из Юго-Западной Руси, из «Волынца-города, из Галича». Уже само его имя (оно, вероятно, происходит от латинского «dux» — «князь», «герцог») склоняло ученых именно в том направлении искать его возможного исторического

двойника. Впрочем, прямого аналога в реальной истории у былинного Дюка нет.

Ученые полагают, что в былине о Дюке и Чуриле отразились те времена, когда русские земли соперничали, а нередко и воевали друг с другом. Дюк — не иностранец, хотя по отношению к Киеву и киевлянам выступает как чуждый персонаж. Он в чем-то свой, русский, а в чем-то нет.

Надо отметить, что у названия «Русская земля» в наших древних летописях двойной смысл. Во-первых, Русская земля — это вся необъятная Русь. Но в некоторых случаях Русская земля летописца — это Киев и прилегающая к нему область — современная Северная и Северо-Западная Украина. Вот эта-то «Русская земля в узком смысле слова» (так ее называют историки) и была долгое время соперником Галицко-Волынской Руси.

Дюк Степанович очень богат. Сокровища, которыми он владеет в Галиче, не описать и за три года. В конце былины киевляне во главе с Владимиром оказываются посрамленными и униженными.

И. Е. Репин. Запорожцы. Как в costume, так во внешности запорожских казаков сохранились некоторые характерные атрибуты дружинной культуры Руси, например прическа

Костюм русского дружинника. X век. Автор реконструкции А. Ковалев (Санкт-Петербург).

Дружинник-рус облачен в кафтан с золототкаными галунами, подпоясан сразу двумя наборными поясами степного облика. На поясе — характерная раннесредневековая сабля со слабым изгибом клинка. Костяной остроконечник с миниатюрной головой дракона применялся, скорее всего, для развязывания узлов, но мог использоваться и с другими целями, например — в качестве вилки. О том, что перед нами рус, говорит меховая шапка и массивная плетеная цепь из серебряной проволоки на шее воина. На таких цепях могли носить как молоточки Тора, так и христианские символы — кресты

Русский дружинник. X век. Автор реконструкции Д. Ковалев (клуб «Черный Ворон», Санкт-Петербург). В костюме и вооружении этого воина сочетаются степные и европейские элементы. Заостренный шлем, распашной кафтан с шелковым верхом и наборный пояс позаимствованы у кочевников, а каролингский меч происходит из Западной Европы. На ногах дружинника — невысокие кожаные башмаки с обмотками, сапоги появятся на Руси несколько позже

► **Костюм русского дружинника. X в. Автор реконструкции С. Мишанин.**
В костюме этого дружинника преобладают степные элементы — кафтан, покрой которого сходен с покроем северокавказской распашной одежды, наборный пояс, заостренная шапка с серебряным навершием. Однако нож-скрамасакс на поясе и башмаки с обмотками на ногах воина ясно указывают на то, что перед нами все-таки рус, а не степняк

На с. 53: Дружинники в кафтанах. Авторы реконструкций: А. Ковалев, Д. Ковалев, М. Владимирский (клуб «Черный Ворон», Санкт-Петербург)

Дружинный пояс с сумкой-ташкой. Автор реконструкции М. Савинов. Наборные пояса русских дружинников, украшенные бляшками-накладками, происходят из Степи. Сравнение орнаментов бляшек показывает, что большинство древнерусских поясов имеет ближайшие аналогии в Волжской Булгарии, известны на Руси и хазарские пояса. К концу X века появились и собственно русские традиции изготовления наборных поясов. Пояс, представленный на фотографии, найден при раскопках Тимеревского могильника под Ярославлем, на Верхней Волге. Он застегивался с помощью короткого вставного ремешка

В былине явно отразились времена могущества и славы Галича. Такого положения Юго-Западная Русь достигла во второй половине XII столетия, когда влияние Киева было уже сильно подорвано.

Но вернемся к сюжету былины. Галицкий молодец после разнообразных испытаний все же достиг стольного Киева. Уже когда он проезжал по улицам города к терему Владимира Красное Солнышко, киевские купцы заспорили, превзойдет ли первый киевский красавец Чурила Пленкович этого заезжего щеголя или же нет? Как видно, Чурила к этому времени прочно обжился в Киеве и однозначно воспринимался как свой человек. «Наш Чурилушка», — говорили о нем теперь киевляне.

Дюк с Чурилой побились об заклад на изрядную для средневековой Руси сумму в пятьсот рублей:

Щапить-басить да им по три года,
На каждый день да платья сменные.

Выражение «щапить-басить» можно перевести как «щеголять», «красоваться одеждой». Герои былины обязались три года одеваться каждый день в новое платье.

На первый взгляд такое хвастовство своими нарядами выглядит каким-то не богатырским, недостойным настоящих воинов делом. Но тут не все так просто.

Русского дружинника времен исторического князя Владимира отличал особый костюм, богатый и яркий. Воины-русы, участники далеких походов, а по совместительству еще и успешные купцы, одевались в такие одежды, каких никогда не смог бы себе позволить рядовой сельский общинник или горожанин.

Состязательность свойственна всем дружинникам по всему миру — будь то ирландцы, викинги или древние русы. Воины всегда были готовы превознести свое ратное умение в ущерб умению соседа. Иногда похвальба храбрецов на пиру приводила к жестоким, кровопролитным битвам. Например, в свое время случилось великое побоище между мужами Ирландии, которые спорили из-за почетной обязанности делить на пиру зажаренного кабана.

В древней Исландии существовала своеобразная игра. Пирующие выбирали себе «мужей для сравнения» из числа хорошо всем известных предводителей и хвалили их, а не себя. Соперник должен был доказать, что его кандидат превосходит кандидата оппонента.

Нет причин сомневаться, что воины Киевской Руси тоже задирали друг друга на пирах. И тоже хвастались своим оружием и бога-

тыми нарядами. Отголоски этой похвальбы слышны в споре Дюка и Чурилы.

Итак, герои приступили к делу. За Чурилу в этом споре поручился весь Киев. Но никто не хотел поручиться за Дюка. Тогда галичанин отправился в кабак и выкатил завсегдаям три бочки вина. И кабацкие голи поручились за него.

Три года оба исправно меняли одежды. Наконец, настал последний день. Чурила и Дюк облачились в лучшие наряды, причем Чурилу снаряжали всем Киевом.

Первый щеголь Киевской земли предстал в классическом дружинном костюме — сафьяновые сапоги, кафтан с «позументами», то есть с украшениями, сплетенными из золотой проволоки. Пуговицы на кафтане Чурилы тоже золотые. Существует вариант былины, в котором застежки кафтана киевлянина выполнены в виде фигурок молодцев и девиц — когда кафтан застегнут, фигурки обнимаются друг с другом...

Дюк вместо сапог обулся в... лапти, простонародную, совершенно непочетную обувь! Правда, лапти Дюка — шелковые, и в носки их вплетены драгоценные камни. Вместо кафтана (а может быть, по-

Пояс русского дружинника. X в. Автор реконструкционного комплекта В. Остроменцкий (клуб «Громовник», Москва). В одном из дружинных погребений Гнездовского могильника был найден пояс, не имеющих прямых аналогов ни на Руси, ни в ближайших степных областях. Бляшки этого пояса выполнены в виде кошачьих морд. Пояс не имел пряжки и завязывался с помощью особых шнурков, снабженных небольшими латунными наконечниками

верх него) галицкий герой надел соболью шубу. Пуговицы шубы сделаны в виде львов, а в петельках сидят змеи.

С виду наряды героев равно богаты, но есть один нюанс — одежда Дюка волшебная! Когда Дюк входит в церковь, львы и змеи оживают и издают чудовищный рык и свист. С переодеванием связаны многие древние магические обряды, и весьма вероятно, что именно эта древняя магия одежды отразилась в былине.

Так кто же из двух выдающихся хвастунов победил в состязании? Киевляне, послушав рык и свист волшебных животных на шубе Дюка, решительно заявили:

Спасибо, Дюк ты Степанович!
Перещапил Чурилушку ты Пленкова!

Дюк отобрал у Чурилы заклад в пятьсот рублей и принялся издеваться над побежденным соперником:

Баси ты, Чурило, перед бабами,
Перед бабами да перед девками,
А с нами, молодцами, ты и в кон нейди!

Но былина — это все же вымысел, хоть и имеющий под собой древнюю реальную основу. Настало время поближе посмотреть на русскую «дружинную культуру» X в., какой рисует ее нам археология.

Подобно вооружению, костюм русского дружинника времен походов Святослава вобрал в себя разнообразные традиции соседних с Русью народов. Более всего на древнерусский дружинный костюм повлияли обычаи народов Великой Степи — хазар, венгров, а также волжских булгар — оседлого народа, обитавшего на территории современного Татарстана.

Мужской костюм X в. как на Руси, так в Скандинавии чаще всего включал рубаху, штаны и плащ. С некоторых пор в костюм русского дружинника прочно вошел кафтан. Эта распашная одежда, удобная для езды верхом, была с древних времен известна в Степи, на Северном Кавказе, на Ближнем Востоке. Кафтаны на Руси в X веке встречаются именно в памятниках дружинной культуры — курганах Гнездова, Тимерева, могильника Шестовица под Черниговом и в дружинных курганах самого Чернигова.

От каких именно кафтанов — аланских, тюркских или ближневосточных — происходят кафтаны Руси, в точности сказать пока нельзя. Ближайшей аналогией русских кафтанов можно условно считать северокавказ-

*Сумка-ташка. Русь, X в.
Автор реконструкции
В. Качаев.*

Такие сумочки степного происхождения вошли в обиход русских дружинников в X в. Лицевая сторона их украшалась литыми накладками различной формы. Представленная на фотографии сумка происходит из могильника у с. Шестовица под Черниговом

ские кафтаны алан, хорошо известные по могильнику Мощевая Балка. В условиях высокогорья органика хорошо сохраняется, поэтому кафтаны и множество других предметов из Мощевой Балки дошли до нас в прекрасном для их возраста (могильник относится к VIII–IX векам) состоянии и дали много ценной информации о материалах, покрое и украшениях древней одежды.

Кафтаны Мощевой Балки пошиты большей частью из льняной материи, кроме того, встречаются шелковые кафтаны. Через район Мощевой Балки проходил один из боковых отрезков Великого шелкового пути, и жители этой местности имели доступ к высококачественным китайским и иранским тканям. Многие кафтаны подбиты мехом: у бедняков — овчиной, а самый богатый кафтан могильника с верхом из привозного шелка имел подкладку из беличьего меха.

Кафтаны Северного Кавказа распашные, подол их выкраивался отдельно от верха и расширялся книзу. Они застегивались на маленькие пуговицы, от которых по грудной части кафтана расходились узкие галуны из цветной тесьмы или шелковой ткани.

Материал русских кафтанов нам известен значительно хуже — как правило, в погребениях от кафтана остается только набор пуговиц. Число пуговиц могло доходить до 17–20 штук.

Лучше других сохранился кафтан из гнездовского кургана Дн-4. От кафтана осталась грудная часть с двумя рядами галунов, сделанных из валиков шелка. Верх кафтана был шерстяным, а подкладка (по крайней мере, в сохранившейся части) — кожаной.

Хотя кафтан из Гнездова и не соответствует по своим материалам кафтанам Мощевой Балки, конструктивно он с ними все же сходен. Но на Руси встречен и совершенно иной тип кафтанов, не кавказского, а венгерского происхождения. Речь идет о кафтане из черниговского кургана Гульбище.

В кургане был похоронен человек выдающийся во всех отношениях. Это был знатный дружинник, современник князя Святослава и, может быть, участник его походов. Судя по размеру шлема и стремян, найденных в этом кургане, воин был почти двухметрового роста. Как мы уже рассказывали в главе, посвященной оружию русских воинов, именно в кургане Гульбище найден самый большой в Европе каролингский меч длиной более метра. Но сейчас нам интересен кафтан из этого кургана.

Кафтан из Гульбища повторяет венгерские образцы. У него нет ни галунов, ни пуговиц. Он застегивался с помощью нескольких пар

Сумка-ташка. Русь, X в. Автор реконструкции В. Качаев. Накладки этой сумки, найденной в Гнездове под Смоленском, покрыты оловом. Сумки с бляшками такой формы известны не только на Руси, но и в Восточной Скандинавии

Сумка-ташка.
Венгрия, X в. У сумок
этого типа вся лицевая
поверхность
закрывалась чеканной
серебряной пластиной

литых ромбовидных накладок, украшенных кринами — стилизованными изображениями лилий. В каждой паре одна накладка имеет небольшой крючок, а другая — кольцо, в которое крючок вставлялся. Накладки были отлиты из латуни и позолочены. Кафтаны с подобными застежками хорошо известны на материале Венгрии.

Едва ли не самой яркой, самой характерной деталью костюма русского дружинника был пояс.

Пояса, украшенные бляшками, археологи называют наборными. Наборный пояс с древних времен был характерной деталью костюма степняков, а к X веку получил распространение и среди русских дружинников — вместе с кафтанами, степными шлемами, топориками-чеканами, саблями.

Древнерусские наборные пояса пережили свой расцвет в X веке. Но и позже они не вышли из употребления. Так, пояса с драгоценными металлами упоминаются в великокняжеских духовных грамотах (завещаниях) XIV–XV столетий.

Пояс воина был символом его положения в обществе Древней Руси. В погребениях русских дружинников пояса находят вместе с дорогим оружием, кафтанами, фрагментами дорогой отделки одежды. Обычно поясной набор состоял из пряжки, нескольких бляшек-накладок и наконечника. Встречаются и сложные пояса, с несколькими видами бляшек, общее число которых может достигать до нескольких десятков. Такие пояса (их конструкция была позаимствована у венгров) застегивались на небольшой вставной ремешок, а основной конец пояса, украшенный бляшками, свободно свешивался, или, может быть, закладывался определенным образом сам за себя.

Бляшки поясов имеют самую разную форму и самый разный орнамент: крины-лилии, трилистники, растительные завитушки, геометрические фигуры... Большинство бляшек латунные, нередко встречаются покрытые оловом (луженые) поясные наборы. А вот серебряные пояса были большой редкостью.

По своим орнаментам и форме бляшки и наконечники поясов X века копируют степные образцы. Значительная часть древнерусских поясных украшений происходит из Волжской Булгарии, но встречаются (правда, очень редко) и пояса с хазарским орнаментом. Во второй половине X в. в Черниговской земле сложилась и собственная традиция изготовления поясных накладок — с инкрустацией серебром. В отлитых из латуни бляшках прорезались

канавки, в которые потом аккуратно вколачивали серебряную проволоку.

К поясу подвешивались ножи, кресала, оселки, а также небольшие сумочки, украшенные металлическими бляшками или чеканными пластинами. Происхождение сумочек — венгерское, и в среде русских дружинников они получили столь же широкое распространение, как и наборные пояса. Вместе с наборными поясами и степными топориками-чеканами эти сумочки встречаются и в шведской Бирке, подтверждая прочную связь Руси и Скандинавии.

Большинство воинских сумок имеют на крышке большую ромбическую накладку с прорезью в центре. В прорезь входила латунная скоба, в которую пропускался узкий ремешок, сплошь украшенный маленькими бляшками. Вокруг центральной бляхи укреплялись четыре ромбические бляшки-розетки, небольшие треугольные накладки могли крепиться по всему краю сумки. Общий размер сумочки был весьма невелик — не больше 12–14 см в длину и ширину.

Встречаются на Руси и совсем миниатюрные сумочки для монет, имеющие лировидную форму — с расширением кверху. Края таких сумок оковывались латунными полосками, а на пояс сумочки подвешивались с помощью двух колец. Застегивались эти мини-кошельки на маленькие пуговицы.

В Скандинавии среди дружинников был распространен обычай ношения массивных браслетов из серебра и золота. Такие браслеты были не только украшением, но и вместилищем богатства — серебром рассчитывались на вес. На Руси подобных находок в погребениях дружинников нет, но нельзя исключать того, что наши воины могли носить витые серебряные обручи-гривны, хорошо известные по древнерусским кладам. В одном из воинских курганов Тимеревского могильника найден массивный квадратный перстень из золота.

Древнерусского воина обычно изображают в сапогах. Применительно к XII–XIII столетиям это, пожалуй, верно. А вот дружинники времен первых князей — Рюриковичей сапог не носили. Мода на эту степную обувь появилась у нас где-то к рубежу X–XI веков, а к XII столетию сапоги уже массово производили в мастерских древнерусских городов.

Ранний сапог имел невысокое прямое голенище из двух половинок — передней и задней. Позже появились более сложные

Зерненное серебряное навершие, украшавшее шапку русского дружинника. Такие навершия венгерского происхождения не только распространились по Руси, но и достигли шведской Бирки

Костюм русского дружинника. X в. Автор реконструкции С. Мишанин.

Этот костюм не столь богат — в нем отсутствуют дорогие шелковые ткани и серебряные украшения. По-видимому, перед нами младший дружинник, еще не успевший отличиться в дальних походах. Костюм, основу которого составляют рубашка и штаны, традиционен как для славян, так и для скандинавов. На принадлежность к дружинному сообществу указывают пояс с бляшками и степной сумочкой, кроме того, показателем известного достатка служит крашенная маренной рубаха воина

формы этой обуви — с голенищем, расширяющимся вверх и скроенным из нескольких частей. Носок сапога заострился, а подошва стала многослойной — ее собирали из нескольких слоев тонкой кожи. Еще позже, в XIV веке, у сапога появился невысокий каблук.

Самой массовой древнерусской обувью, насколько мы можем судить об этом по материалам раскопок городов Руси, были невысокие кожаные башмаки. Они состояли из двух деталей — верха и подошвы. Верх башмака сшивался либо сбоку, либо вдоль носка. Верх сшивали особым тачным швом, не прокалывая кожу насквозь. Встречаются на Руси и несколько более примитивные скандинавские башмаки с не столь изощренными прямыми швами — края сшиваемых деталей просто накладывались друг на друга и прошивались мелкими, аккуратными стежками. На ноге башмак закреплялся с помощью узких ремешков.

...Дружина — это постоянное, всегда готовое к бою элитное войско, которое может решать задачи определенного масштаба — сходить в набег, собрать дань, осуществить выгодный торговый поход. Но, когда дело доходит до крупных операций, — таких, как рейды на Константинополь-Царьград, — на первый план неизбежно выступает не столь яркая, но несравнимо более мощная сила — ополчение свободных общинников.

Крестьянская община — это, пожалуй, самый жизнестойкий социальный организм. Конечно, на протяжении веков она менялась — теряла собственность на землю, право на ношение и применение оружия, получала новых хозяев, новые поборы и повинности, но древняя основа ее, то самое «решение всех дел сообща», продержалась до XX века.

Община на Руси есть мера всего. Каждый человек (за редким исключением) Древней Руси осознавал себя принадлежащим к какой-либо общине. Маленький коллектив земледельцев — это община. Город с населением в несколько тысяч человек — это тоже община. Несколько городов с окрестными деревнями, жители которых осознают свое родство и производят себя от общих предков, — это тоже община, которая будет действовать как единое целое на международной арене.

А вот вся Древняя Русь единой общиной себя уже не осознавала.

Решения в любой общине, как мы уже знаем, принимались сообща или, говоря научным языком, коллегиально. Институт, который управлял общиной, имел различные названия у древних народов, общий термин, которым ученые обозначают эти институты — «народное собрание». У славян такое собрание называлось «вече».

Фибула — застежка мужского плаща. Русь, X в. Автор реконструкции М. Савинов. Фибулы в форме подковы были очень широко распространены в Восточной и Северной Европе. Их носили и скандинавы, и славяне, и финны, и балты. Представленная на фото фибула принадлежит к популярному на Руси типу фибул с многогранными головками на концах дуги. Впервые такие фибулы появились в юго-западной Финляндии, откуда распространились по всем землям, прилегающим к Балтийскому морю

*Одежда белорусов.
XIX в. Акварель
Ф. Г. Солнцева.*
Костюм славянских народов менялся со временем, но при этом общий его контур и основные детали оставались в неприкосновенности. Белорусские крестьяне на рисунке Ф. Г. Солнцева одеты в льняные рубахи и штаны, на головах крестьян — войлочные шляпы, на ногах — поршни, характерная низкая обувь, кроившаяся из одного куска кожи. Как и у древних славян, одежда не имеет карманов — все необходимое носится на поясе

Первая ассоциация при слове «вече» — Новгород. Там оно сохраняло силу на протяжении долгого времени, поэтому именно новгородское вече наиболее знаменито и, добавим, лучше всего изучено. Но и во всех других городах Руси вече существовало, просто о нем меньше известно. Когда наша летопись говорит о том, как киевляне или какие-то другие горожане «думали», «совещались» и т. п., — она имеет в виду именно вече.

Далеко не всякий житель древнерусского города или села мог присутствовать или выступить на вече. Вече, как, например, и скан-

*Северорусский
ополченец. X в.
Автор реконструкции
Р. Потапов
(клуб «Ладога»,
Санкт-Петербург).*

*Так мог выглядеть сын
общинника, принятый
в младшую дружину
во время осеннего
полюдья. Основу
вооружения ополченцев
из славянских и финских
племен составляли
копья и топоры,
защитное вооружение
чаще всего сводилось
к дощатому щиту*

*Славянский воин. X в.
Автор реконструкции
О. Рублев
(клуб «Ладога»,
Санкт-Петербург).
В руке воина —
типичный для Руси X в.
легкий боевой топор.
Крашенная мареной
рубаха — показатель
достатка. Скорее всего,
наш герой уже имеет
опыт дальних походов,
например, в войске
князя Игоря. На шее
воина — амулет
из просверленного
медвежьего клыка,
такие амулеты
археологи нередко
находят при раскопках
славянских поселений*

динавский тинг, это в первую очередь собрание глав семей, а в масштабах племени — глав родов.

Военная сила — тоже в руках самой общины. Оружие в славянском (как, впрочем, и в кельтском, балтском и в скандинавском обществе) не было привилегией избранных. Весь народ был вооружен, в каждой семье был воин (а то и не один), который мог в случае необходимости поучаствовать в отражении врага или в нападении на соседа.

Именно племенные ополчения описывает «Повесть временных лет», рассказывая о больших походах первых русских князей. Дружина в этом случае образовывала нечто вроде офицерского корпуса. Вот, например, состав похода Олега в 907 г.:

«Иде Олег на Греки, Игоря остави в Киеве, поя же множество Варяг, и Словен, и Чудь... и Кривичи, и Мерю, и Деревляны, и Радимичи, и Поляны, и Северо, и Вятичи, и Хорваты, и Дулебы, и Тиверци... и с сими со всеми поиде Олег на конех и на кораблех...»

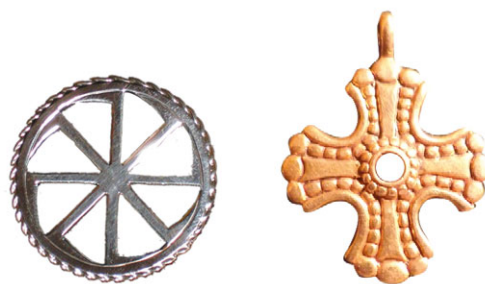
В огромное войско входили племенные ополчения как северных, так и южных восточнославянских племен, поучаствовали в походе к богатым берегам и финские ополченцы. Это как раз тот редкий случай, когда все пространство Руси от Новгорода до Киева выступило как нечто единое.

Итак, мы познакомились с организацией русского войска, того самого войска, которое со второй половины IX столетия начало совершать большие военные походы на южные моря — Черное и Каспийское. Как проходили эти походы — узнаем в следующей главе.

Кованая железная фибула. Автор реконструкции А. Будилов. Такими фибулами могли застегиваться плащи славянских ополченцев. Обломки кованых фибул нередко обнаруживаются при раскопках древнерусских городов и сельских поселений

В ПОХОД!

Когда славяне в глубине лесов защищались от врагов, или вели межплеменные войны друг с другом, их воинам не требовались какие-то специальные средства перемещения. Для решения небольших задач хватало и собственных ног.

К IX–X вв. положение изменилось. Жители Русской равнины — не только славяне, но и финны, и скандинавы, в большом числе осевшие здесь и ставшие своеобразными катализаторами перемен, — все эти народы оказались вовлечены в огромные по своему размаху военные эпопеи, стиравшие с лица земли целые страны.

Перебросить большое войско по воде намного проще, чем по суше. Первым и главным средством ведения войны для русов стал корабль.

Все большие внешние походы, утвердившие Русь на международной арене, осуществлялись именно на судах. Так что не будет преувеличением сказать, что флот создал нашу страну. Он необходим ей сейчас и будет необходим всегда.

...«Мучительным и страшным», «невыносимым и тяжким» назвал плавание русов по Черному морю к византийским берегам один из самых интересных для нас писателей X века — византийский император Константин Багрянородный.

Константин был сыном Льва VI и четвертым императором Македонской династии. Номинально Константин стал василевсом с 913 г., однако самостоятельно править ему не дали враги. Тесть молодого императора, знатный вельможа Роман Лакапин узурпировал власть и правил страной до самой своей смерти в 944 году. Только после смерти Романа Лакапина, отстранив его сыновей Константина и Стефана, законный император стал во главе своего государства.

С именем Константина Багрянородного связан целый ряд сочинений — какие-то он редактировал, какие-то создавались по его инициативе, а некоторые он написал сам.

Из написанных Константином книг для нас особенно интересен один трактат — тот самый, к которому мы уже обращались, говоря о печенегах и византийской политике в Степи. Он представлял собой секретную политическую инструкцию и дошел до нас в одном спи-

ске, созданном в XI столетии. Произведение это не покидало придворных кругов и не предназначалось для широкого чтения. Назывался этот замечательный труд «Об управлении Империей» («De Administrando Imperio»). Это сочинение, созданное около 950 года, император адресовал своему сыну Роману:

«Итак, послушай, сын, то, что, как мне кажется, ты обязан знать; обрести разумение, дабы овладеть управлением. Ведь и всем прочим я говорю, что знание есть благо для подданных, в особенности же для тебя, обязанного пещься о спасении всех и править и руководить мировым кораблем...»

Этот обширный трактат — подлинная энциклопедия византийской внешней политики X века. Он содержит интереснейшие описания соседних с Византией стран и народов — печенегов, венгров, алан, хазар и, что для нас особенно важно, росов, с которыми Империя поддерживала в эти годы постоянные и, очевидно, мирные отношения, определенные последним на тот момент договором 944 г. Все же Константин не питал иллюзий насчет миролюбия росов и указывал своему сыну на возможность использования против них соседних народов, например — печенегов.

Вся девятая глава трактата полностью посвящена описанию действий «росов», совершающих торговые плавания к византийским берегам. Этот рассказ для нас очень важен — Константин полностью

Легкие суда росов входят из Волхова в устье реки Ладожки (фестиваль «Первая столица Руси»). Автор фотографии М. Багаев. Суда, на которых совершались большие походы вдоль берегов Черного и Каспийского морей, имели сходные размеры. По причине невысокой мореходности кораблей, плавания росов большей частью были прибрежными, но при этом весьма протяженными

Узкие речки Русской равнины не предоставляли скандинавам возможностей для грабежа с последующим быстрым отступлением, как на побережьях Европы. Именно поэтому норманны на Руси вместо примитивных набегов активно интегрировались в славянскую племенную верхушку, а также занимались организацией торговли. Ладья на фото движется через враждебные или неизвестные земли — воины облачены в защитное снаряжение. Фестиваль «Первая столица Руси» (Старая Ладога). Фото Е. Несвитайло

описал, как проходит календарный год русов. И главную часть этого рассказа составляет описание плавания русов из Киева по Днепру и Черному морю.

Судно, которое применяли русы в своих походах, византийский император Константин Багрянородный в своем трактате «Об управлении империей» (к этой книге мы обратимся еще не раз) называет «моноксил». В русском языке этому термину точно соответствует слово «однодеревка».

Летописец, говоря о русских морских походах, обычно использует для обозначения кораблей термин «ладья» («лодья»). Имеет ли он в виду то же, что и Константин, или нечто иное — сказать сложно. Один раз, в рассказе о походе Игоря, в летописи упоминаются «скедии» («идут на Царьград скедии 10 тысяч»). «Скедия» («skeidr») — слово скандинавское, так назывались легкие боевые суда.

Конструкция моноксила видна уже из его названия. Основу корпуса этого судна составлял выдолбленный ствол дерева.

Делать долбленые лодки человек научился еще в неолите. Выдалбливать каменным или даже металлическим инструментом длинный древесный ствол тяжело, поэтому вместе с долблением применяли еще и контролируемое выжигание. На поверхности будущей лодки разводили огонь и не давали ему распространяться в сторо-

ны — только в глубину. Когда дерево выгорало до нужного предела, пламя тушили и зачищали выгоревшее место теслом.

У народов, живших по берегам морей и больших рек, искусство постройки долбленок достигло высокого уровня. Пожалуй, самыми совершенными долблеными судами можно считать военные каноэ индейцев хайда, обитающих и поныне на островах Королевы Шарлотты у берегов Северо-Западной Канады. Эти огромные лодки, выдолбленные из цельных кедровых стволов и расписанные изображениями священных животных, вмещали до нескольких десятков воинов (по некоторым данным, до сотни!) На таких каноэ индейцы хайда успешно грабили другие племена побережья Канады и Аляски, причем главной целью набегов был захват рабов. В сущности, это были те же самые походы русов, только на другом краю земли и в меньшем масштабе...

Каноэ индейцев побережья, как и многих других первобытных народов, были цельнодолблеными. Древнерусский мореходный моноксил строился несколько иначе: внутрь выдолбленного бревна устанавливали шпангоуты — поперечные детали корабельного набора. Затем борта моноксила наращивали широкими досками.

Интересно, что использование долбленых стволов в качестве основы для корпуса судна вместо кия процветало на Днестре и спустя сотни лет после константинопольских походов русов. В XVII столетии запорожские казаки, нещадно разорявшие турецкое побережье, строили так свои легкие суда — чайки.

Несмотря на то, что морские походы русов опирались в основном на скандинавские морские традиции, ни в коем случае нельзя утверждать, что до появления в Восточной Европе скандинавов наши предки-славяне не знали судостроения. Более того — суда русского флота делались по большей части именно славянами! А вот с драккаром, лучшим кораблем Европы, скандинавам на Русской равнине пришлось расстаться. Большие корабли тяжело протаскивать через волоки, они не могут ходить по маленьким речкам.

И все же скандинавы строили на Руси суда по своим технологиям — с помощью железных заклепок. Эти заклепки нередко находят при раскопках древнерусских поселений и могильников. Скорее всего в глубине русских лесов строились не полноценные боевые «драконы», а легкие дощатые суда длиной 8–12 метров. Такие лодки, вполне способные выдержать прибрежные морские переходы, известны и в самой Скандинавии. Возможно, эти небольшие кораблики тоже принимали участие в походах на Царьград и в каспийских экспедициях.

По описанию Константина Багрянородного, моноксила, эта основа флота русов, заготавливались зимой. Делали их в славянских селениях по берегам рек, впадавших в Днепр.

«Славяне же, их (т. е. росов. — М. С.) пактиоты, а именно: кривитеины, лендзанины и прочие Славинии — рубят в своих горах моноксилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда

Гокстадский корабль (Норвегия) — один из найденных археологами кораблей викингов.

Обнаруженный в кургане норвежского конунга, жившего в IX в., этот боевой корабль имел длину около 20 м. Известно множество реконструкций корабля из Гокстада, некоторые из которых успешно пересекали Атлантический океан!

растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти водоемы впадают в реку Днепр, то и они из тамошних мест входят в эту самую реку и отправляются в Киев (Киев. — М. С.).»

«Пактиоты» можно перевести и как «союзники», и как «данники». Из дальнейшего рассказа Константина очевидно, что второй перевод будет вернее.

По весне «пактиоты» спускали моносилы в Киев и продавали там росам. Тот факт, что моносилы русы покупали, может указывать на то, что речное судостроение для славянских племен было не столько повинностью, сколько доходным промыслом.

Моноксил, очевидно, не мог использоваться долго и собирался не на века:

«Росы же, купив одни эти долбленки и разобрав свои старые моноксилы, переносят с тех на эти весла, уключины и прочее убранство, снаряжают их...»

Само плавание начиналось в июне. Первая половина лета — самое безопасное время для плавания по Черному морю. Ближе к осени начинались жестокие шторма, чрезвычайно опасные для легких судов русов.

Из Киева русы спускались по Днепру к Витичеву — «крепости-пактиоту». Здесь киевляне два-три дня поджидали моноксилы, на которых двигались русские дружины с левого берега Днепра. Затем, собравшись все вместе, русы спускались к знаменитым Днепровским порогам, которые исчезли с географической карты после создания в советское время Днепрогэса в Запорожье.

Описание пути русов у Константина Багрянородного интересно для нас не только как свидетельство современника — в его рассказе о Днепровских порогах явно прослеживаются слова очевидца:

«Порог этот столь же узок, как пространство циканистирия*, а по середине его имеются обрывистые высокие скалы, торчащие напо-

Корабль из королевского захоронения в Осеберге (Норвегия). Как и гокстадский корабль, это изящное судно относится к IX веку. Осебергский корабль имел низкие борта и, по-видимому, не был боевым. Возможно, судно было построено специально для погребальной церемонии

* Циканистирий — императорский манеж для конно-спортивных игр в Константинополе. Предположительная длина его — 70 метров.

Малая ладья из Гокстада имела длину около 9 м. Современная реконструкция (ладья «Волхов», построенная в Санкт-Петербурге клубом «Морская дружина «Рус»). Так могли выглядеть летописные «скедии». Фото автора

добие островков. Поэтому набегающая и приливающая к ним вода, низвергаясь оттуда вниз, издает громкий страшный гул. Ввиду этого росы не осмеливаются проходить между скалами, но, причалив поблизости и высадив людей на сушу, а прочие вещи оставив в моноксилах, затем нагие, ощупывая своими ногами дно, волокут их, чтобы не натолкнуться на какой-либо камень. Так они делают, одни у носа, другие посередине, а третьи у кормы, толкая ее шестами, и с крайней осторожностью они минуют этот первый порог по изгибу у берега реки...»

Так описан первый, самый верхний из Днепровских порогов. Для всех порогов Константин приводит названия: русские и славянские. Например, следующий порог назывался «по-русски Улворси, а по-славянски Островунипрах, что значит «Островок порога».

Лингвистические исследования показывают, что эти названия наиболее убедительно объясняются из древнескандинавского языка. Всем им ученые подобрали скандинавские соответствия, а одно из них известно по рунической надписи с острова Готланд:

«Ярко окрашенные, установлены эти камни: Хакбьярн и его брат Хродвисл, Эйстейн и Эймунд вместе установили эти камни по Хравну к югу от Ровстейна. Они добрались вплоть до Айфора. Вифиль вел отряд».

Айфор — самый большой из Днепровских порогов. Славянское его название, приведенное Константином Багрянородным, было «Неасит», то есть Ненасытец. У этого порога росы причаливали к берегу — пройти его водой было невозможно. Здесь вытаскивали суда на берег и несли их на плечах, здесь росы были особенно уязвимы для атаки печенегов. В трактате императора Константина об этой беде говорится так:

«Когда росы с ладьями приходят к речным порогам и не могут их миновать иначе, чем вытащив свои ладьи из реки и переправив, неся на плечах, нападают тогда на них люди этого народа печенегов и легко — не могут же росы двум трудам противостоять — побеждают и устраивают резню...»

По-видимому, именно таким образом погиб на Днепровских порогах князь Святослав Игоревич в 972 г.

*Ладья «Волхов»
на полном ходу.
Фото автора*

Гибель Святослава на Днепровских порогах. Миниатюра Радзивилловской летописи. Враги закидывают суда русов камнями с берега. Вероятно, печенеги скорее применили бы луки, но для корабельного боя X в. было характерно именно метание камней, хотя автор миниатюр мог этого и не знать

Приходилось неусыпно нести стражу, для чего выделяли особый отряд. Следующим опасным местом был мелководный участок ниже порогов, который Константин называет «переправой Крария». Этой переправой печенеги пользовались для перехода на правый берег Днепра. Дальше, за переправой, на острове Хортица (Константин называет его Святой Григорий), русы вставали на отдых и совершали жертвоприношения. Рассказ о жертвоприношениях очень интересен, но мы разберем его подробно в главе, специально посвященной древнерусским верованиям.

«От этого острова росы не боятся пачинакита, пока не окажутся в реке Селина», — писал далее император Константин. Селина — это один из рукавов Дуная. Вплоть до самого устья Селины печенеги могли сопровождать русов по берегу.

В Днепровском лимане, на острове, который Константин называет «Святой Эферий», росы два-три дня отдыхали и снаряжали моноксилы для последующего морского перехода — самой сложной части путешествия. На судах ставили мачты и паруса, и затем выходили в Черное море.

Моноксил не отличался большой мореходностью, поэтому русы двигались вдоль берега от одного устья реки к другому. Ветер с моря

мог выбросить легкую лодку, а на берегу ждали печенеги. Поэтому, если один моноксил оказывался на берегу, остальные тоже причаливали, чтобы вместе отражать врага...

От Днепровского лимана — в Селину, от Селины — в другие болгарские реки, от одного устья к другому. Так росы достигали района Месемврии (современный город Несебр в Болгарии), где тяжелый переход заканчивался. Нет причин сомневаться, что подобным образом совершались и грозные походы на столицу империи — Константинополь.

...Неведомый доселе византийцам народ впервые обрушился на побережье Черного моря в первой половине IX в. и принес страшные бедствия. Росы разоряли храмы, убивали мирных жителей, включая детей и женщин. Остановить свирепых варваров смогли лишь чудесные знамения, произошедшие у гроба святого Георгия Амастридского. Пораженные чудесами, росы даже решили принять крещение...

Рассказ «Жития» — древнейшее сообщение о набеге росов на византийские берега. Был ли этот поход на самом деле, или росы появились в житии для того, чтобы подчеркнуть силу чудес, — это вопрос спорный, и однозначно разрешить его ученым пока не удалось. Значительно более достоверен поход на Константинополь,

Перемещение небольшой ладьи по суше с помощью катков. Именно во время подобной операции на Днепровских порогах росы были особенно уязвимы. Фестиваль «Первая столица Руси» (Старая Ладога). Фото Д. Тихомирова

Участники клуба исторической реконструкции «Морская дружина «Рус» в ладье «Волхов». Фото автора

о котором рассказывает наша летопись под 866 годом, приписывая его сподвижникам князя Рюрика Аскольду и Диру. Этот поход знают и византийцы. Более того, летописный рассказ явно испытал влияние византийского первоисточника.

По византийским данным, поход росов имел место в 860 г. Об этом походе византийцы написали довольно много. Например, набег росов упоминает в нескольких своих посланиях глава византийской церкви константинопольский патриарх Фотий. По нашей летописи, поход окончился неудачей благодаря заступничеству высших

сил — патриарх и император Михаил коснулись ризой Богоматери поверхности моря. И поднялся могучий шторм, разметавший суда русов. По свидетельству византийского писателя Никиты Пафлагона, русы, пришедшие на кораблях по Черному морю, разоряли окрестности Константинополя, грабили монастыри, захватывали церковные ценности и чинили многочисленные зверства:

«Кроме того, в варварском порыве учинив набеги на патриаршие монастыри, они в гневе захватывали все, что ни находили, и, схватив там двадцать два благороднейших жителя, на одной корме корабля всех перерубили секирами...»

Знают этот поход и западноевропейские авторы, например, Иоанн Диакон. В своей «Венецианской хронике» он упоминает набег «народа норманнов» (на эту деталь стоит обратить внимание!) на Константинополь. На трехстах шестидесяти кораблях налетчики дерзко опустошили окрестности города, перебив множество народа, и «с триумфом возвратились восвояси»...

Следующий большой поход на Царьград предпринял Олег в 907 г. Когда русские суда подошли к Константинополю, греки протянули цепь через бухту Золотой Рог. «Греци замкоша Суд, а град затвориша», — писал летописец. «Суд», древнерусское название Золотого Рога, происходит, очевидно, от скандинавского «sund» — залив.

Олег высадился вблизи города и стал разорять страну. Было разрушено немало церквей, множество жителей окрестностей Константинополя попали в плен. Наконец Олег решил подступить к самому

Поход Аскольда и Дира на Царьград — одна из первых русских военных экспедиций к берегам Византии. Миниатюра Радзивилловской летописи

Патриарх Фотий
касается ризой
Богоматери
поверхности моря.
Только вмешательство
высших сил помогло
византийцам против
русов. Миниатюра
Радзивилловской
летописи

городу. Из-за цепи подойти к стенам Царьграда морем не получилось бы. Олег приказал вытащить ладьи на сушу и поставить их на колеса. Поднялся попутный ветер, и русские суда двинулись к городу...

Византийцы испугались и выслали послов к Олегу, предлагая взять дань. Князю поднесли угощения, «устроенные» с «отравкою», но Олег, распознав яд, отказался.

«Несть се Олег, но святой Дмитрие*, посланный на ны (на нас. — М. С.) от Бога!» — сказали пораженные греки...

Но путь по Черному морю к византийским берегам был не единственным маршрутом русского флота. Вторым направлением дальних походов уже в самом начале X столетия стало Каспийское. Путь на Волгу был известен скандинавским купцам-воинам раньше, чем путь «из варяг в греки», но о нем мы подробно поговорим в главе, посвященной торговым операциям русов.

Описания первого похода Игоря любопытно для изучения военного дела Руси. Мы уже знаем, как воевали русы, нам известны их «десантные операции», сходные с европейскими походами викингов. Но поход 941 г. был первым, в котором флот русов столкнулся с флотом противника, первым известным походом, в котором русам пришлось поучаствовать в морской битве.

Для Скандинавии эпохи викингов морские сражения были обычным делом, хотя и не очень частым. Одна из самых больших морских битв произошла в Хаврсфьорде, во время войн Харальда Прекрас-

* Имеется в виду священномученик Дмитрий Солунский.

новолосого (тогда еще Косматого) за объединение Норвегии. В этой битве против Харальда выступило большое ополчение конунгов юго-запада Норвегии — Агдира, Хердаланда и некоторых других областей. И в битве Харальд победил, после сражения в Хаврсфьорде он уже нигде не встречал серьезного сопротивления.

Единственным известным в Скандинавии видом морского боя был абордаж. Корабли сцеплялись, и воины, находившиеся на них, вступали в бой. Побеждал тот вождь, чьи бойцы были лучше подготовлены, а нередко — тот, у кого воинов было больше. Широко практиковалось связывание кораблей перед началом боя между собой — для того, чтобы облегчить своим воинам переход с одного корабля на другой и оказание помощи кораблю, команду которого одолевал враг. Из специальных средств боя можно назвать разве что массированное метание камней, которое применялось вблизи берегов при наличии времени на сбор камней на побережье.

Но за пределами Скандинавии и Балтики викинги на море не сражались — западноевропейские страны не могли противопоставить норманнам столь же многочисленный флот. Иначе дело обстояло на Средиземном море, куда норвежцы проникли в IX веке, одновременно с появлением в Черноморском бассейне русов. Там мореходные традиции исчислялись тысячелетиями, приемы морского боя были хорошо известны и не ограничивались только абордажем. Уже моряки античного мира применяли таранный удар, иногда на корабли ставились метательные машины. Но самым страшным оружием средиземноморских моряков был знаменитый «греческий огонь» — горючая смесь на основе сырой нефти. Эту смесь, легко обращавшую в пепел деревянные суда, метали во вражеские корабли с помощью

Воины Олега разоряют окрестности Константинополя. Миниатюра Радзивилловской летописи

Бой за «высадку десанта» с ладей. Фестиваль «Первая столица Руси» (Старая Ладога). Фото Д. Тихомирова

труб. У выхода из трубы крепилась зажженная лампадка, от ее пламени состав вспыхивал, и во врага летела струя огня. Огонь этот, по свидетельствам современников, можно было погасить только уксусом, и даже на поверхности моря состав продолжал гореть. Как раз от такого оружия и пострадал русский флот.

Вскоре после интересных нам событий, в 949 г. в Константинополе в качестве посла побывал Лиутпранд, епископ Кремонский, известный политик и писатель своего времени. Основываясь на рассказах очевидцев, он написал собственную историю неудачного похода Игоря.

По сообщению Лиутпранда, «король» Руси, по имени Inger собрал более тысячи кораблей и нагрянул на Константинополь. Император Роман Лакапин не мог сразу организовать отпор на море, поскольку морские силы византийцев воевали на юге против арабов. В наличии были только 15 ветхих, поврежденных хеландий*. Император вызвал плотников (калафатов) и распорядился спешно привести суда в надлежащий вид и поставить огненосные трубы не только на носу и на корме, что было традиционно, но и на бортах.

Наконец хеландии вышли в море и построились в боевой порядок. Игорь недооценил противника: завидев небольшой отряд византийских кораблей, он решил захватить их в плен. Когда русские

* Один из типов греческих судов.

суда окружили греков, те «принялись метать вокруг себя огонь». Погода благоприятствовала, волнения не было.

«Увидев такое, русские тут же стали бросаться с кораблей в море, предпочитая утонуть в волнах, нежели сгореть в пламени. Иные, обремененные панцирями и шлемами, шли на дно и их больше не видели, некоторые же, державшиеся на плаву, сгорали даже посреди морских волн...»

Поражение было полным. Уцелевшие русы устремились прочь от византийских берегов.

Однако по византийским хроникам и восходящему непосредственно к ним рассказу «Повести временных лет» картина выглядит несколько иначе. Русы, потерпев поражение в морской битве, поплыли на восток, к побережью Вифинии, рассчитывая там запастись всем необходимым, а заодно и пограбить, если получится. На перехват росов выдвинулся отряд, которым командовал патрикий Варда Фока («Фока Патрекий», «Повесть временных лет»). Византийский военачальник разбил русский отряд, посланный за продовольствием. Затем подтянулось большое войско, под предводительством доместика схол* Иоанна Куркуаса. Положение русов стало тяжелым. Они уже не рисковали совершать вылазки от кораблей. Впрочем, до

*Лады Олега на колесах.
Миниатюра
Радзивилловской
летописи*

* Доместик схол — один из высших военных чинов в Византии, примерно соответствует термину «главнокомандующий».

Греки платят дань Олегу. Миниатюра Радзивилловской летописи

подхода восточного войска росы успели натворить больших бед. Образ их действий не отличался от пресловутых зверств викингов в Европе:

«...Из пленных одних распинали на кресте, других вколачивали в землю, третьих ставили мишенями и расстреливали из луков», — написано в византийской хронике Продолжателя Феофана. Точно в таких же выражениях описывает бесчинства русов «Повесть временных лет», которая в данном случае основывается на византийских источниках.

Между тем византийский флот по-прежнему был в море и представлял угрозу. Надвигалась зима. Игорь решил отправиться обратно на Русь.

Русы двинулись к фракийскому побережью, но тут-то их и подстерег Феофан и навязал второе морское сражение, столь же неудачное для русов, как и первое. После этого боя уцелевшие русы спешно уплыли восвояси.

В «Повести временных лет» оба морских сражения слиты в один бой, завершающий грабительскую эпопею Игоря.

Но для нас интересен не только, и даже не столько этот вторичный по отношению к византийским источникам рассказ «Повести временных лет» о первом, неудачном походе Игоря, сколько сообщение о событиях 944 г., которое, заметим, в иностранных источниках никаких аналогов не находит.

Игоря ничуть не обескуражила неудача первого похода, и он, едва воротясь в Киев, затеял новую экспедицию на Царьград. На сей раз он решил подойти к делу более основательно:

«Игорь же совкупив вои многи: «Варяги, Русь и поляны, Словени, и кривичи, и тиверцы, и печенеги наа (нанял. — М. С.), и тали у них поя*, поиде на греки в лодьях и на коних, хотя мстити себе...»

Это сообщение очень похоже на описание войска Олега, но имеет и существенные отличия. Первое — племен упомянуто меньше, в перечне отсутствуют финские народы (чудь и меря). Помимо собственно варягов отдельно указана Русь. Это важно для нас на фоне описаний времени Олега, когда варяги и славяне только еще «прозвашася Русью». В походах Игоря ситуация иная, теперь Русь — это сложившееся воинское сообщество, более того, она противопоставлена варягам — этнически «чистым» наемным скандинавам. Важно и другое — Игорь, не ограничиваясь традиционным для Руси морским ополчением, подключает к походу печенегов. Он нанимает их для ведения боевых действий против Византии на суше, при этом использует типичную для того (да и не только для того) времени процедуру с заложниками.

К императору Роману поступили сразу два известия о движении к берегам империи огромного воинства русов — из Херсона и со

При подходе ладьи к берегу воины готовятся к высадке. Щиты подняты, в руках — легкие метательные копья-сулицы. Фото автора

* «И тали у них поя» — «и заложников у них взял».

Высадка воинов с ладьи. Фото автора
Суда русов имели небольшую осадку и могли подходить к пологому берегу вплотную. Воины, полностью готовые к бою, выпрыгивали на мелководье у борта, а иногда, если судну удавалось с разгона выскочить на низкий берег (например, на песчаный пляж) — и непосредственно на сушу

стороны Болгарии. По сообщению «Повести временных лет», император Роман Лакапин, дожидаясь новых сражений, предложил Игорю взять дань «юже имал Олег». Прежде чем дать ответ императору, Игорь устроил военный совет.

На совете дружинники Игоря предложили: раз уж император согласен выплатить дань без боя, надо соглашаться и брать. Воспоминание о горящих моносилах было еще слишком живо. «Егда кто весть, кто одолеет: мы ли, оне ли, с морем кто светен? Се бо не по земли ходим, но по глубине морьстей — обыча смерть всем...» Фак-

тически дружинники Игоря предвосхитили появление поздней народной поговорки «На воде ноги жидки!»

Другой маршрут русов пролег в IX в. на восток — к берегам Каспия.

Тот факт, что русы плавают с торговыми целями по Каспийскому морю, отмечали уже авторы IX в. — Ибн Хордадбех и Ибн ал-Факих. А к 912–913 гг. арабский писатель ал-Масуди (который писал о славянском племенном союзе Валинана) относит первый грабительский набег русов на каспийские берега.

Интересно, что Ибн Хордадбех, бывший начальником почт и государственного осведомления в провинции Джибал на южном берегу Каспия, определял русов как один из видов («джинс») славян, хотя большинство восточных авторов четко различают славян («аскалиба») и народ «ар-рус». Арабский географ указал два маршрута русов — в Византию («Рум») и в собственно Халифат — через Каспийское море. На Каспий русы попадали через реку Дон («Танис»)*. Пути русов, отправлявшихся на восток и в Византию расходились в Черном море — первые отправлялись вдоль северного берега, вторые, как мы уже видели, — вдоль западного. Русы, идущие на Каспий, проникали через Керченский пролив в Азовское море, отту-

Высадка с ладьи. Воины прикрыты щитами в готовности к отражению метательного оружия врага. Боец с секирой на длинной рукояти готов в любой момент укрыться за щитом впереди стоящего. Фото автора

* От греческого названия этой реки «Танаис».

Применение греческого огня. Византийская миниатюра.

На миниатюре хорошо видна труба, из которой выбрасывается горящий состав

да поднимались в Дон. Вся эта область была в ту пору владением Хазарского каганата.

По сообщению ал-Масуди, русы и славяне входили в состав хазарского войска. Возможно, что хазарский каган использовал русов для набегов на арабские берега, а иногда пропускал русский флот на Каспийское море в обмен на часть добычи. Как бы там ни было, около 912–913 гг. на Каспии появились русы и в лучших традициях викингов принялись опустошать южное и западное побережье моря.

«Они проливали кровь, захватывали женщин и детей, грабили имущество, снаряжали отряды для набегов, уничтожали и жгли дома...» — писал ал-Масуди.

Русы обосновались на островах поблизости от Баку и на протяжении нескольких месяцев совершали оттуда набеги на прибрежные города. Но конец экспедиции обернулся для русского войска катастрофой.

Община мусульман, живших на территории Хазарского каганата, была возмущена грабежами и насилиями, которые учинили русы в прикаспийских странах. На обратном пути русов через Хазарию мусульмане устроили на них засаду и большую часть войска перебили. Уцелевшие бежали вверх по реке, но там подверглись атаке буртасов и волжских болгар.

Вообще действия русов на Каспийском море никогда не завершались полным успехом. Не составил исключения и поход на азербайджанский город Бердаа, совершенный в 943–944 гг., в ходе которого большинство участников погибли или в боях, или от эпидемии. Впрочем, некоторой части русов удалось уйти восвояси

с большими награбленными ценностями. Этот поход стал самой значительной военной экспедицией русов на Каспий.

А последний морской поход русских воинов на Византию состоялся уже в XI веке, при Ярославе Владимировиче. И этот поход оказался крайне неудачным для русского войска. Шторм погубил русский флот, множество воинов во главе с воеводой Вышатой оказались в плену у греков.

Вот мы и побывали в боевом походе вместе с русскими воинами. Подошло время подробного рассказа об их оружии и защитном снаряжении.

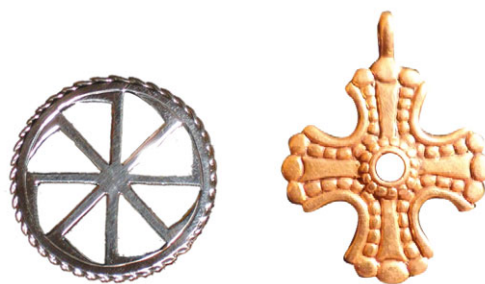
Легкое судно русов.

Вид сверху.

Автор фотографии М. Багаев.

В малых судах гребцы-воины располагаются на банках — скамьях, тянущихся через всю ширину лодки.

На больших кораблях викингов сиденьями служили особые сундуки на небольших ножках

ОРУЖИЕ СЛАВЫ

На протяжении сотен тысяч лет предки и ближайшие родственники современного человека не знали разделения оружия на охотничье и военное. Ручное рубило архантропа или неандертальский остроконечник с равным успехом вонзались в тушу зверя и, при необходимости, в тело врага-человека.

Долгое время не знал такого деления и современный разумный человек. Одно и то же оружие использовалось и для охоты, и для войны. И мы знаем, как именно применялось древнейшее оружие современного человека — воины каменного века оставили рисунки и петроглифы — выбитые на скалах изображения, — среди которых есть и сцены войны. В этих сценах противника поражают стрелами простых деревянных луков. Так же погиб и знаменитый «ледяной человек», обнаруженный в Альпах в 1990-х гг. — неведомый супостат застрелил его в спину. Орудием ближнего боя в то время были, по видимому, копье и топор — про топор это известно совершенно точно благодаря следам крови на топоре «ледяного человека».

Но мы говорим о временах, когда война со своим сугубо военным антуражем давно отделилась от всей остальной деятельности человека. Русское оружие X в. — это целый мир, в котором есть место и удивительным технологиям, и смелым заимствованиям.

Главный поставщик сведений о древнем оружии — это археология. На втором месте окажутся источники изобразительные — иконы, фрески, произведения мелкой пластики и т. п. На третьем будут письменные источники, и в первую очередь — летописи.

Археология дает возможность изучать сами предметы вооружения в том виде, как они до нас дошли, позволяет установить их размеры, вес, форму, материал, технологию изготовления. Изобразительные источники покажут нам, как носилось и применялось древнее оружие, а также позволят увидеть в целости те предметы, которые археологически дошли до нас лишь в виде фрагментов (например, пластинчатые доспехи). Письменные памятники расскажут о применении оружия в бою, с их помощью мы можем узнать, как древний человек сам называл свое оружие, и как к нему относился, какое место оно занимало в его жизни.

Наибольшее число археологических находок древнерусского оружия происходит из погребальных памятников — могильников, кладбищ древних поселений. В погребениях языческого времени оружие — обязательный атрибут воинов-дружинников и нередкая принадлежность рядовых общинников. Чтобы умерший не смог воспользоваться своим оружием для нанесения вреда живущим, оружие при помещении в могилу могли сломать. Такая ритуальная порча оружия была характерна, например, для скандинавских племен.

Традиция помещать оружие в погребения не исчезла и в христианское время, хотя общее число захоронений с оружием сократилось. Более того, оружие, и в том числе мечи, встречается не только в сельских могильниках (а в среде рядовых общинников христианство проникало, как известно, небыстро), но и в погребениях княжеских дружинников-христиан.

...Самым почетным и престижным оружием древнерусского воина был, конечно, меч.

С мечом издревле был связан обширный набор поверий и преданий. Меч никогда не был просто инструментом убийства. Для каждого народа, которому известен меч, это оружие стало многоплановым явлением культуры. Меч воспевается в героическом эпосе, меч используется в религиозных ритуалах, меч выступает как священное подношение, жертва. Меч — символ воинской доблести и показатель высокого социального статуса его обладателя.

Такая важность меча в культуре объясняется двумя основными причинами. Во-первых, с технической точки зрения меч всегда был самым трудоемким в изготовлении оружием своей эпохи. Меч требовал от мастера (или, что бывало чаще, от коллектива мастеров) знания самых передовых приемов кузнечного дела. А кузнечное ремесло тоже священо для древнего человека — вспомним сложные, разветвленные представления о богах-кузнецах и священном огне. Во-вторых, меч эффективен только в ближнем бою. Его нельзя метнуть во врага издалека, он требует от воина храбрости и воинского умения. Чтобы поразить противника мечом, к врагу надо подойти вплотную, подвергнуться опасности, заглянуть в глаза смерти. Все это выводит меч на первое место в иерархии древнего оружия.

Меч нередко попадает на страницы русских летописей, в том числе и самого знаменитого нашего летописного свода — в «Повести временных лет». Как правило, это атрибут князей и дружинников. В недатированной части «Повести...» содержится широко известная легенда о «полянской дани» — когда хазары требуют дань со славянского племени полян, те дают захватчикам «от дыма по мечу». И хазарские старцы говорят: «Не добра дань, княже, мы ся доискахом оружием одиною стороною остромь, рекоша саблями, а сих оружье обоиду остро, рекше мечь, си имуть имати дань на нас и на инех странах». Так обоюдоострый меч выступает

Каролингский меч в ножнах. Представленный на фотографии меч относится к типу Н. Перекрестие и навершие мечей этого типа обычно украшались простыми узорами, образованными инкрустацией из медной и серебряной проволоки

Рукоять каролингского меча. IX в.
У ранних типов каролингских мечей перекрестие и навершие зачастую не имели отделки. Расцвет технологий украшения оружия пришелся на X век. Тогда мечи украшались очень разнообразно — использовалась инкрустация перекрестия и навершия драгоценными металлами, а также позолоченные орнаментированные накладки из латуни

как символ независимости народа и победы над грозным степным врагом.

Вообще, в летописных эпизодах, связанных с применением мечей, меч редко выступает просто как орудие убийства, любое его появление символично. Меч используется в ритуале клятвы русских дружинников при заключении договора с Византией. Мечами — и это в данном эпизоде отнюдь не случайно! — наемные варяги убивают князя Ярополка, пришедшего для переговоров к своему брату Владимиру. Меч выступает как почетный дар — например, в рассказе о переговорах князем Святославом и византийцами. Согласно летописной легенде Святослав, получив от императора Иоанна Цимисхия богатые дары, приказал спрятать сокровища, даже не взглянув на них. Тогда по совету своих вельмож император послал князю «меч и иное оружие». Вот этому подарку Святослав был очень рад, и напуганные послы, вернувшись к императору, сказали: «Лют сей муж хочет быти, яко именья не брежет, а оружие емлет, имися по дань!».

Множество преданий, связанных с мечами, существует у наших ближайших соседей — скандинавских народов. Оружейная культура скандинавов была очень близка к ранней древнерусской. Комплекс оружия и снаряжения древнерусского воина времен первых Рюриковичей был очень похож на вооружение викинга, отличия между ними появятся позже — с развитием русской конницы.

Благодаря уникальной, не имеющей аналогов в мире саговой литературе исландцев мы сравнительно неплохо знаем повседневный мир древнего скандинава. И в этом мире почетное место занимал меч. Нередко меч имел собственное имя (например, «Ногорез», или «Усыпитель жизни»). Меч героя саги мог быть получен каким-то необычным образом — например, добыт из кургана давно умершего воина. Меч в сагах нередко выступает как почетный дар — например, подарок конунга своему дружиннику. У некоторых мечей были индивидуальные особенности — солнце не должно было освещать их рукоять, меч нельзя было обнажать в присутствии женщин и т. п.. Хороший меч мог спасти жизнь воину, плохой мог подвести героя в бою и стать причиной его смерти. Так погиб один из героев «Саги о Людях из Лососьей Долины» — вынужден был вместо того меча, который ему подарил норвежский конунг, сражаться недоброкачественным (возможно, местной работы) оружием, клинок которого гнулся после ударов, и его приходилось постоянно выпрямлять ногой.

Главным центром производства мечей в раннесредневековой Европе была Рейнская область, откуда высококачественные клинки расходились по всей обширной империи Каролингов и далеко за ее пределы. Рукояти мечей могли изготавливаться на месте.

Длина клинка каролингского меча составляла обычно около 70–80 см. Самый большой меч этого типа (общая длина превышала метр) найден в кургане Гульбище в Чернигове. Возможно, этот меч

принадлежал участнику походов Святослава. Вопреки расхожему мнению, мечи русских дружинников не были тяжелыми, их средний вес — 1200–1500 г. Для облегчения меча на клинке делались углубления — долы.

Клинки у всех каролингских мечей похожи, а вот рукояти очень разнообразны. Норвежский археолог Ян Петерсен в начале XX столетия проанализировал около двух тысяч каролингских мечей, найденных на территории Норвегии, и определил ряд типов, отличающихся друг от друга формой и отделкой рукоятей, а также установил примерные датировки каждого типа мечей. Типологией Петерсена ученые пользуются до сих пор, хотя со времени ее появления прошло немало времени и наши знания о мечах раннего Средневековья значительно расширились.

Сложная, богато украшенная рукоять меча ценилась высоко и могла быть перемонтирована с одного клинка на другой. В «Саге о Людях с Песчаного берега» пред началом сражения один персонаж говорит другому:

«Рукоять у тебя, Стейнтор, сверкает, как прежде, но я не знаю, сменил ли ты с осени тот мягкий клинок...»

Мечи Древней Руси, относящиеся к раннему Средневековью, за редким исключением вписываются в типологию Петерсена. Зная датировки норвежских мечей, используя проверенные на нашем материале методы определения времени вещей (например, датировку по арабским монетам, главному платежному средству Руси IX–X веков), мы можем проследить своеобразную «моду» на различные варианты мечей.

Ранние каролингские мечи не имели богатых украшений. На Руси это оружие появилось несколько позже, чем в Скандинавии, — во второй половине IX столетия. Каролингских мечей этого времени у нас очень немного, все они относятся к так называемому типу В. Эти мечи имели треугольное навершие и очень маленькое перекрестие, лишь ненамного выходившее за края клинка.

Позже, во второй половине IX столетия, в Западной Европе мечи стали отделывать драгоценными металлами, используя при этом очень сложные технологии. Самым частым способом отделки рукояти меча была инкрустация серебром. Тонкие серебряные проволочки вколачивались в канавки, прорезанные на поверхности железных деталей. Иногда узор выглядел просто как параллельные полосы серебра, иногда проволочки разной длины, посаженные вплотную друг к другу, образовывали сложные узоры.

И в Скандинавии, и на Руси встречаются мечи, отнесенные Яном Петерсеном к типу Е. Наши мечи этого типа относятся к первой половине X столетия, а в Норвегии их расцвет пришелся на IX век. Тип этот имеет несколько разновидностей, самая сложная из которых украшалась так. В перекрестии и навершии меча сверлили множество неглубоких отверстий. Между отверстиями делали в толще металла горизонтальные каналы, в которые крест-накрест пропускали

перевитую серебряную проволоку. Затем вся поверхность перекрестия и навершия инкрустировалась серебром.

К этому типу относится самый большой в мире каролингский меч, найденный в одном из самых знаменитых дружинных захоронений Руси — в черниговском кургане Гульбище. Длина его около 130 см, из которых 104 приходится на клинок.

Для выкладки узоров на мечах использовали и золото. Так, на Руси есть находки мечей, относящихся к так называемому типу Т-2, перекрестия и навершия которых орнаментированы золотыми ромбиками.

Иногда украшения мечей могут многое рассказать о торговых и культурных связях Руси. Замечательный с этой точки зрения меч происходит из Гнездова. Он украшен позолоченными латунными накладками, орнаментированными в скандинавском стиле Борре. Мечи с такими накладками Я. Петерсен выделил в тип D. Ближайшая аналогия орнаментам гнездовского меча обнаружилась на женских застежках-фибулах с острова Готланд! Этот факт тем более любопытен, что на Руси нет характерных готландских погребений, а вещи-импорты с Готланда чрезвычайно редки. Скандинавская исследовательница Л. Тунмарк-Нюлен высказала предположение, что меч был сделан на Готланде на экспорт — для жителя континентальной Швеции, и вместе с этим безвестным норманнским воином попал на Русь.

Стержни рукоятей (та часть, которая оказывается непосредственно в руке воина) мечей украшались редко. Обычно они делались из дерева, но в исландских сагах есть упоминание меча с рукоятью из моржового клыка. Известны находки мечей, рукояти которых полностью обмотаны серебряной проволокой.

Ко времени расцвета русской дружинной культуры — а это середина и вторая половина X столетия — относятся богато украшенные серебром и медью мечи, найденные на дне реки Днепр в районе знаменитых Днепровских порогов при сооружении Днепрогэса. Заманчиво было бы предположить, что это оружие попало на дно реки во время какого-нибудь летописного боя. Такими мечами могли сражаться с печенегами воины Святослава, когда хан Куря подстерег русского князя на порогах. Но сейчас более вероятным считается иное объяснение. Эти мечи были жертвоприношением. Традиция приносить оружие в жертву богам хорошо известна у северных германских народов, да и не только у них — например, в Японии самураи нередко жертвовали специально сделанные мечи в синтоистские храмы. О жертвоприношениях русов, которые они, спускаясь по Днепру к Черному морю, совершали у острова Хортица, говорит в своем труде «Об управлении империей» византийский император Константин Багрянородный, правда, о мечах он не упоминает, но свидетельствует, что вокруг жертвенного дуба укреплялись стрелы, считавшиеся, очевидно, атрибутом бога Перуна, покровителя дружины и княжеской власти.

Наконечники ножен каролингских мечей. Русь, X век. Ножны меча нередко имели литой наконечник из латуни с изображением фантастических животных или геральдических птиц. Позднее, к XI веку, на Руси был выработан свой собственный орнаментальный стиль для наконечников мечей, основанный на растительных мотивах

Во второй половине X века на Руси появились мечи, перекрестие и навершие которых были литыми из латуни. Примерно к этому же времени относится появление группы поздних «каролингов», которые Ян Петерсен отнес к типу Z. Перекрестие этих мечей имеет характерный изгиб в сторону клинка, что, по мнению некоторых ученых, роднит их с кочевническими саблями. Отсюда появилось мнение о возможном русском происхождении этого типа мечей, но в самой Скандинавии мечей этого типа значительно больше, чем на Руси.

В начале XI века на Руси появились местные типы мечей. Для обозначения этих типов археологи используют термин «мечи русских форм». Оружие это находят в пределах Киевской земли и на западе современной Украины. Детали рукояти (не только перекрестие и навершие, но и стержень рукояти) отливались из бронзы, затем золотились. Углубленные части узора покрывались чернью. Хотя конструктивно «мечи русских форм» очень схожи между собой, по узору среди них нет двух одинаковых экземпляров.

По своей конструкции к «мечам русских форм» очень близко стоит знаменитое изделие «Людоты коваля» — меч из Фоцеватой. Орнамент на литых деталях рукояти этого меча очень напоминает скандинавский узор в так называемом «стиле рунических камней». Однако различия в узоре на рукояти и навершии меча показывают, что мастер не вполне понимал логику исходного мотива. Меч из Фоцеватой — не слепое подражание норманнской орнаментике, а скорее, ее творческая переработка.

Меч для древнерусского воина не был простым орудием убийства. Меч был спутником, защитником, другом, ему давали имя, меч мог быть священным даром, и самой почетной и достойной смертью для дружинника была смерть от меча. Сама судьба воина воплощалась в этом оружии.

Древнерусская сабля.
X в. Реконструкция
находки из могильника
Гочево
на Черниговщине

В X столетии на Руси появились сабли. Они были заимствованы у жителей Степи. Это характерное оружие всадников, удобное для нанесения удара с коня, во времена Святослава еще не получило у нас широкого применения. Находки сабель в захоронениях русских дружинников единичны.

Сабля — это тоже разновидность меча, но с особенностями. Во-первых, у нее всегда односторонняя заточка, только острие клинка иногда затачивалось с двух сторон. Во-вторых, сабля, как правило, имеет изогнутый клинок, дающий возможность наносить длинные резаные раны. В-третьих, центр тяжести сабли обычно смещен на конец клинка.

Для кочевника Степи сабля значила ничуть не меньше, чем меч для европейца. При наличии соответствующих средств воин стремился украсить свое оружие. Многие аланские и венгерские сабли имеют богатые литые рукояти из золоченой бронзы, нарядные украшения ножен. На Руси такие украшенные сабли относительно редки, однако они есть. Например, сабля с бронзовыми деталями рукояти известна в Гочевском могильнике, который оставили летописные северяне.

Сабли для лесной Руси оружие нетипичное. Они появились в степях, где применялись для конного боя. Время их появления у степных народов — середина первого тысячелетия новой эры. В более древние времена в степи применялся либо боевой топор — чекан, либо прямой меч. Археологически сабли на Руси встречаются значительно реже мечей, и большинство их находок связано с Южной Русью, с теми русскими землями, где главной военной силой к XI веку стала конница.

Самые ранние сабли происходят из Киева и с территории Черниговской земли. Фрагменты сабли сохранились, например, в кургане Черная Могила, самом знаменитом дружинном захоронении Руси. Вторая ранняя сабля найдена в могильнике у села Шестовица, вблизи Чернигова.

Сабли Древней Руси ведут свой род от степных сабель алан, хазар и венгров, и конструктивно от них ничем не отличаются. Ранние сабли имеют очень небольшой изгиб клинка. Среди древнерусских сабель более позднего времени есть и совершенно прямой экзем-

пляр, происходящий из Владимирских курганов. Для некоторого уменьшения веса сабли на клинке иногда протачивали доли. Перекрестие ранних сабель небольшое, обычно оно несколько отогнуто в сторону клинка. На концах перекрестия могли быть шаровидные выступы. Навершие сабли — это чаще всего пустотелая железная втулка, в которую утапливаются деревянные накладки рукояти.

Носили саблю в ножнах, которые с помощью двух обойм с кольцами подвешивались к плечевой портупее. Ножны могли иметь затыливо украшенный фигурный наконечник из золоченой бронзы.

Из Киева происходят две ранние сабли с отделкой. Клинок одной из них украшен золочеными полосками с гравированным орнаментом. Киевские украшенные сабли относятся к рубежу X–XI веков и происходят из погребений христианской знати. По-видимому, с конца X столетия в дружинной среде Южной Руси сабля начинает успешно конкурировать с мечом.

Мечи и сабли были не единственным клинковым оружием русов. В погребениях русских дружинников встречается также характерное скандинавское оружие — длинный боевой нож — скрамасакс. Скрамасаксы пришли к нам из Скандинавии. Они имели одностороннюю заточку и толстый обух, носили их в богато украшенных ножнах, располагавшихся горизонтально вдоль пояса воина.

Скандинавский скрамасакс — прямой потомок боевых ножей древних германцев. Находки таких ножей нередки в Восточной Скандинавии — в Швеции и на острове Готланд, встречаются скрамасаксы и в Прибалтике, где они входили в комплекс вооружения балтских племенных дружин. На Руси находки скрамасаксов известны в Гнездове, Шестовице, Тимереве — в тех могильниках, где есть дружинные курганы.

Длина клинка скрамасакса доходила до 40–50 см, он имел деревянную рукоять с латунным затыльником и, возможно, ременной петлей — темляком. Носили этот нож слева на поясе, при этом он располагался вдоль пояса горизонтально, лезвием вверх. Ножны скрамасаксов со стороны лезвия отделялись латунными оковками

Рукоять сабли из Гочева имела бронзовые перекрестие и навершие. Так украшались многие сабли жителей Степи

Скрамасакс X в. и его ножны. Авторы реконструкции А. Тюркин и Д. Недвига. Оковки ножен скрамасаксов из разных областей отличаются друг от друга — например, у них может быть разная форма декоративных прорезей. Именно такие отличия позволили установить, что найденные на Руси скрамасаксы имеют ближайшие аналоги в Средней Швеции

с прорезным узором в виде крестов или Т-образных фигур. Часть оковок покрывалась оловом. К поясу воина ножны скрамасакса крепились с помощью ремешков, пропущенных в три кольца, которые закреплялись в оковках ножен. Кольца могли быть выполнены в виде изящно переплетенных змеек.

По-видимому, именно это оружие упоминает в своем описании русов арабский писатель Ибн Мискавейх:

«...опоясываются мечом и привешивают дубину и орудие, подобное кинжалу...»

Боевое применение скрамасакса не вполне ясно, но очевидно то, что эти ножи были характерным оружием дружинников, так же, как и мечи, они подчеркивали высокое положение своих владельцев в древнерусском обществе.

Встречается на Руси и настоящий кинжал, главное отличие которого от боевого ножа — в двусторонней заточке. Это оружие весьма редкое, и находки древнерусских кинжалов происходят в основном из раскопок городов. Самые ранние кинжалы Руси относятся в рубежу X–XI столетий. Один из них был найден в Новгороде, а второй — в Белоозере. Длина их клинков около тридцати сантиметров. У белоозерского кинжала сохранилась рукоять — железный черен раскован на два изящных завитка, образующих своеобразное навершие. Близкие аналоги этого кинжала известны с южного побережья Балтики, где такие кинжалы применялись, скорее всего, не на войне, а для обрядовых целей.

...Значительно более массовым оружием, чем мечи и сабли, были в русском войске копья и топоры. Их использовали как дружинники-профессионалы, так и ополченцы.

Будучи массовым оружием, топоры украшались сравнительно редко. И все же на Руси известны находки топоров, инкрустированных серебром. Например, в Кемском некрополе на Белом озере. Из Старой Ладogi происходит литой бронзовый топорик с вкладным стальным лезвием. Такие украшенные топоры могли использоваться не только как оружие, но и как церемониальный предмет, знак власти. В этом качестве топор дожил до XX века, например, в гуцульских деревнях Закарпатья.

Боевой топор — один из самых древних видов оружия. Он родился в тот момент, когда первобытный человек понял, что у заостренного камня, прикрепленного к палке, возрастает сила удара. Изобретение каменного топора стало настоящей технической революцией своего времени. Позже на смену каменным топорам пришли топоры из бронзы, а затем и железные.

Не вполне понятно, как именно применялся в бою длинный нож — скрамасакс. На снимке воин, стоящий спиной к зрителю, использует длинный скрамасакс точно так же, как меч, для нанесения амплитудных рубящих ударов. При такой технике ножом можно было и колоть. Меньшая, чем у меча, масса скрамасакса позволяла наносить удары значительно быстрее, а также использовать различные финты — обманные удары. Фото автора

При известной «демократичности» в сравнении с мечом топор и родственные ему по принципу действия виды оружия (например, молот или булава) были в неменьшей степени окружены преданиями и поверьями. Во многих древних культурах топор или его родственники были оружием бога-громовника, повелителя грозы. Например, скандинавский бог-громовержец Тор владел волшебным молотом Мьольниром. Миниатюрные изображения этого молота были очень популярны у скандинавов в качестве амулета-оберега — ведь Тор сражался с силами первобытного Хаоса и защищал от них род людской. А славянский бог грома и молнии Перун, по-видимому, сражался именно топором. На Руси тоже существовали привески-символы Перуна в виде топориков, украшенных маленькими кружками — символами Солнца. Интересно, что эти привески получили популярность уже в христианское время, и носили их не взрослые воины, а мальчики и юноши.

Широколезвийная секира — характерное оружие Северной Европы в X и особенно XI столетиях. Современная реконструкция

Топор не слишком часто встречается на страницах летописей, однако интересные рассказы с участием этого оружия известны. Например, именно топором новгородский князь Глеб зарубил мятежного волхва, смущавшего народ. Топор как оружие русов упоминают византийские авторы. Описывая многочисленные зверства русов, Никита Пафлагон, составитель «Жития патриарха Игнатия» писал: «И, схватив там двадцать два благороднейших жителя, на одной корме корабля всех перерубили секирами»

Одни типы топоров могли быть как боевыми, так и рабочими, другие были исключительно боевыми. К последним относятся, например, чеканы — небольшие узкие топоры, обух которых выполнялся в виде молоточка. Небольшая масса такого топора позволяла наносить очень быстрые и точные

удары. Чеканы появились в Степи, их с древнейших времен широко применяли древние противники славян — кочевые народы.

В X веке степные топоры стали излюбленным оружием русских дружинников, а также скандинавских воинов, сражавшихся под знаменами первых Рюриковичей. Возвращаясь на родину, эти наемные варяги везли чеканы с собой. Так маленькие боевые топоры степняков оказались в курганах Хемландена — кладбища шведского торгового города Бирка.

Чеканы были самыми маленькими и легкими из боевых топоров Руси, а вот самые большие и тяжелые топоры пришли к нам из Скандинавии. Речь идет о так называемых широколезвийных секирах. Ширина лезвия такого топора могла достигать 15–17 см (при 4–6 у чеканов и 7–11 у большинства остальных топоров). Топорище было несколько более длинным, чем у обычного топора, и воин мог удерживать такой топор двумя руками.

Широколезвийную секиру европейские воины широко применяли в XI столетии. Множество таких топоров можно видеть на знаменитом ковре из Байо — в руках англосаксонских воинов. Длина рукояти секиры позволяла использовать ее на некотором расстоянии, с меньшим риском для бойца. Такой топор могли использовать воины, стоявшие во втором ряду боевого порядка.

Между этими двумя крайними вариантами располагаются еще несколько типов боевых топоров. Все они имели небольшую массу. Рукояти топоров в длину доходили до 80–90 см. Форма проушины, в которую вставлялось топорыще, могла быть самой разной — от круглой до треугольной, близкой к проушинам современных рабочих топоров. Многие древнерусские топоры имеют

небольшое отверстие на лезвии. Через это отверстие продевался ремешок чехла, в котором топор носился на поясе воина — «да ся человек не обрежет». Некоторые топоры, найденные археологами, даже сохранили отпечатки матерчатой подкладки таких чехлов.

Еще более массовым оружием было копье, которое по своей древности вполне сопоставимо с топором. Копье давало воину возможность наносить удар противнику с некоторого расстояния, кроме того, копье можно было метать.

У восточных славян копье как массовое оружие было известно с незапамятных времен. Вот как описывает славянское войско византийский автор VI века Прокопий Кесарийский:

«Вступая же в битву, большинство идет на врага пешими, имея небольшие щиты и копья в руках, панциря же никогда на себя не надевают, некоторые же не имеют на себе ни хитона, ни грубого плаща, но, приспособив только штаны, прикрывающие срамные части тела, так и вступают в схватку с врагами».

Древнерусские боевые топоры различных форм. Автор реконструкций П. Жигулин.

Большинство древнерусских топоров имели оттянутое к низу лезвие, некоторые имели фигурный обух и выступы-щекавицы для лучшего крепления на топорнице. Некоторые боевые топоры послужили прототипами для привесок-амулетов, символов бога Перуна, защитника людского рода

▲ «Он закинул щит за спину и, взяв копье обеими руками, рубил им и колол». Так описывается в сагах применение крупных копий с длинными наконечниками. «Первая столица Руси» (Старая Ладога).
 Автор реконструкции
 А. Ценёв.
 Фото Д. Тихомирова

► Втулка каролингского копья украшена продольными бороздами и снабжена фигурными плечиками. На Руси подобная отделка известна на некоторых копьях Гнездова

Древнерусское копье состояло из двух деталей — собственно копья (железного наконечника) и древка, или ратовища. Древко копья не было длинным — насколько можно судить по расположению наконечников в древнерусских погребениях, длина копья составляла 180–200 см (то есть примерно равнялась росту воина). В свою очередь, копейный наконечник состоит из пера (колюще-режущая часть) и втулки.

Большинство наконечников копий, найденных на территории Руси, невелики. Их длина не превышает 25–28 см (вместе со втулкой), а внутренний диаметр втулки в среднем чуть меньше двух сантиметров. Эти легкие копья можно было не только использовать в ближнем бою, но и эффективно метать на расстояние в 10–15 шагов.

Форма древнерусских копий весьма разнообразна, чаще всего это удлинённый треугольник, а иногда копье по своей форме напоминало ланцет — хирургический нож. Такие ланцетовидные копья характерны для Скандинавии и появились на Руси вместе с воинами-варягами. Некоторые ланцетовидные копья имели значительные размеры. Так, один из приладожских наконечников этого типа имеет в длину 42 см.

На Севере Руси встречается, правда, очень редко, и другой характерный тип европейских копий — с широким листовидным нако-

нечником и выступами-плечиками на втулке. Большинство же находок древнерусских копий — это местные типы.

Широко применялась на Руси легкая разновидность копья — сулица. Древнерусская сулица представляла собой небольшой дротик с древком длиной несколько больше метра. Наконечники сулиц могли быть втульчатыми — они выглядят как очень маленькие копья, или черешковыми, которые не надевались на древко, а вколачивались в него. Некоторые черешковые сулицы имели загнутый черешок и вбивались в древко сбоку.

Сулицы метали во врага перед началом боя. Выдвигаясь в поход, древнерусские воины везли сулицы в разобранном виде и насаживали наконечники на древки незадолго до начала битвы. В повести о побоище на реке Пьяне есть такие слова:

«Они (русские воины, выступившие в поход против царевича Арапши. — М. С.) же оплошишася и небрежением хожаху, доспехи своя на телеги вьскладаху, а инии — в сумы, а у иных сулицы еще не насажены бяху, а щиты и копья не приготовлены...»

Беспечность русского войска, его неготовность к бою стали причиной страшного поражения от татар. Этот разгром случился за два года до Куликовской битвы.

Копья, как и топоры, украшались сравнительно редко, разве что на втулках иногда прорезали декоративные бороздки. Характерная для Скандинавии практика инкрустации копейных втулок серебром на Руси не прижилась.

По своим боевым возможностям все эти наконечники примерно равны. Исключение составляют два особых типа древнерусских копий — это рогатины и пики.

Рогатина — большое, широкое, мощное копье, его листовидный наконечник весит около килограмма. Этот тип копья выработался к XIII веку, и с тех пор форма наконечника рогатины менялась очень незначительно вплоть до XIX столетия. Втулка рогатины широкая — древко копья было массивным, толстым. Размеры и вес рогатины обусловлены ее задачей — это охотничье копье для поражения крупного зверя. Охотник, поддев на такую рогатину медведя, упирал древко в землю, и зверь под действием собственной тяжести получал смертельную рану.

▲ **Каролингское копье с плечиками и его втулка. Автор реконструкции П. Жигулин. Копье, представленное на фото, происходит из шведской Бирки. Такие копья в небольшом числе известны и на севере Руси**

▲ **Древнерусское копье.**
Середина наконечника
выполнена из дамаска.
Автор реконструкции
П. Жигулин

► **Сулица применяется
в бою с расстояния
в несколько шагов.**
Фестиваль «Первая
столица Руси»
(Старая Ладога).
Фото Д. Тихомирова

Узкое легкое копье для такой охоты не годится — оно или сломается, или не сможет остановить зверя. К XIX веку конструкция охотничьей рогатины была доведена до совершенства — помимо длинного и широкого наконечника такое копье получило стальную крестовину.

Использовать рогатину для военных нужд можно, но сложно — она не позволит воину наносить быстрые и точные уколы. Это оружие рассчитано на совершенно определенного противника с предсказуемыми действиями. Эффективно маневрировать ею в бою против нескольких быстро сменяющихся врагов не получится.

А вот другой узкоспециализированный тип древнерусского копья — пика — это именно боевое копье, причем рассчитанное опять же на определенного противника. У пики узкий четырехгранный наконечник, способный успешно пробивать, например, кольчугу. Если рогатина — исключительно охотничье копье, то пика предназначена только для борьбы с человеком. При охоте на медведя пика может подвести — она прошьет тело зверя, но не сможет нанести ему достаточно опасных повреждений (если, конечно, охотник не нанесет удар точно в сердце, что весьма сложно). Втулка у пики неширокая, древко тонкое — под большим весом зверя оно может и сломаться.

...Защитное вооружение известно человеку с глубокой древности. Уже первобытным народам был хорошо известен кожаный щит, позже появились разнообразные кожаные рубахи, боевые пояса, а также доспехи, связанные из деревянных или костяных пластинок. Наконец, как только человек познакомился с металлом, из нового материала стали изготавливать оружие — не только наступательное, но и защитное.

Древнерусскую рать мы обычно представляем себе в виде сообщества хорошо защищенных воинов, каждый из которых облачен в сияющий стальной доспех:

В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря...

В действительности дело обстояло не совсем так. Например, для X века концентрация в одном и том же войске тридцати трех полных доспехов наверняка вывела бы предводителя такого войска на первое место среди военных вождей Руси. Полный комплект железного защитного вооружения был делом дорогим и редким. Позднее, по мере развития кузнечного ремесла древнерусских городов, доспех стал явлением более массовым. Но и тогда защитное снаряжение оставалось главным образом принадлежностью воинской верхушки общества — князей, бояр и дружинников. Что, кроме деревянного щита, мог использовать для своей защиты рядовой древнерусский ополченец-вой — не вполне ясно до сих пор.

«Панциря же никогда на себя не надевают», — писал о славянах Прокопий Кесарийский. Так было в VI веке. Однако к X столетию,

◀ Копье — самое травмоопасное оружие в исторической реконструкции. Чтобы уменьшить возможный физический вред, современные правила фестивалей предписывают использовать специальные наконечники из металла и кожи. Метательные копья-сулицы имеют кожаные наконечники, набитые тканью или паклей. Закрываясь щитами от таких безопасных сулиц и копий, бойцы применяют те же движения, которые спасали от колющего оружия воинов древности. Фото автора

Четырехчастный шлем, обтянутый латунным листом. Новгород, XI век. Шлем восстановлен по аналогам, от него сохранилась только декоративная налобная накладка, позволяющая предположить, что перед нами прямой родственник шлема из Черной Могилы. Автор реконструкции А. Будилов

ко времени сложения Древнерусского государства положение изменилось.

В том воинстве, которое в 941 г. под предводительством князя Игоря разоряло окрестности Константинополя и прилегающее побережье, доспех был уже далеко не единичным явлением. Лиутпранд Кременский, описывая поражение русов в морской битве, писал так: «Иные, обремененные панцирями и шлемами, шли на дно, и больше их не видели...» Тип древнерусского шлема, хорошо известный нам по поздним изображениям, начал формироваться в X столетии под непосредственным влиянием шлемов степных соседей Руси. И в дальнейшем наши шлемы вплоть до XVII столетия будут напоминать или даже непосредственно копировать восточные образцы. Однако сам X век дал несколько любопытных находок, показывающих, что средневропейские и скандинавские оружейные традиции также были на Руси хорошо известны.

Шлемы народов евразийских степей хорошо известны по находкам в бассейне реки Дон, на Южном Урале, в Прикубанье, на юге Украины. Форму большей части этих шлемов ученые определяют как сфероконическую — сферическая тулья шлема плавно переходит в конус, на вершине которого крепится невысокое навершие. Собирались такие шлемы из нескольких секторов (чаще всего из четырех) с помощью заклепок, поэтому их называют сегментно-клепаными. При сборке такого шлема края двух смежных секторов накладывались на края двух других и проклепывались. Головки заклепок нередко имели весьма сложную форму — например, делались в виде миниатюрных пирамидок.

К нижнему краю шлема с помощью специального подвеса (железного прутка, пропущенного через небольшие петельки) крепилась кольчатая бармица, защищавшая затылок и шею, а иногда и лицо воина. Полностью она не сохраняется и обычно доходит до наших дней либо в виде фрагментов, либо как спекшаяся масса кольчужного полотна.

Степные шлемы были успешно восприняты русскими воинами. По-видимому, наши мастера-оружейники довольно быстро научились изготавливать такие шлемы в своих мастерских, но, научившись, отнюдь не остановились на достигнутом. Они пошли значительно дальше и создали удивительные, поражающие воображение шедевры оружейного искусства, самый знаменитый из которых — шлем из черниговского кургана Черная Могила.

У шлема из Черной Могилы на каждый лист железа был наложен покрытый позолотой лист латуни такой же формы. При сборке шлема между секторами мастера проложили медные фигурные полоски, на которых проббили ряды крошечных круглых выступов. По форме эти пластинки-выпушки повторяли края секторов.

Строй воинов представляет всю палитру древнерусских шлемов X в. — от скандинавских круглых касок (слева) до заостренных сфероконических степных шлемов (они преобладают). Фестиваль «Русборг-2013» (Липецкая обл.). Фото автора

Шлем русского дружинника из кургана Гульбище в Чернигове. Третья четверть X в. Автор реконструкции — А. Будилов.

В кургане Гульбище был похоронен знатный воин эпохи походов Святослава. Рост его, вероятно, приближался к 2 м — найденные в этом кургане шлем и стремяна имеют огромные размеры, а каролингский меч является самым длинным из всех, когда-либо обнаруженных

На боковых пластинах поверх позолоты крепились посеребренные железные накладки-ромбики, в центре которых возвышались небольшие шипы. В такой же технике была украшена лобная часть шлема, на которой крепилась декоративная накладка в виде трезубца.

Золоченый шлем был не только защитой, но и своеобразным символом власти предводителя дружины. Он был издалека заметен в бою и тем самым позволял командиру отряда более эффективно управлять действиями войска.

Если сам по себе сфероконический шлем придумали степняки и на Русь такой шлем попал в качестве импорта, то золоченый вариант такого шлема является, скорее всего, именно русским изобретением. У шлема из Черной Могилы есть немало близких родственников, но сосредоточены они не в Степи, а у западных соседей Руси — польских племен. Польские образцы очень близки к русским, отличаясь лишь формой декоративных накладок. Есть подобные шлемы и в Венгрии, но они не имеют позолоченных обтяжек, хотя и сохраняют форму, конструкцию и медные выпушки по краям секторов.

Шлем этого типа продолжал развиваться и в XI столетии, уже в христианской Руси. находка фрагментов такого шлема известна в Новгороде, в ярусе 1050–1070 гг. Примерно в это же время такие шлемы научились делать и степные мастера. К XI веку относится золоченый шлем, найденный на границе Степи близ местечка Бабичи. Он собран иначе, нежели древнерусские шлемы, но тоже имеет золоченую обтяжку, а его навершие и венец украшены чеканным орнаментом в характерной древнерусской манере.

Хотя шлемы восточных образцов преобладали на Руси, у нас известны и европейские конические шлемы, собранные из двух частей с помощью полосы-обоймы. Такой шлем был найден в одном из курганов Гнездовского могильника.

Шлем из Гнездова состоит из двух частей, через вершину шлема тянется обойма фигурного сечения. Заклепки, с помощью которых эта обойма держит половинки шлема, посажены очень часто, через несколько миллиметров. По-видимому, они не только скрепляли детали шлема, но и служили своеобразным украшением. На такие же частые заклепки посажен широкий венец, опоясывавший низ шлема.

Конический шлем из Гнездова тоже имел бармицу, однако ее крепление отличалось от степных шлемов. По всему нижнему краю шлема тянулась полоса железа, перегнутая пополам. Внутри полосы находился железный прут, на который через небольшие разрезы

подвешивалась бармица. Подобным образом — через прорези на венце — крепилась бармица и на шлеме из Черной Могилы.

Конический шлем мог быть и сварным, и даже цельнотянутым — из одного куска металла. Кузнечная сварка — довольно трудоемкий процесс, и технологически для древнего человека такой шлем был даже сложнее клепаного. Как правило, такие шлемы имели спереди прямоугольный выступ, закрывающий нос воина — наносник, или назальную пластину. Иногда на пластине делали небольшой крючок, к которому можно было прикрепить края кольчужной бармицы, в этом случае лицо воина оказывалось закрытым почти полностью.

В Европе конические шлемы к началу XI века получили широкое распространение. Множество конических шлемов с характерными наносниками изображено на знаменитом ковре из Байо, который изображает битву при Гастингсе. Находки таких шлемов известны в Польше, Чехии, на севере Франции. Большинство их не имеют каких-либо украшений. Исключение составляет чешский «шлем Святого Вацлава», на лицевой части которого крепилась фигурная накладка с изображением распятия.

Ближайшая к Древней Руси находка подобного конического шлема — это так называемый шлем из Немии (Закарпатье). В отличие от большинства европейских находок, он не имеет наносника (возможно, эта деталь была утрачена). По всей окружности шлема тянется чеканная латунная пластина с позолотой, а налобную часть украшает стилизованная чеканная маска.

Насколько вероятно ношение конических сварных (или цельнотянутых) шлемов воинами Руси в X веке — вопрос очень сложный. С одной стороны, у нас нет реальных археологических находок таких

Слева — шлем из Печа. Венгрия, X в.

Этот четырехчастный шлем представляет собой упрощенный вариант роскошных древнерусских шлемов. У него сохранились латунные выпуклости на стыках деталей, но совершенно отсутствуют обтяжка и накладные посеребренные украшения

Справа — двухчастный конический шлем древнерусского воина, собранный с помощью заклепок. Гнездово, X в. Заклепки — а их у этого шлема около трехсот! — не только скрепляли его детали, но и служили своеобразным украшением. Ближайшие родственники этого шлема известны с территории Чехии. Автор реконструкции А. Будилов

Древнерусский воин в коническом шлеме. Автор реконструкции М. Татаринов (клуб «Ладога», Санкт-Петербург).

Защитное вооружение этого дружинника состоит из шлема и щита, главное наступательное оружие — небольшое копье. Так мог выглядеть участник походов князя Владимира Святого

шлемов на собственно русской территории (если не считать шлем из Немии). С другой стороны, существуют находки клепаных конических шлемов (в Гнездове), что указывает на связи с европейскими оружейными традициями, а также изображения русских князей в узнаваемых сварных конических шлемах (на печатях XI века).

До сих пор мы говорили только о степных или общеевропейских традициях в изготовлении древнерусских шлемов. Но на Руси известны и находки деталей шлемов характерного скандинавского облика.

Уже к VI в. в Скандинавии сложилась яркая собственная военная культура. По местечку Вендель в Швеции, где был обнаружен очень богатый могильник этого времени, археологи называют время с V по VIII в. «вендельской эпохой».

Знатные воины вендельского времени носили шлемы с полумасками, богато украшенные чеканными пластинами или литыми изображениями животных. Конструкция этих шлемов довольно сложная, чаще всего они собирались из нескольких соединенных между собой полос железа. Полумаски вендельских шлемов, закрывавшие

Ближний строевой бой. Воины с копьями наносят удары через небольшие промежутки в ряду щитников. Фестиваль «Русборг-2013» (Липецкая обл.). Фото автора

Вооружение русского дружинника. X в. Автор реконструкции В. Остроменцкий (клуб «Громовник», Москва). Североевропейские элементы (меч, щит, кольчуга и шлем из Гьермюндбю) сочетаются с типичным для русской дружинной культуры наборным поясом

◀ Скандинавский воин на службе у русского князя. X в. Автор реконструкции М. Владимирский (клуб «Черный Ворон», Санкт-Петербург). В руках дружинника реконструированный шлем из Киева — круглая каска скандинавского образца с посеребренной полумаской

▲ Щитообразная привеска-амулет. Русь, X в. Автор реконструкции В. Качаев. Миниатюрные серебряные модели щитов часто носили в качестве оберегов от злых сил. Узор этой привески — «сегнерово колесо» — символизирует движение Солнца по небу. Возможно, подобные узоры наносились и на настоящие щиты

Русский щит X в.
Лицевая и оборотная стороны. Автор реконструкции И. Пономарев (клуб «Черный Ворон», Санкт-Петербург).
 Щит, остатки которого были обнаружены в Гнездове, мог быть окрашен в красный цвет. Щит, найденный в гокстадском корабле в Норвегии, имел желто-черную окраску. Возможно, на щиты наносились эмблемы предводителей дружин. У скандинавов красный щит на мачте корабля считался символом войны, белый — символом мирных намерений. На представленном щите изображена геральдическая птица — символ петербургского клуба исторической реконструкции «Черный Ворон»

верхнюю часть лица воина, имеют небольшие вырезы для глаз и вырезанный наносник. Нижняя часть лица закрывалась либо кольчатой бармицей, либо фигурными пластинами-нащечниками. Таким образом, противник вендельского конунга видел перед собой не привычное лицо человека, а устрашающую железную личину. «Шлем-страшило», которого «пугалось все живое», отразился в «Старшей Эдде», в древнем героическом эпосе скандинавов. Таким шлемом владел дракон Фафнир, сраженный героем Сигурдом.

А вот целый скандинавский шлем более поздней эпохи викингов найден пока всего один — в захоронении некоего древнего хевдинга близ местечка Гьермюндбю, в Норвегии. Шлем из Гьермюндбю — это округлая каска, искусно собранная из четырех сегментов с помощью системы обойм. Лицо воина закрывала полумаска с большими вырезами, которые, в отличие от большинства шлемов более раннего времени, давали неплохой обзор. Полумаска предположительно была украшена серебряной проволокой.

Шлем из Гьермюндбю отдаленно напоминает более ранние скандинавские шлемы вендельского времени, однако прямых аналогов ему среди вендельских шлемов нет. Главная общая деталь скандинавских шлемов — полумаска. Кроме Гьермюндбю, такие полумаски известны по находкам в Швеции и Дании. Есть они и на Руси.

Фрагмент полумаски скандинавского образца был найден в Киве при раскопах Десятинной церкви. Он украшен серебряной инкрустацией, образующей геометрический рисунок. Сохранившийся обломок позволяет восстановить форму полумаски — она похожа на полумаску шлема из Гьермюндбю, но более вытянута книзу.

Основным видом защитного вооружения воина Древней Руси IX–X вв. был щит. Целых щитов этого времени найдено сравнительно немного, однако такие находки есть. Щиты имели круглую форму и собирались из отдельных дощечек хвойных пород. Доски щитов были весьма тонкими, что делало щит легким и подвижным. Доски собирались на длинную планку, в середине которой делалась рукоять, снаружи закрытая выпуклой металлической накладкой — умбоном. Край щита обшивали полосой кожи, а поверх полосы ставили металлические пластинки, которые иногда закрывали всю кромку щита. В диаметре древнерусский щит доходил до 90 см.

Полноценная защита корпуса делалась долго и требовала специальных инструментов и умений (впрочем, как и шлем). Доспех, как и меч, мог иметь собственное имя — например, кольчуга норвежского конунга Харальда Сурового называлась Эмма. находка целого доспеха — огромная редкость. Обычно археологам попадаются небольшие фрагменты — пластинки, обрывки кольчужного плетения. Есть такие находки и на Руси.

Для X столетия мы имеем несколько обрывков кольчужного плетения и очень немногочисленные находки пластинок от ламеллярных (пластинчатых) доспехов. География находок позволяет предполагать, что кольчуга была распространена шире и встречалась чаще.

Если с происхождением древнерусских шлемов все относительно ясно — большинство их восходит к степным образцам, то с кольчугой все далеко не так однозначно. Кольчатый доспех в раннем Средневековье был хорошо известен как в Степи, так и в европейских странах, где он широко распространился в римское время. Появилась же кольчуга, вероятно, на Ближнем Востоке в первом тысячелетии до нашей эры.

Преимущества кольчатого доспеха — в его относительной гибкости и легкости. Он не стесняет движений воина и весит не так уж много. Средний вес древнерусской короткой кольчуги X–XIII столетий составлял не более 6 кг.

Ранняя древнерусская кольчуга имела вид короткой рубашки с рукавами, доходившими примерно до локтей. Внешний диаметр ее колец доходил до 10–11 миллиметров. Ближайшая к территории Руси находка относительно целой кольчуги X века — уже известное нам захоронение норвежского хевдинга в Гьермюндбю. На примере кольчуги из Гьермюндбю выяснилась интересная технологическая деталь. Кольца этой кольчуги не сворачивались из проволоки, а вы-

Умбон древнерусского щита. Автор реконструкции А. Будилов. Значительная часть умбонов в Скандинавии и на Руси имела грибовидную форму. Канавка по периметру умбона придавала ему дополнительную жесткость

рубались из листа железа особым штампом. Затем мастер разрезал часть колец и собирал с их помощью кольчугу, продевая в одно такое разомкнутое кольцо четыре других, неразрезанных. Затем кольцо закрывалось наглухо с помощью миниатюрной заклепки. Поперечное сечение колец из Гьермюндбю трапециевидное — внешний край кольца несколько тоньше, чем внутренний. Таким же образом сделано и большинство древнерусских кольчужных фрагментов.

В более позднее время техника изготовления кольчуг изменилась. Кольца стали делать из проволоки — в мастерских древнерусских городов находят проволочные заготовки, еще не разрезанные на отдельные кольца. На смену клепано-просечным кольчугам пришли клепано-сварные и цельноклепанные варианты. Еще позже появился другой вид кольчатого доспеха — байдана, которая собиралась из больших плоских колец.

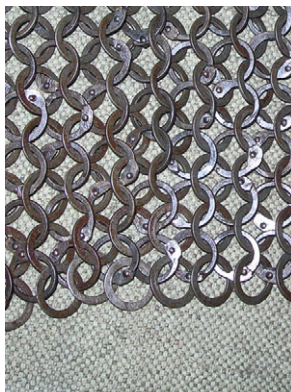
Но не только кольчугой могли защищать себя русские воины. «Панцири», упоминаемые Лиутпрандом, могут подразумевать другое изобретение древних оружейников — пластинчатый доспех или, как называли его на Руси в более позднее время, «дощатую броню».

На с. 114: Дружинники в доспехах.

В защитном снаряжении русского войска X столетия разнородные элементы сосуществуют без изменений, особые русские формы оружия появятся несколько позже. У дружинников на фото встречаются как скандинавские круглые шлемы с полумасками, так и степные заостренные шлемы с короткими наносниками, представлен и среднеевропейский шлем, родственный шлему из Гнездова. Корпусной доспех — короткие кольчуги, кроме того, нельзя исключать, что в качестве защитной одежды могли применяться кожаные рубахи, хотя прямых археологических доказательств этого нет

◀ *Вооружение русского дружинника. X в. Автор реконструкции С. Мишанин. Защитное вооружение этого воина — заостренный шлем и кольчуга — имеет степной облик, но наступательное оружие — секира и скрамасак — происходят из Северной Европы. Наборный пояс степного происхождения сочетается с типичным для славян и скандинавов комплексом одежды из рубахи и штанов*

- ▲ Плетение древнерусской кольчуги. Современная реконструкция. Видны склепанные и вырубленные кольца

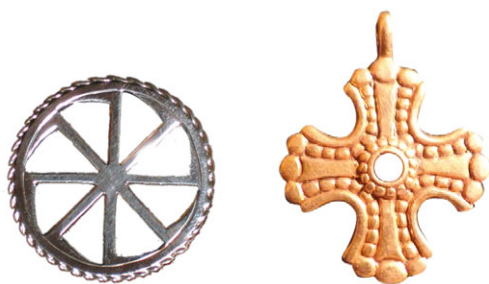
- ▶ Позднее русское вооружение. Акварель Ф. Г. Солнцева. Восточные элементы сохранялись в русском комплексе вооружения вплоть до эпохи регулярной армии Петра I

Доспех, собранный из небольших пластинок, ученые называют ламеллярным. Пластины ламеллярного доспеха связывались друг с другом ремешками, пропущенными через небольшие отверстия по краям пластин.

Ламеллярный доспех известен с глубокой древности. Появился он, по-видимому, на Ближнем Востоке во втором тысячелетии до нашей эры. Доспехи этого типа широко применялись по всей Евразии, включая Сибирь и Дальний Восток. Далеко не всегда пластинчатый доспех был металлическим — известны и кожаные, и даже костяные варианты (например, у чукчей).

...Грозным, смертоносным было оружие русских воинов. Но рассказ о древних походах будет неполным, если мы не упомянем о втором важнейшем занятии русов — международной торговле.

МЕЧ И ВЕСЫ

Торговец обычно представляется как противоположность воину. Он, торговец, упитан и трусоват. Он боится за свое добро. Трясушимися от жадности руками прячет он серебро в кошелек. Страшась за свою шкуру, он нанимает охранников и подсылает убийц. И так далее... Добавим к этому широко практиковавшуюся в Средневековье торговлю людьми — и получим совсем непривлекательный образ.

Между тем на заре Руси разграничение купца и воина было весьма условным. Те же самые воинственные русы, которые крушат прибрежные города и истребляют мирных жителей, словно траву, уже в самых ранних свидетельствах предстают успешными деятелями международной торговли.

Традиционно русская торговля связывается со знаменитым днепровским «путем из варяг в греки». Однако по сравнению с некоторыми другими торговыми маршрутами ранней Руси этот путь возник довольно поздно. Активно его начали эксплуатировать только после похода Олега на Киев в 882 г., а расцвет пришелся на середину и вторую половину X в.

Между тем некоторые из первых торговых путей Руси вели не на юг и даже не на восток (о восточном, волжском, пути скажем чуть ниже), а на запад, по Дунаю — в земли франкских королей.

От времен последнего восточнофранкского* короля Людовика IV Дитяти (899–911 гг.) до нас дошел интересный документ — таможенный устав Раффельштеттена. Этот древний, ныне не существующий небольшой торговый город находился на Дунае, близ современного австрийского города Линц. Таможенный устав, изданный между 904 и 906 гг., определял размеры пошлин, которые власти Раффельштеттена должны были взимать с торгующих в Баварской марке купцов.

В уставе упоминаются «славяне, отправляющиеся для торговли от ругов или богемов», т. е. из Руси или из Чехии. Торговали они во-

* После смерти императора Карла Великого его сыновья разделили империю на три части. Восточнофранкское королевство находилось на землях современной Западной Германии.

С. В. Иванов. Торг в стране восточных славян
 На литографии показаны реалии древнерусской торговли в представлении художников XIX в. Меха и рабы — основной товар рынков Руси в IX–X столетиях

ском, рабами и лошадьми. Если воск и рабы («челядь») — это основные и широко известные товары русов, то о торговле лошадьми русские источники не знают ничего.

Путь, соединявший Русь и Баварскую марку (он проходил через Перемышль, Краков и Прагу), был частью большой торговой магистрали, соединявшей Европу и восточные страны. Противоположные концы этой магистрали уходили в мусульманскую Испанию и Хазарию. Насколько можно судить по Раффельштеттенскому уставу, купцы из Руси приходили в Баварию по Дунаю (в тексте устава есть упоминание, что они могли располагаться для торговли на берегу Дуная), в то же время в качестве одной из единиц обложения упомянут «груз одного носильщика». Связана ли эта единица с перемещением сухопутных караванов — не вполне ясно, очевидно, носильщики использовались при переносе груза по суше в тех местах, где путь по воде был по каким-то причинам невозможен (например, из-за порогов).

Торговля русов в Средней Европе ко времени появления Раффельштеттенского таможенного устава не была каким-то новым явлением. Уже в 863 г. в грамоте Людовика II Немецкого упомина-

ется «Ruzagamarcha» — «Русская марка», поселение, находившееся там же, на среднем Дунае, недалеко от Раффельштеттена. Есть в этой местности и другие сходные названия, говорящие об активных контактах области с русами. Таможенный устав, таким образом, лишь упорядочил очень давнюю к тому времени торговую практику.

В момент издания устава закат торговли русов на Среднем Дунае был уже очень близок. Вскоре в германские земли начали вторгаться воинственные венгры, фактически разрушившие перед тем Великоморавское княжество. Процветанию придунайских областей пришел конец.

...Главным направлением русской торговли долгое время был Восток.

Уже в IX в. в сочинениях арабских авторов появились сведения о народе, который они называли «ар-рус». Около 870 г. деятельность купцов-русов описал Абул Касим Убейдаллах ибн Абдаллах ибн-Хордадбех, который занимал высокую должность начальника почты и осведомления в области Джибал, на северо-западе Ирана.

Ибн Хордадбех — автор многих сочинений, однако до нас дошло лишь одно. Этот сохранившийся труд арабского ученого назывался «Книга путей и стран», впоследствии это название распространилось на целый жанр арабских сочинений, посвященных описанию географических регионов и торговых путей.

В «Книге путей и стран» подробно описаны торговые маршруты купцов, торговавших в пределах необъятного халифата. В числе прочих упоминаются купцы-русы, которых Ибн Хордадбех определил как «одну из разновидностей славян».

Несколько позже в арабской литературе получила распространение легенда об «острове русов». Первым автором, который описал этот остров, был выдающийся ученый Ибн Русте. В своем труде «Дорогие ценности», составленном в начале X в., он пишет, что русы обитают на острове, который окружен озером, их правитель носит титул «хакан», они передвигаются на кораблях и совершают грабительские походы на славян, которых захватывают в плен, везут в «Хазаран и Булкар» (Хазарию и Волжскую Булгарию) и там продают. Работоторговля наряду с торговлей мехами — главное занятие русов:

«И нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям. Получают они назначенную цену деньгами и завязывают их в свои пояса...»

«Остров русов» в описании Ибн Русте сырой и болотистый, он покрыт лесами, а протяженность его арабский писатель определял «в три дня пути».

Примерно так же описывает «остров русов» Гардизи, персидский историк XI в. В его изложении остров окружен уже не озером, а морем, численность населения острова этот автор оценивал в 100 тысяч жителей.

А. М. Васнецов.
Новгородский торг.
На картине изображен
поздний Новгород,
однако уже на заре
своего существования
этот город стал важным
центром международной
торговли Северной Руси

Помимо этих двух рассказов существует большое число более поздних сообщений о загадочном острове, но они в основном повторяют сведения Ибн Русте и Гардизи.

О местоположении «острова русов» среди ученых не было и нет единого мнения. Одни авторы помещают его на севере — в Скандинавии, на Верхней Волге, в районе Новгорода и Приладожья. Другие, напротив, видят в «острове русов» Крым, помещают его в дельте Дуная или в районе Киева. Наконец, есть предположение, что «остров русов» есть не что иное, как известный нам Рюген на Балтике...

Некоторые древние восточные авторы подразделяли русов на три группы (джинс). Каждая из этих групп расселялась на определенной территории, имела свою столицу и своего правителя. Главный город первой группы русов назывался Куйаба, об этом городе было известно, что он «ближайший к Булгару» и при этом больше Булгара. Самая отдаленная разновидность русов называлась ас-Славийа, а третья — ал-Арсанийа, правитель этой третьей группы русов сидел в городе Арса. Жители Арсы торговали за пределами

своей страны черными соболями и оловом, а всякого приходящего в их землю чужеземца убивали.

Из анонимного сочинения «Пределы мира от востока к западу», написанного в конце X столетия, можно узнать, что все три группы русов обитали в бассейне некоей «Русской реки», которая была, по представлениям автора, притоком Атила (Волги).

Куйябу и Славю можно более или менее уверенно отождествлять с Киевом и Новгородом, но вопрос о местоположении Арсы вызвал среди ученых обширные споры. Город этот помещали в самые разные места — от Скандинавии и до Тамани. Некоторые исследователи, основываясь на звуковом сходстве, видели в Арсе город Аркона на Рюгене. Наиболее логичной (хотя и недоказуемой) представляется версия, в соответствии с которой под ал-Арсанией подразумевается бассейн Верхней Волги с городами Ростовом и Белоозером.

В самом деле — по свидетельству арабского писателя и путешественника Ибн Хаукаля, самой отдаленной от Булгара группой русов была ас-Славийа. Значит, Арса находилась где-то ближе к Булгару. О жителях Арсы Ибн Хаукаль пишет: «Лишь сами они спускаются по воде и торгуют...», т. е. ал-Арсания находилась на реке, по которой можно было спуститься к тем рынкам, где торговали русы, а такими рынками были Хазария, «Рум» (Византия) и Булгар. Верхняя Волга, где в IX–X вв. активно действовали скандинавские купцы, вполне соответствует всем этим признакам.

Самым знаменитым из арабских писателей, оставивших сведения о русах, оказался Ахмед ибн-Фадлан. Он был секретарем посольства, которое багдадский халиф ал-Муктадир отправил в 921 г. в Волжскую Булгарию. Правитель волжских булгар принял решение обратиться в ислам, чтобы иметь возможность с помощью мусульманских государств Средней Азии вести войну против иудаистского Хазарского каганата.

О самом Ибн Фадлане, кроме того, что он был участником и секретарем этого посольства, вообще ничего не известно. Сочинение его называется «Рисале» — «Записка». В «Записке» подробно рассказывается о путешествии арабского посольства на Волгу, описываются те народы, с которыми встречались путешественники, направляясь через Среднюю Азию и приуральские степи в Булгарию, а также описание самой Булгарии.

Ценность походных записей Ибн Фадлана состоит в том, что он подробно описал повседневный быт, внешний вид купцов — русов, с которыми ему пришлось встретиться в Булгарии. Сопоставление его описаний с данными археологии дает очень интересные результаты.

«Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились у реки Атыл. Я не видал людей с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, белокуры, красны лицом, белы телом. Они не носят ни курток, ни хафтанов, но у них

мужчина носит кису*, которой он обхватывает один бок, причем одна из рук выходит из нее наружу. И при каждом из них имеется топор, меч и нож, причем со всем этим он никогда не расстается. Мечи их плоские, бороздчатые, франкские... А что касается их женщин, то на каждой их груди прикреплен корабчик, или из железа, или из серебра, или из меди, или из золота, или из дерева в соответствии с размерами денежных средств их мужей».

Вот как описывает Ибн Фадлан походный быт русских купцов:

«Они прибывают из своей страны и причаливают свои корабли на Атиле, а это большая река, и строят на ее берегу большие дома из дерева, и собирается их в одном таком доме десять или двадцать, меньше или больше, и у каждого из них скамья, на которой он сидит, и с ними девушки — восторг для купцов. И вот один из них сочетается со своей девушкой, а товарищ его смотрит на него. Иногда же соединяются многие из них в таком положении один против других, и входит купец, чтобы купить у кого-либо из них девушку, и таким образом застаёт его сочетающимся с нею, и он не оставляет ее, или же удовлетворит отчасти свою потребность...»

Ибн Фадлан подробно рассказывает о жертвоприношениях, которые совершали русские купцы накануне важных торгов:

«И как только приезжают их корабли к этой пристани, каждый из них выходит и (несет) с собою хлеб, мясо, лук, молоко и набид (хмельной напиток. — М. С.), пока не подойдет к высокой воткнутой деревяшке, у которой (имеется) лицо, похожее на лицо человека, а вокруг нее (куска дерева) маленькие изображения, а позади этих изображений (стоят) высокие деревяшки, воткнутые в землю. И так, он подходит к большому изображению и поклоняется ему, потом (он) говорит ему: «О, мой господин, я приехал из отдаленной страны и со мною девушек столько-то и столько-то голов и соболей столько-то и столько-то шкур», пока не сообщит (не упомянет) всего, что (он) привез с собою из (числа) своих товаров — «и я пришел к тебе с этим даром»; потом (он) оставляет то, что (было) с ним, перед этой деревяшкой, — «и вот, я желаю, чтобы ты пожаловал мне купца с многочисленными динарами и дирхемами, и чтобы (он) купил у меня, как я пожелаю, и не прекословил бы мне в том, что я скажу». Потом он уходит. И вот, если для него продажа его бывает затруднительна и пребывание его задерживается, то он опять приходит с подарком во второй и третий раз, а если (все же) оказывается трудным сделать то, что он хочет, то он несет к каждому изображению из (числа) этих маленьких изображений по подарку и просит их о ходатайстве и говорит: «Это (эти) жены нашего господина и дочери его и сыновья его». И (он) не перестает обращаться к одному изображению за другим, прося их и моля у них о ходатайстве и униженно кланяясь перед ними. Иногда же прода-

* Т. е. плащ.

*Древнерусский
воинско-купеческий
костюм. X век. Автор
реконструкции
М. А. Савинов.*

Крашенные ткани —
показатель достатка
носителя костюма.
Головной убор —
войлочная шляпа —
восстановлен
по изобразительным
источникам, кроме того,
фрагменты войлока
на голове были найдены
в погребении русского
купца начала XI в.
в Березовецком
могильнике на озере
Селигер

Привеска, сделанная из арабского дирхема. Русь, X в. Современная реконструкция. Дирхемы, чеканившиеся ближневосточными и среднеазиатскими правителями, были главным платежным средством на Руси в IX–X вв. Нередко эти монеты использовались и в качестве украшения. К ним прикрепывались небольшие ушки из серебра, после чего монету можно было носить в ожерелье вместе с бусами. Именно наличие в древнерусских захоронениях X в. дирхемов, дата выпуска которых точно известна, позволяет выстраивать хронологию предметов

жа бывает для него легка, так что он продаст. Тогда он говорит: «Господин мой уже исполнил то, что мне было нужно, и мне следует вознаградить его». И вот он берет известное число овец или рогатого скота и убивает их, раздает часть мяса, а оставшееся несет и бросает перед этой большой деревяшкой и маленькими, которые (находятся) вокруг нее, и вешает головы рогатого скота или овец на эти деревяшки, воткнутые в землю. Когда же наступает ночь, приходят собаки и съедают все это. И говорит тот, кто это сделал: «Уже стал доволен господин мой мною и съел мой дар».

На территории Волжской Булгарии следы пребывания скандинавов известны — это Балымерский курганный могильник. Там были исследованы типично норманнские погребения со сломанным оружием. А на другом конце Волжского пути, в Старой Ладоге, археологи обнаружили остатки большого дома, который вполне мог быть купеческим

общежитием вроде тех, которые описывал Ибн Фадлан.

...Все крупные города Древней Руси возникли на торговых путях. Главными из этих путей были Волжский и Днепровский — знаменитый по летописному описанию «путь из варяг в греки».

Оба пути начинались с Финского залива, Невы и Ладожского озера. На этом участке главным перевалочным пунктом была уже известная нам Ладога.

Волжский путь, с которым мы уже знакомы, вел к волшебным сокровищам Востока, главными среди которых были шелк и арабское серебро. Он очень рано привлек внимание предприимчивых скандинавских купцов-воинов, которые появились на Верхней Волге уже во второй половине IX столетия. Они обосновались на Сарском городище и в Тимеревском поселении, развернули широкую торговлю мехами и рабами.

Самый знаменитый торговый путь Древней Руси — это, конечно, «путь из варяг в греки», описанный в «Повести временных лет». Уже из названия видно, что путь этот связывал Скандинавию и Византию. Он пронизывает с севера на юг всю Восточную Европу. Начинаясь путь на северо-западе, в водах Балтики — «Варяжского моря». Из Балтики путешественник-купец или воин — попадал в Неву, по Неве поднимался в Ладожское озеро, которое летописец называет «озеро великое Нево».

В Ладожское озеро впадает несколько крупных рек, и по крайней мере две из них в древности использовались как торговые пути. Это Волхов и Сясь.

Волхов вытекает из озера Ильмень и течет почти строго с юга на север. Сясь впадает в Ладожское озеро несколько восточнее Волхова. На этой реке в древности существовало торгово-ремесленное поселение, известное как Сясьское городище.

На самом Волхове главным перевалочным пунктом была, конечно, Ладога. Здесь причаливали морские торговые суда скандинавов, здесь товары перегружали на местные речные суда. В целом виде эти суда до нас не дошли, но детали их известны из раскопок Ладоги. Археологи попытались по сохранившимся фрагментам воссоздать облик этих речных «рабочих лошадок». Получилось небольшое плоскодонное судно, довольно грубо собранное с помощью деревянных нагелей.

Далее путешественник поднимался по Волхову к Рюрикову городищу, а затем через озеро Ильмень — в реку Ловать. Впрочем, существовал и обходной путь вокруг Ильменя, поскольку плавание на маленьких судах по озеру могло быть небезопасным. Из района Ильменя можно было уплыть и на восток, на Волгу.

Верховья реки Ловать соединялись волоками с верховьями Западной Двины и Днепра. Здесь, на Днепре, в устье речки Свинец, в древности находилось обширное торгово-ремесленное поселение, вся жизнь которого была связана с путем из варяг в греки. По современной деревне Гнездово, вблизи которой было открыто это поселение, его называют Гнездовским.

Подобное поселение, только значительно меньшее, существовало и на Волжском пути, на реке Которосль, вблизи ее впадения в Волгу. Об этих поселениях у нас чуть впереди обязательно будет отдельный разговор.

Днепровский путь младше Волжского, и в полную силу он заработал только в X столетии, когда сложилась система торговых связей Руси и Византийской империи, закрепленная договорами киевских князей — Олега и Игоря. Именно по этому пути русы ходили на Дунай, к болгарским и византийским берегам, не только с торговыми целями, но и с целью войны.

Помимо Волжского и Днепровского путей летописец знал путь по Западной Двине на Балтику:

«А Двина из того же леса* потече, а идет на полунощье (т. е. на север. — М. С.), и внидет в море Варяжское...»

Именно этим путем двигались скандинавы в Полоцк («Палтескью» исландских саг). Там, в Полоцке, обосновалась независимая от Рюриковичей скандинавская династия, основателем которой был некий Регнвальд (в летописи его зовут Рогволод). А название находившегося недалеко от Полоцка города Турова летописец выводил от имени «Туры» (возможно, Тур или Торир), другого норманнского предводителя, поселившегося в этом городе, а может быть — и основавшего его.

* Имеется в виду Оковский лес, в котором летописец помещает истоки Днепра, Западной Двины и Волги.

*Стеклянные бусы —
важнейшая статья
древнерусской
торговли. Их делали
в мастерских Востока
и Северной Африки*

Норманны активно включились в восточноевропейскую торговлю. Археология и письменные источники позволяют прояснить некоторые конкретные торговые схемы.

Главными экспортными товарами Руси (и Руси-страны, и Русии-сообщества) были меха, воск и рабы. Русы получали все эти товары следующим образом. Во-первых, воск и меха входили в состав дани, которые киевские князья со своими дружинниками собирали с подвластных, «примученных», племен. Во-вторых, мех можно было выменять в глухих финских краях на бусы и железное оружие, которое пользовалось у финнов огромным спросом. Купцы-русы приобретали бусы в городах большими партиями, а в удаленных факториях поштучно продавали их финским охотникам. Подобным же образом действовали в XVII–XVIII веках русские промышленники в Сибири и на Дальнем Востоке.

Рабов («челядь») захватывали в тех областях, с которыми не было мира в конкретный момент времени, кроме того, рабов можно было выменять на бусы или что-нибудь еще в тех краях, где происходили межплеменные войны.

«С рабами они обращаются хорошо, — писал о русах арабский ученый Ибн Русте в своей книге «Дорогие ценности», — и заботятся об их одежде, потому что торгуют ими...»

Все полученные таким образом товары начинали затем свое движение на кораблях русов по великим рекам — либо в Византию, либо на волжские рынки, где продавались за арабское серебро. Это серебро текло могучей рекой через всю Русь в Скандинавию, по дороге то и дело оседающая в кладах. Клады эти далеко не всегда зарывали «на черный день», часто эти вклады были жертвой богам, владелец

не предполагал когда-нибудь в будущем воспользоваться своим сокровищем. Отношение древнего человека к богатству отличалось от современного.

Серебро было главной валютой раннесредневекового мира Руси и Скандинавии. Продавцы и покупатели рассчитывались серебром на вес, главной весовой единицей в Скандинавии была марка, а на Руси — гривна. Вес северорусской гривны и скандинавской марки примерно совпадал и составлял немногим более двухсот граммов. Южнорусская гривна вошла в употребление позже и представляла собой небольшой шестиугольный слиток серебра весом около 50 г.

Любой серебряный предмет мог быть при необходимости взвешен и использован для оплаты товара. Но главным источником серебра на Руси в IX–X вв. были арабские монеты. Вес арабского дирхема разных лет чеканки колебался в пределах 2,73–3 г. В IX столетии русские купцы рассчитывались в основном омейядскими и аббасидскими дирхемами из Дамаска и Багдада, в X в. большое распространение получили среднеазиатские монеты правителей из династии Саманидов. Через Русь дирхеми широким потоком двигались в Скандинавию — в Швецию и на Готланд. Западная Скандинавия рассчитывалась европейскими монетами — денариями. В XI в. денарии распространились и на Руси.

При заключении сделок драгоценный металл взвешивали с помощью небольших весов. Такие весы были необходимы любому человеку X столетия, который занимался торговыми сделками. По размерам и форме они были похожи на современные аптекарские весы, состояли из двух литых чашечек и коромысла, которое могло быть складным. В комплект торговых принадлежностей обязательно входили бочонковидные гирьки, выверенные по массе до десятых и даже сотых долей грамма. Для того чтобы монета точно соответствовала определенной массе, ее иногда резали на части. По-видимому, именно отсюда происходит название одной из весовых денежных единиц Руси — «резана».

Вот как описывает такую весовую сделку одна из больших родовых «саг об исландцах» — «Сага о Людях из Лососьей долины»:

«Однажды, когда Хаскульд вышел развлечься с некоторыми людьми, он увидел великолепный шатер в стороне от других палаток. Хаскульд вошел в шатер и увидел, что перед ним сидит человек в одеянии из великолепной ткани и с русской шапкой на голове. Хаскульд спросил его, как его зовут. Тот назвал себя Гилли.

Ожерелье из Приладожья. X в. Между нарядными бусами видны привески-дирхеми и привеска, сделанная из византийской монеты — милиарисия. Такие монеты раздавались в Константинополе участникам посольства княгини Ольги. Ожерелье также включает скандинавскую привеску в стиле Йеллинге. Фото автора

В. М. Васнецов. Варяги. На рисунке изображена сцена призвания Рюрика на русское княжение. Художник изобразил скандинавов в доспехах норманнов с ковра из Байе, относящегося к XI веку — длинных кольчугах, заостренных конических шлемах. Славяне и финны, приглашающие варягов, разложили перед ними главные богатства своих земель — меха и мед. Видны на рисунке и коровьи рога, широко применявшиеся в качестве ритуальных кубков

— Однако, — сказал он, — многим больше говорит мое прозвище: меня зовут Гилли Русский.

Хаскульд сказал, что много о нем слышал. Его называли самым богатым из торговых людей.

Тут Хаскульд сказал:

— Ты, видно, сможешь продать нам вещи, которые мы охотно бы купили.

Гилли спросил, что бы он и его спутники желали купить. Хаскульд сказал, что он хотел бы купить рабыню.

— Если у тебя есть рабыня на продажу.

Гилли ответил:

— Вы думаете поставить меня в затруднительное положение, спрашивая о вещи, которой, как вы полагает, у меня нет в продаже. Однако дело обстоит не так, как вам кажется.

Хаскульд заметил, что шатер был разделен надвое пологом. Тут Гилли приподнял этот полог, и Хаскульд увидел, что там сидело двенадцать женщин. Тогда Гилли сказал, что Хаскульд может пройти туда и присмотреться, не купит ли он какую-нибудь из этих женщин. Хаскульд так и сделал. Все они сидели поперек шатра. Хаскульд стал пристально разглядывать этих женщин. Он увидел, что одна из жен-

щин сидела недалеко от стены, она была одета бедно. Хаскульд обратил внимание на то, что она красива, насколько это можно было разглядеть. Тут Хаскульд сказал:

— Сколько будет стоить эта женщина, если я ее куплю?

Гилли отвечал:

— Ты должен заплатить за нее три марки серебра.

— Мне кажется, — сказал Хаскульд, — что ты ценишь эту рабыню довольно дорого, ведь это цена трех рабынь.

Гилли отвечал:

— В этом ты прав, что я прошу за нее дороже, чем за других. Выбери себе любую из одиннадцати остальных и заплати за нее одну марку серебра, а эта пусть останется моей собственностью.

Хаскульд сказал:

— Сначала я должен узнать, сколько серебра в кошельке, который у меня на поясе.

Он попросил Гилли принести весы и взялся за свой кошелек. Тогда Гилли сказал:

— Эта сделка должна совершиться без обмана с моей стороны. У женщины есть большой недостаток. Я хочу, Хаскульд, чтобы ты знал о нем, прежде чем мы покончим сделку.

Хаскульд спросил, что это за недостаток. Гилли отвечал:

— Эта женщина немая. Многими способами пытался я заговорить с ней, но не услышал от нее ни одного слова. И теперь я убежден, что эта женщина не может говорить.

Тут Хаскульд сказал:

— Принеси весы для денег, и посмотрим, сколько весит мой кошелек.

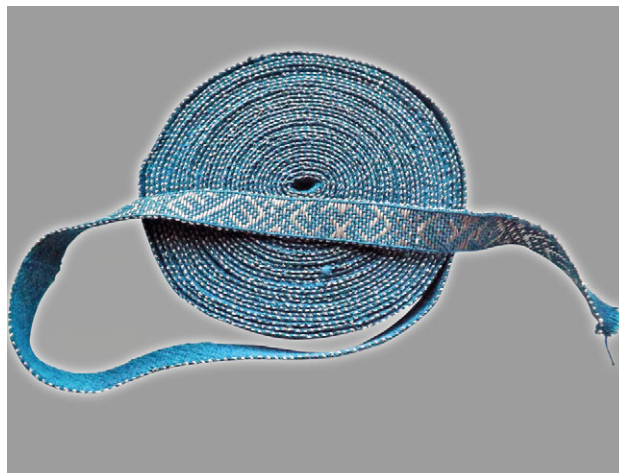
Гилли сделал так. Они взвесили серебро, и оно было три марки весом. Тут Хаскульд сказал:

— Дело обстоит так, что наша сделка должна совершиться. Возьми серебро, а я возьму эту женщину. Я признаю, что ты в этой сделке вел себя, как следует мужу, потому что, очевидно, ты не хотел меня обмануть».

Женщина, приобретенная таким образом, оказалась ирландской принцессой, дочерью короля Мюркьяртана...

Нельзя исключать того, что Гилли получил свое прозвище именно из-за своей торговли на Руси, возможно также и то, что именно с выгодной русской торговлей было связано его богатство.

Однако Волжский, Днепровский и Двинский пути — это далеко не все транспортные артерии Руси, а лишь самые большие и известные из них. Многочисленные мелкие реки пронизывают все про-

Золототканая тесьма. Современная реконструкция. Экспортируя сырье, Русь активно ввозила предметы роскоши. На фото показана узкая (до 1,6 см) шелковая лента, узор на которой выполнен золотой или серебряной нитью, которая пропускалась вторым утком. Такая лента поступала на Русь из Византии, а главным центром ее производства была мусульманская Испания — ал-Андалус. Лента широко применялась для отделки одежды русской знати — князей и бояр, а также воинов-дружинников, купцов и зажиточных горожан

Древнерусский воинско-купеческий костюм. Не вполне понятно, что подразумевается в исландской саге под «русской шапкой» купца Гилли, но нельзя исключать, что речь идет о круглой шапке с меховым околышем. Такие шапки хорошо известны по более поздним изображениям русских князей. Такая беседа (участники — купец-рус и скандинавская девушка) вполне могла происходить на улице древнерусского торгового города, например, Ладоги или молодого Новгорода. Авторы реконструкций М. Савинов и О. Филипенкова

странство Русской равнины, и каждая из этих рек могла использоваться как торговый путь.

Бывает так: на каком-нибудь небольшом славянском или финском поселении археологи находят цветные привозные бусы, потом серебряный арабский дирхем, а за ним — и еще один. Один из дирхемов отчеканен в Багдаде при халифе из династии Аббасидов, а другой — на пятьдесят лет позже, в Средней Азии, при эмире Нухе ибн Мансуре. Значит, предприимчивые дельцы, скупщики мехов,

пробирались на своих лодках к жителям деревни по крайней мере на протяжении этих нескольких десятков лет...

Итак, купец — такой же строитель древнерусского государства, как и воин. Международная торговля привлекала на Русь энергичных, предприимчивых людей, способствовала росту торговых городов. Образы купцов попали даже в былинный эпос. Вспомним, например, знаменитого новгородца Садко — он именно купец, судовладелец, и былина о нем содержит множество точных деталей древних торговых экспедиций, включая, например, жертвоприношение морскому божееству!

А теперь мы вновь возвратимся в мир войны и попытаемся ответить на вопрос — как же сражались русские воины X столетия, какие приемы использовали в бою? В поисках ответа нам поможет реконструкция древнего оружия и доспехов.

СПРАВЕДЛИВЫЙ ПОЕДИНОК

Летопись, рассказывая о войнах и сражениях, зачастую скупа на мелкие детали. У летописца другая задача — передать общий ход боя, отметить его жестокость (если она была особо выдающейся), назвать самые тяжелые для обеих сторон (или только для той стороны, которой летописец сочувствовал) потери и, конечно, сказать, кто в сражении победил. Для изучения приемов боя летопись нам не подойдет — она их будет упоминать мельком и лишь в тех ситуациях, когда это важно для сюжета летописного рассказа, например, рассказа об убийстве.

Для описания боя у древнерусского летописца есть множество отвлеченных слов и выражений. «И была сеча зла» — так говорит о сражениях «Повесть временных лет», лишь изредка добавляя отдельные выразительные детали. Самих сражений за этими словами не видно, мы не можем сказать, как именно рубились с врагом воины Руси, как они двигались, как стояли, как защищались и наносили удары.

Фехтовальные приемы Запада и Востока можно изучать по сохранившимся поздним учебникам и руководствам. Но на Руси таких учебников, по-видимому, не существовало никогда, во всяком случае, ученые пока не обнаружили ни одного. Между тем очевидно, что, если есть оружие, должна быть и отработанная методика владения им. Как же сражались древнерусские воины?

Арабские и византийские авторы, описывая сражения с участием русских воинов, добавляют ряд любопытных деталей к летописным описаниям, но про конкретные приемы боя мы опять же не узнаем почти ничего. Например, у Ибн Мискавейха мы опять, как и в нашей летописи, увидим общие фразы вроде «пошли на них русы сокрушительной атакой». Так есть ли источник, который адекватно и подробно расскажет нам о средневековой повседневности?

Такой источник есть, правда, источник этот нерусский. Мы уже знаем, что в раннесредневековое время вооружение древнерусского воина примерно соответствовало вооружению наших северных соседей — скандинавов. А у скандинавов есть замечательный источник для изучения повседневности, и в том числе — для изучения приемов боя. Этот источник — исландская сага.

Слово «сага» произошло от «segja» — «рассказывать». Сага — это рассказ, рассказ о герое или короле, а иногда — о целом роде или королевской династии. Ученые различают королевские саги (посвященные норвежским конунгам), «саги об исландцах», рассказывающие об исландских родовых вождях — хевдингах, или о целых исландских родах, «саги о древних временах», повествующие о древних богах и героях, и еще ряд видов. Нам интересны первые две разновидности саг.

Почти все известные нам саги были записаны не в континентальной Скандинавии, а на острове Исландия, который в конце IX — начале X в. заселили выходцы из Норвегии. В конце XII в. исландцы стали записывать рассказы о норвежских королях (первые такие саги создавались на заказ), а чуть позже — передававшиеся устно из поколения в поколение рассказы о своих сородичах. Так появились два главных вида саг — «королевские саги» и «саги об исландцах», или родовые саги.

Сага — это в первую очередь литературный рассказ. И, хотя в большинстве случаев это рассказ о реально живших людях, использовать ее как исторический источник сложно. Например, в сагах нет никаких дат. Там, конечно, встречаются датировки событий типа «той весной умер Снорри Годи» или «через две зимы после того, как...». Однако восстановить реальную дату можно лишь приблизи-

Дети с игрушечным оружием на историческом фестивале «Исаборг» (Старый Изборск, Псковская область). Фото автора. Щиты и мечи конструктивно повторяют «взрослые» образцы, отличаясь лишь размерами

тельно — если в саге упоминаются такие исторические события (например, битвы), которые отразились в источниках с точными датировками.

Уже при первом взгляде на текст любой саги видно, что ее язык близок к разговорной речи. Вот, например, как описывает бой «Сага о людях с Песчаного берега»:

«Стейнтор и пятеро с ним пошли приступом на шхеру, а норвежцы отошли на расстояние выстрела, у них были с собой луки, и они принялись расстреливать защитников шхеры, от этого те терпели урон.

Увидев, что Стейнтор обнажил меч, Торлейв Кимби сказал:

— Рукоять у тебя, Стейнтор, сверкает как прежде, — сказал он, — но я не знаю, сменил ли ты с осени тот мягкий клинок, что был у тебя в Лебяхьем фьорде.

Стейнтор отвечает:

— Я бы хотел, чтобы, прежде чем мы расстанемся, ты испытал сам, мягок мой клинок или нет».

Мы видим удивительно живую сцену, слышим речь персонажей саги. Конечно, все, что они говорят — вымысел (между событием и записью саги около двухсот лет), но вымысел удивительно правдоподобный. Сами рассказчики и слушатели саги (ведь эти произведения первоначально передавались изустно) воспринимали эти рассказы как правду.

Сага как источник для реконструкции событий весьма ненадежна. Сага как источник для изучения традиционного общества (и в том числе боевого искусства) не имеет себе равных.

Но, конечно, и у составителя саги описание боя — не самоцель, ему интересны распри как двигатель сюжета и поведение в этих распрах героев саги. Сагописец скажет «взмахнул мечом», «нанес удар», «отрубил ногу» — но как именно взмахнул герой мечом, как именно он наносил удар, как он при этом стоял и двигался, — этого мы из саги не узнаем.

Тогда можно попытаться изучить древние приемы боя опытным путем — изготовить реплики оружия и защитного снаряжения, соответствующие по размерам и массе своим древним образцам, и попробовать имитировать сражение. Так мы вполне сможем понять, как удерживалось оружие, какие движения мог или не мог совершать древнерусский воин. Исключена будет только цель боя — убийство противника.

На помощь приходит военно-историческая реконструкция. В наши дни она стала весьма массовым увлечением. Подробнее о реконструкторах мы поговорим в послесловии к нашей книге, а пока посмотрим поближе на самое зрелищное, для многих — самое увлекательное направление реконструкции — военное дело.

Реконструкция средневековых сражений в современных условиях имеет несколько форм. Широкое распространение получили, например, турниры — явление, совершенно не характерное для раннесредневековой Руси и Скандинавии. На фестивалях проводятся

большие строевые бои. Наконец, организуются маневры на местности по различным сценариям. Это, пожалуй, наиболее интересная форма боевой реконструкции, наиболее приближенная к реалиям древней войны.

При современной реконструкции древнерусского военного дела используют затупленные муляжи оружия, лезвия которых не должны иметь менее 2 мм в толщину. Это способствует безопасности участников, но несколько снижает достоверность оружия — оно получается более тяжелым, чем было в древности. Особенно это касается мечей.

Как только участники реконструкционных сражений попытались воевать друг с другом с помощью восстановленного оружия, начали вскрываться проблемы, которых археологи-оружиеведы до сих пор касались лишь мельком. Например, проблема так называемой поддоспешной экипировки. Выяснилось, что, хотя нам известен древнерусский шлем и древнерусский доспех, мы почти ничего не знаем о том, что носилось под ним. А ведь надеть железный шлем на непокрытую голову (как это иной раз делают герои исторических фильмов!) нельзя, как нельзя надеть кольчугу на обычную тканевую одежду...

Г. И. Угрюмов.
Испытание силы
Яна Усмаря.
Живописцы-академисты
начала XIX в.
не стремились
воспроизводить
в точности реалии
древнего костюма
и вооружения,
да и представление
о них в то время не было
еще разработано.
Главное на их
картинах — передача
динамики и эмоций
героев события

Кроме того, в современной реконструкции доспех стал, в отличие от древнего времени, явлением массовым. Правила безопасности военно-исторических фестивалей запрещают сражаться без шлемов, а процент воинов со шлемами в древнем войске был не так уж велик, не говоря уже о корпусном доспехе. Сельский ополченец Древней Руси шел сражаться, возможно, в одной рубахе и плаще (вспомним рассказ Прокопия Кесарийского о славянских воинах), и при этом ему угрожало не тупое оружие с закругленными краями, а острые как бритва вражеские копья, сабли, топоры... Мы можем восстановить приемы боя, но гораздо сложнее восстановить психологию древнего бойца. Идти без защиты даже на тупое оружие — страшно, и получать удары этим тупым оружием — больно! И древнему человеку было, несомненно, еще страшнее и во много раз больнее, а он все равно шел в бой, и выполнял свой долг воина, и одерживал победу над врагом.

О поддоспешной экипировке все же нужно сказать несколько слов. Прямых свидетельств о ней нет, но ясно, что она была необходима. По летописи нам известна «прилбица» — меховой подшлемник, упоминаемый применительно к событиям XII века. Под корпусной доспех могла, вероятно, поддеваться кожаная рубаха, однако археологических находок, подтверждающих ее бытование, у нас опять же нет. Не так давно любопытное открытие было сделано в ходе раскопок древнего Пскова. Археологи обнаружили большой фрагмент вязаной шерстяной одежды с застрявшими в нем кольчужными колечками. Так что, возможно, под доспех могли надевать некий древний аналог свитера.

В современной реконструкции часто используется стеганный доспех, однако использование такой защиты русскими воинами X века весьма гипотетично.

Но, несмотря на отдельные сложности, в целом военно-историческая реконструкция довольно много дает для понимания целого ряда моментов древнерусской войны. Наложив данные, полученные в результате опытов с репликами оружия, на материал источников, мы сможем выстроить некоторую относительно целостную картину.

* * *

Где и как древнерусский воин учился своему мастерству? Прямого ответа на этот вопрос ни один источник не дает.

Не приходится сомневаться, что древний человек привыкал к оружию с детства. Общество Древней Руси и древней Скандинавии было почти поголовно вооружено. Оружие в том или ином виде (боевое или охотничье) было почти в каждой семье, и нередко приходилось пускать его в ход. Отцы и старшие братья всегда были готовы показать будущему участнику походов на Царьград азы ратной премудрости. Среди археологических находок в древнерусских городах встречаются и деревянные мечи, и маленькие детские луки.

Атмосфера возможной войны пронизывала всю жизнь Руси. Наши предки отнюдь не отличались какой-то особой кровожадностью, но взяться за оружие были готовы всегда — ради отражения врага или ради похода на соседей. Ведь в то время, если ты не шел войной на соседа, сосед рано или поздно собирался в поход на тебя...

Главной школой русского воина была, очевидно, непосредственно военная практика. Чем больше был военный опыт бойца, тем больше было и его ратное умение.

О каких-либо повседневных, регулярных тренировках нам известно не так уж и много. Однако понятие о регулярных физических упражнениях и их пользе для военного дела существовало. В «Саге о сыновьях Магнуса Голоногого» конунг-отец упрекает сына, проигравшего состязание в беге:

«Вы называете Харальда глупым, но мне кажется, что ты сам дурак. Ты не знаешь иноземных обычаев. Ты не знал, что у иноземцев в обычае закалять себя в разных искусствах, а не заниматься только тем, что напиваться до бесчувствия?»

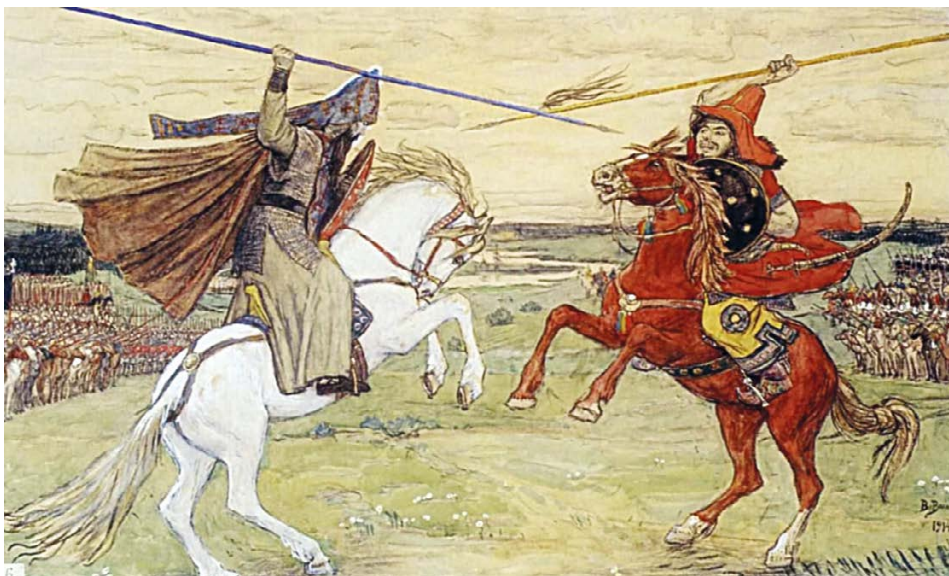
**Е. С. Сорокин.
Ян Усмовец,
удерживающий быка.
Эта картина 1849 г.
также создана
в традициях
академизма, однако
изображения воинов
на заднем плане уже
значительно более
реалистичны**

**А. И. Иванов.
Единоборство
Мстислава
Владимировича Удалого
с касожским князем
Редедей.**

На картине, созданной в 1812 г., Мстислав и Редедя, подобно греческим атлетам, сражаются полуобнаженными. Над поединщиками — крылатая богиня победы Ника

Отметим, что в данном случае интересна ссылка на «иноземный» обычай регулярных упражнений. Дело в том, что Харальд Гилли, о котором идет речь в этом отрывке, воспитывался в Ирландии, а из ирландского эпоса нам известно о существовании особых воинских школ. Боевое умение ирландцев было весьма формализованным — например, там существовали особые названия для раз-

Васнецов В. М.
Поединок Пересвета
с Челубеем.
 Знаменитый поединок на Куликовом поле, если он имел место в действительности, походил на классические рыцарские турнирные столкновения с использованием энергии мчащегося коня. Оружие бойцов — длинные кавалерийские копья-пики

личных ударов. В Скандинавии такого обычая не было. Впрочем, разветвленная и сложная система боевой подготовки не мешала ирландцам терпеть в IX веке жестокие поражения от норвежских викингов...

Развитие силы, ловкости и боевого умения было, очевидно, делом сугубо индивидуальным. Тот, кто с детства системно работал над собой, мог стать выдающимся бойцом, чьи умения резко выделяли его среди окружающих.

Умения таких выдающихся людей саги описывают весьма подробно.

«Он рубил мечом обеими руками (т. е. мог рубить как правой, так и левой. — М. С.) и в то же время метал копья, если хотел. Он так быстро взмахивал мечом, что казалось, будто в воздухе три меча. Не было равных ему в стрельбе из лука, он всегда попадал без промаха в цель. Он мог подпрыгнуть в полном вооружении больше чем на высоту своего роста и прыгал назад не хуже, чем вперед...» Так «Сага о Ньяле» описывает Гуннара из Хлидаренди, одного из лучших воинов Исландии.

* * *

Древний воин Руси и Скандинавии мог проявить свои боевые навыки в двух случаях: в индивидуальном поединке и, значительно чаще, — в строевом бою.

Отметим, что по письменным источникам нам почти ничего не известно о древнерусских поединках с оружием. Пожалуй, самый знаменитый подобный эпизод — это бой Пересвета с Челубеем перед началом Куликовской битвы. Насколько мы знаем по позднему и, подчеркнем, литературному описанию этого поединка, это был классический бой всадников, вооруженных длинными

Поединок двух воинов, вооруженных оружием ближнего боя. Авторы реконструкции костюма и вооружения С. Мишанин и Д. Добролинский (Санкт-Петербург). Выбросив вперед щит, боец с топором защищается от удара меча и сам готовится нанести встречный удар

кавалерийскими копьями, и в этом бою был применен основной прием тяжеловооруженных конных копейщиков — таранный удар.

В древности, казалось бы, поединки должны были происходить чаще — ведь поединок был архаическим обычаем, уходящим корнями в глубину веков. «Повесть временных лет» содержит два ярких эпизода с поединками, и в обоих случаях оружие не применялось!

Первый из двух летописных поединков относится к 992 г. Едва Владимир Святославич вернулся из похода на хорватов, по левобережью Днепра к границам Киевской земли подступила орда печенегов. Войны с этим народом отравляли все царствование князя-крестителя Руси; вспомним, что и его отец Святослав погиб именно от

рук печенегов. Владимир выступил против врага и встретил степняков у брода на реке Трубеж.

Переправа — всегда самое опасное для войска место на любой войне и в любое время. И некоторое время ни одна из сторон не решалась атаковать противника. Наконец к переправе подъехал печенежский хан, вызвал Владимира и предложил решить дело поединком:

— Выпусти ты своего мужа бороться, а я своего, если твой муж ударит моим, да не воюем за три лета, если наш муж ударит, да воюем за три лета!

Последующий рассказ о поединке содержит много характерных сказочных мотивов. Владимир возвратился в лагерь и принялся искать «мужа», подходящего для боя с печенежским богатырем. Поиск ни к чему не привел, а уже настало утро, и печенеги уже выставили своего бойца. Тут киевский князь впал в уныние: «поча тужити».

Как и положено по законам сказки, появился «спаситель». Им оказался некий старый воин, который сказал Владимиру: «Есть у меня один сын младший дома, а я с четырьмя вышел, а он дома. С детства им никто не ударил. Один раз я его ругал, а он мял кожу, и разгневался на меня, и разорвал кожу руками». Князь, услышав этот рассказ, обрадовался и сразу же послал за юношей.

Не правда ли, знакомый сюжет? Младшего сына не взяли на войну, он сидит дома, между тем он-то как раз и оказывается впоследствии героем!

Юношу-кожемяку доставили в русский лагерь и привели к Владимиру. Князь изложил поединщику суть дела. Тот сказал, что не уверен в своей способности победить печенежского богатыря и просил его испытать — «нету ли быка велика и сильна?» Бык нашелся. Владимир велел «раздражить» зверя каленым железом, обожженного быка выпустили, и, когда он побежал мимо юноши, тот схватил быка рукой за бок и вырвал кожу с мясом, сколь рука захватила. «Можешися с ним бороти!» — сказал довольный князь...

Наутро печенеги закричали через реку:

«Нет ли мужа? Се наш доспел!»

И вот два войска сошлись. Назначенные для поединка бойцы выступили вперед. Печенежский богатырь был велик ростом и страшен с виду. Боец Владимира телосложения был среднего, увидев это, степняк рассмеялся. Между полками разметили место и выпустили поединщиков. В начавшейся борьбе русский юноша руками смог удавить печенега до смерти.

Это был несомненный знак — высшие силы (не важно — Бог ли это христиан, или, например, древний покровитель славянских воинов Перун) благоволят русскому войску. Гибель поединщика деморализовала супостатов. Прозвучал боевой клич, и печенеги побежали. Киевляне преследовали их и прогнали далеко в степь. А у брода через Трубеж Владимир повелел заложить город Переяславль — «зане перея славу отрок тот».

Второй знаменитый летописный поединок случился в 1022 г.

Сын Владимира Святого князь Мстислав вел войну с касогами, предками черкесов. Против него выступил с войском касожский князь Редедя. Когда полки выстроились друг против друга и изготовились к сражению, Редедя предложил Мстиславу решить дело поединком: «Чего ради губить дружину? Сойдемся сами бороться! Если ты одолеешь, возьмешь именье мое, и жену мою, и детей моих, и землю мою, если я одолею, то возьму все твое!»

Противники договорились биться без оружия — «не оружием ся бьем, но борьбою». Началась схватка. Бой для Мстислава оказался тяжелым, Редедя был «велик и силен», князь стал изнемогать. Тогда Мстислав решил прибегнуть к заступничеству Богоматери, пообещав в случае победы поставить церковь во имя ее.

Мстислав победил в борьбе Редедю, зарезал его ножом «перед полками касожскими» и, в соответствии с уговором, взял жену и детей противника, а на касогов возложил дань.

В обоих случаях в поединке сходятся воины разных народов, однако язык ритуального поединка универсален и понятен всем. Это была общепонятная знаковая система — как, собственно, и любое сражение.

В Скандинавии дело обстояло несколько иначе — о поединках древних норвежцев и исландцев мы знаем значительно больше. У наших северных соседей поединок мог быть формой решения судебного спора*, и нередко та сторона, которая по каким-то причинам не чувствовала себя готовой к бою, соглашалась на мировую на условиях противника. В сагах встречается и трафаретная ситуация с участием берсерков (воинов, умеющих впадать в боевое безумие) и разбойников, которые ездят по округе и вызывают мирных бондов на поединки, требуя в обмен на жизнь материальные ценности и женщин.

Поединок скандинавов происходил по определенным правилам. Важным условием была очередность наносимых ударов — перехватывать инициативу у противника в ритуальном поединке было нельзя.

С ритуальным поединком не следует смешивать бой один на один, который часто встречается в сагах — в ситуациях, когда, например, один персонаж подвергся нападению другого. Здесь не было никаких условий и никаких ограничений. Кроме того, численность отрядов исландских бондов, по каким-либо причинам напавших друг на друга, была настолько мала, что бой иногда просто распадался на ряд отдельных поединков, в которых участники могли проявить свое индивидуальное мастерство владения оружием. Описания таких столкновений наиболее важны как источник для изучения приемов боя.

* Практика судебных поединков существовала и на Руси, она известна по законодательным памятникам и сохранялась до XV века. Но подробных описаний состоявшихся судебных поединков у нас, в отличие от исландцев, не сохранилось.

Чаще всего соотношение оружия в бою один на один было примерно равным — оба бойца имели щит и меч либо топор. Иногда одна из сторон использовала копье, в некоторых случаях в дело мог пойти и лук. Зная о родстве вооружения скандинавов и древнерусских воинов X столетия, мы вполне можем перенести скандинавские данные на русскую почву. Реконструкция оружия позволит нам привлечь к делу практический опыт. Получится примерно следующее.

Воин держал меч или топор в правой руке, щит — в левой руке перед собой. Существовало понятие о стойке — правильном положении тела бойца. «Стойка Стейнтора была хуже, — говорится в «Саге о Людях с Песчаного берега», — и он рисковал упасть, так как льдины под ним были не только скользкими, но и наклонными. Фрейстейн же в своих башмаках с шипами* стоял твердо и рубил часто и мощно. Но все же завершился поединок тем, что Стейнтор нашел у Фрейстейна незащищенное место выше бедер и разрубил его ударом меча надвое».

* Имеются в виду кованые ледоходные шипы, которые прикреплялись на башмаки. Такие шипы часто находят и в древнерусских могильниках. Существовали также особые шипы для лошадей.

Стойка бойца, вооруженного щитом и мечом. Здесь и далее в этой главе реконструкции М. Савинова и Е. Алексеева

Воин прикрывает голову щитом от удара меча, стараясь не закрыть себе обзор. Одновременно с защитой меч в правой руке выносится для удара

Стойка, по-видимому, была такой — воин стоял к противнику в поворота на слегка согнутых ногах, прикрывая щитом большую часть тела (за исключением головы и ног ниже колена). О больших щитах русов, закрывающих тело до ног, пишет византийский историк Лев Диакон, нередко из этого делают вывод, что щиты русских воинов имели удлиненную форму. Однако при описанной нами стойке хорошо известный и на Руси и в Скандинавии круглый кулачный щит диаметром около 90 см вполне справится с этой задачей.

Из такой стойки воин мог достаточно быстро перемещаться вперед, назад и в стороны. При перемещениях важно было не запнуться ногой о другую ногу — это могло привести к потере устойчивости.

Прикрываясь щитом от ударов врага, воин старался не перекрыть себе обзор краем щита, чтобы не потерять контроля за действиями противника. Правой рукой воин рубил, вкладывая в удары работу всего тела.

Рубящие удары мечом и топором наносились с большой амплитудой и огромной силой. Саги пестрят упоминанием отрубленных рук, ног, голов или разрубленных надвое тел. Нанося удары, воин

старался не отводить щит слишком далеко вбок, чтобы не открыть противнику «незащищенное место».

В поединке один на один едва ли не самым уязвимым местом воина оказывались ноги. Круглые щиты были достаточно легкими, чтобы обеспечивать возможность маневрировать ими, однако их диаметр не позволял закрыть все тело сразу. Боец должен был угадывать направление удара врага и либо опускать щит вниз, либо точным движением убирать под щит ногу, в которую направлялся удар. Сделать это достаточно быстро удавалось далеко не всегда. Вот как описывает бой одна из исландских саг:

«Кольскегг рванулся к Колю, ударил его мечом так, что перерубил ему ногу в бедре и спросил:

— Ну как, попал я?

Коль сказал:

— Я поплатился за то, что не закрылся щитом.

И он стоял некоторое время на другой ноге и смотрел на обрубок своей ноги. Тогда Кольскегг сказал:

— Нечего смотреть. Так оно и есть, ноги нет.

Тут Коль упал мертвым на землю».

Некоторые персонажи саг, лишившись ноги в бою, делали себе деревянные протезы. Один из уважаемых норвежских хевдингов

При отражении удара используется плоскость щита и железный умбон. Археологи нередко находят умбоны щитов в жестоко изрубленном виде

*При работе в строю
воины не имеют
возможности
замахиваться назад
(за ними стоит второй,
а иногда и третий ряд
бойцов), мечи для
нанесения удара
выносятся вверх*

Чтобы избежать удара копьем, воин справа опускает щит вниз и убирает под него ногу

даже носил прозвище Деревянная Нога. Ногу ему отрубили в большой морской битве при Хаврсфьорде, во время войны Харальда Прекрасноволосого за объединение страны.

Отметим, что каролингский меч с его небольшой рукоятью и массивным навершием не предназначен для фехтования и не позволяет воину проделывать сложных движений кистью. И, насколько мы

Отклоня острие копья щитом, воин делает шаг вперед и получает возможность рубить копейщика мечом

- ▶ **Положение копья в момент броска. Расставшись с копьем, воин может использовать меч или топор**

- ▼ **Прикрываясь щитом, воин использует копье в качестве наступательного оружия, удерживая его в одной руке. Такое применение возможно только для относительно легких копий, впрочем, большинство раннесредневековых копий были невелики. В современной реконструкции копья снабжаются специальными защитными деталями из металла и кожи — для уменьшения риска травмы**

◀ При совместной работе воин со щитом прикрывает не только себя, но и стоящего за ним бойца-копейщика. Тот, в свою очередь, оказывается в этой паре главной ударной силой, нанося из-под прикрытия множество быстрых колющих ударов

▼ Зона поражения копья, даже относительно небольшого, значительно больше, чем у меча или топора. Именно поэтому умение хорошо владеть мечом было более престижным, а сам меч считался более почетным оружием. Нанося удар, боец старается не выдвигаться вперед из-за щита партнера

Бой с использованием мечей идет на близкой дистанции. Боец слева прикрывает щитом голову, стараясь не закрыть себе обзор

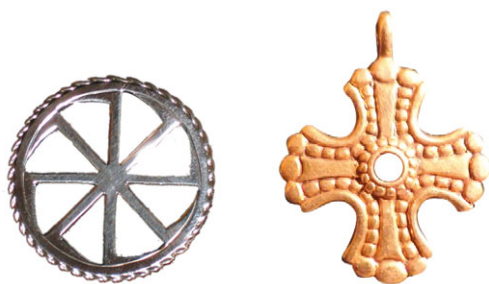
знаем по источникам, бой с одним мечом для древнерусского и скандинавского воина был аномалией. В «Саге о Торстейне Битом» говорится о затруднении, в которое попали герои-поединчики, изрубив друг другу щиты...

Так что финальная сцена из знаменитого голливудского фильма «Викинги», в которой герои сражаются «меч в меч», совершенно лишена исторической основы.

Впрочем, в особо сложных случаях в ход шло любое оружие — боевые ножи-скрамасаксы, обычные бытовые ножи. Когда бойцы по какой-либо причине оставались без оружия, доходило и до кулачных схваток. Описывая тяжелый бой между войсками Ярослава Владимировича и Святополка Окаянного, летописец отмечает, что бойцы хватили друг друга за руки...

В паре со щитом могло, по-видимому, использоваться и небольшое копьё. Современные правила фестивалей обычно запрещают удары копьём с одной руки — во избежание травм. Но в древности такая практика вполне могла быть. Более крупные и тяжелые копьё использовали с двух рук, и чаще всего — при поддержке бойцов со щитами.

Каждый свободный житель Руси мог столкнуться с необходимостью сразиться на поединке и, как правило, был к этому готов. Но главным местом применения ратных навыков для древнерусского воина был строевой бой. О нем и пойдет речь в следующем нашем рассказе.

НЕСОКРУШИМЫЙ СТРОЙ

Мы уже знакомы со «Стратегиконом» — трактатом императора Маврикия о военном деле. Как мы помним, описывая военную практику славян, он отмечал, что они не знают правильного строя и не умеют сражаться в организованных боевых порядках.

У самих византийцев традиции военного дела уходили корнями в античность, в те времена, когда тактика строя зародилась и была отточена до совершенства сначала греками, а потом римлянами.

Греческое боевое построение называлось «фаланга». Основой фаланги были тяжеловооруженные пешие воины-гоплиты, сражавшиеся копьями и особыми мечами — ксифосами и махайрами. Оба вида греческих мечей годились и для рубки, и для колющих ударов. Круглый щит гоплитов был по размерам похож на древнерусский, но хват имел не кулачный, а локтевой.

Фаланга состояла из нескольких шеренг воинов, непрерывных по фронту. Это построение позволяло наращивать силы на нужных местах из глубины — имея резерв за передовыми шеренгами. С помощью такого усиления, сделанного на одном из флангов, выиграл сражение при Левктрах в начале IV века до нашей эры фиванский полководец Эпаминонд.

К концу того же столетия македонцы превратили классическую фалангу в еще более грозную боевую машину. На вооружение было взято очень длинное копье — сарисса, длина такого копья доходила у воинов шестого ряда фаланги до шести метров! Фронт македонской фаланги превратился в сплошную стену поражающих врага копейных наконечников — воины задних рядов могли наносить удары, не подвергаясь при этом непосредственной угрозе. Новшество позволило македонцам покорить другие греческие государства, а затем и весь Ближний и Средний Восток.

Минусом фаланги была ее негибкость — сплошной длинный строй оказывался неудобным на неровной местности. Эту проблему успешно решили римляне.

Строй римского легиона состоял из трех линий отдельных отрядов-манипул, располагавшихся в шахматном порядке. Промежутки между манипулами позволяли отрядам маневрировать — приходиться

друг другу на помощь или отступить при необходимости в промежутки следующей линии. Используя такое построение, римляне не только завоевали эллинистические* государства с их фалангами, но и весь мир от Британии до Ближнего Востока и Северной Африки...

Оружие римского легионера сильно отличалось от греческого. Римский щит — скутум был прямоугольным и удерживался кулаком воина. Римский прямой меч-гладиус был короче греческих клинков и позволял наносить более разнообразные, преимущественно колющие удары. В комплект оружия легионеров обязательно входило также короткое метательное копье-пилум.

Византийцы продолжали использовать античные традиции строевого боя. Конечно, армия их не оставалась неизменной — менялась ее организация, менялось и вооружение. Армия империи знала и победы, и поражения, но со своей главной задачей — обеспечением сохранности страны — справлялась успешно.

Славянам VI–VII веков правильный строй, в общем-то, и не требовался — они вели небольшие межплеменные войны, в крупные походы отправлялись редко. А необходимыми для маленьких войн и защиты от внешних вторжений навыками лесной войны славяне владели прекрасно.

Но Русь IX–X столетий вела уже иную войну, наступательную. Для больших походов было необходимо новое умение — сразиться с крупной армией в открытом бою на ровной местности. Для такого сражения был необходим строй.

Иностранные авторы, писавшие в своих трудах о русах этого времени, строевых сражений не упоминают. Пришли на суда, пограбили, отплыли (или пострадали в морском бою) — так описывают византийцы походы русских отрядов до середины X в. Не упоминают какого-либо русского строя и арабы, однако именно из арабских источников мы знаем ситуацию, в которой русы непременно должны были сражаться именно строем. Речь идет о боях за город Бердаа в 943–944 гг. Летопись этого похода не знает, но арабские авторы запомнили эту эпопею русов хорошо и описали ее весьма подробно.

В 332 г. хиджры (943–944 гг.) большой отряд русов поднялся по реке Куре и напал на богатый город Бердаа, расположенный недалеко от границ Армении и Грузии. Правил этой областью арабский наместник Марзубан ибн Мухаммед, который в это время воевал в Сирии. Его заместитель попытался организовать оборону города и в дополнение к небольшим регулярным силам собрал пятитысячное войско из ополченцев. Для жителей Бердаа русы были противником новым, незнакомым, и, по словам Ибн Мискавейха, защитники города пренебрежительно отнеслись к незванным гостям, между тем недооценивать противника не следовало:

* Эллинистические государства возникли после распада империи Александра Македонского.

«Народ этот могущественный, телосложение у них крупное, мужество большое, не знают они бегства, не убегают никто из них, пока не убьет или не будет убит...»

В начавшейся битве русы обратили в бегство регулярное войско, затем побежали ополченцы и, наконец, горожане — все, у кого были вьючные животные. Русы, разогнав защитников, спокойно заняли город. Обратим внимание на то, что никакого штурма или осады не было. Осада крепостей для русского войска того времени представляла серьезную проблему — ведь в отличие от тех же римлян или византийцев русы не знали сложной осадной техники — метательных орудий, штурмовых лестниц, осадных башен...

Тут подоспел и правитель Марзубан с большим войском — весть о бедствиях в Бердаа разнеслась по всему Закавказью. Но и Марзубану ничего не удалось сделать с русами — каждый раз, когда он пытался выбить из города врагов, его воины не выдерживали боя и бежали прочь.

День за днем терпел Марзубан поражения от русов и, наконец, решил применить хитрость — устроить засаду и завлечь в нее противника притворным отступлением. Но и хитрость едва не закончилась провалом — войско побежало от русов по-настоящему, и правителю стоило больших трудов заставить воинов повернуть и сражаться. Все же ловушка сыграла свою роль, и русы понесли в этом бою большие потери.

В этих сражениях русское войско должно было сражаться в строю, который, вероятно, во многом и обеспечивал победу. Но никаких подробностей на этот счет восточные писатели не сообщают.

Русские воины штурмуют болгарскую крепость. Миниатюра из «Хроники Иоанна Скилицы». XI в. Как и Лев Диакон, Скилица подробно описал войну Святослава с Византией, причем в некоторых деталях этот хронист расходится с рассказами Льва Диакона. На миниатюре русы используют классическую осадную технику, известную в Византии с античных времен — метательные орудия и длинные лестницы. В действительности русское войско X в. полноценного парка осадных машин не имело. В то же время короткие сложносоставные луки, которыми пользовались русские воины, показаны на миниатюре весьма реалистично

Штурм крепости на военно-историческом фестивале. В данном случае нападающие разобрали часть стены с помощью веревок. Сделать это с реальной крепостью X в. было бы гораздо труднее... Фестиваль «Русборг-2013» (Липецкая обл.). Фото автора

Более подробно описывают русский строй времен Святослава византийцы:

«Тавроскифы плотно сомкнули щиты и копья, придав своим рядам вид стены, и ожидали противника на поле битвы...» — пишет Лев Диакон о боевом порядке русских воинов.

При воссоздании конкретных приемов строевого боя нам вновь помогает историческая реконструкция. Правда, относительно небольшое число участников сражений не дает возможности изобразить полностью древние боевые порядки. В современных боях-

реконструкциях почти исключен, например, принцип наращивания сил из глубины, известный древним военачальникам со времен античности. Ограниченно применяется метательное оружие, от которого древнее войско нередко несло большой урон еще до того, как начинался ближний бой.

В качестве сюжетов для клубных знамен большинство объединений реконструкторов используют древние изображения или элементы орнамента. Форма знамен (сектор круга с выступами) восходит в большинстве случаев к двум источникам — сохранившемуся готландскому латунному флюгеру из Челлунге и рисунку стяга на древнерусской геральдической привеске времен князя Игоря.

Знамена древних предводителей дружин могли иметь свои имена. В бою их защищали отборные воины. Описан случай, когда знаменосец проигравшего войска, сняв знамя с древка, спрятал его под своей одеждой и таким образом спас от захвата противником.

Основа древнерусского строя — пехотинец, вооруженный мечом, топором или копьем и защищенный круглым щитом. Щит требует места для маневра, поэтому строй, скорее всего, не был слишком плотным. В то же время строй не должен растягиваться — слишком большой проем между бойцами не дает им возможности защищать друг друга и тех, кто стоит за ними. Смелый и опытный враг может вклиниться в такой проем, разрушить боевой порядок, а это уже чревато деморализацией и бегством, особенно если в бою участвуют, например, малоподготовленные ополченцы.

Знамя современного клуба исторической реконструкции (клуб «Гости», Санкт-Петербург). Автор знамени Г. Тихомиров

Отряд выдвигается на позицию, но еще не разворачивается в строй. Фестиваль «Русборг-2013» (Липецкая обл.). Фото автора

По мере приближения к противнику отряд разворачивается из колонны в шеренгу. Фестиваль «Исаборг-2009» (Старый Изборск). Фото автора

Сражение всегда начиналось с применения метательного оружия. Первым вступал в дело лук. В строевой битве попасть во врага не так сложно, и если концентрация луков на одной из сторон оказывалась значительной, другая сторона несла тяжелые потери еще до начала строевой схватки. Широко известны битвы Столетней войны, выигранные англичанами именно с помощью массированного обстрела вражеских боевых порядков. Тут спасение только одно — прикрыться щитами и быстро наступать, не давая противнику воз-

Строй далеко не всегда представляет собой прямую линию. На фото дальний край боевого порядка уже сражается, ближний продолжает сближаться. Видны топоры бойцов первого ряда, вынесенные отвесно вверх. Фестиваль «Первая столица Руси» (Старая Ладога). Фото Д. Тихомирова

возможности расстреливать наше войско с большой дистанции. А эффективно воевать против чрезвычайно мобильных стрелков Степи вообще было невозможно до появления собственных конных отрядов, вооруженных таким же оружием. Но о древнерусском луке (а он восходит именно к степным образцам) мы подробно поговорим в следующей главе.

При сближении боевых порядков до расстояния в пару десятков шагов в ход шли сулицы, а иногда и легкие копья. Технически бросок сулицы или копья выглядит следующим образом. Воин удерживал копье за древко примерно в районе центра тяжести и посылал копье в цель, направляя его не прямо вперед, а несколько вверх — чтобы задать оптимальную траекторию полета, которая обеспечивала бы наибольшую дальность броска. Опытный боец мог метнуть копье на значительное расстояние.

При столкновении основных порядков главный удар принимает на себя первый ряд. Воины прикрываются щитами и наносят удары мечами или топорами, не размахиваясь при этом далеко назад — иначе можно случайно поразить своего же бойца, стоящего в следующем ряду. Они выносят оружие почти вертикально вверх и рубят врага в область головы и плеч, стараясь удерживать в поле зрения одновременно нескольких противников и поражать того, кто первым покажет «незащищенное место». В то же время воины следят за

Воины одного клуба выделяются в общей строю благодаря единой эмблеме на щитах. Клуб «Черный Ворон» (Санкт-Петербург) на фестивале в польском городе Волин

Англосаксонские лучники на фестивале, воспроизводящем битву при Гастингсе 1066 г. Автор фото С. Кашин-Свешников. Европейские луки были простыми по конструкции и представляли собой обработанные ветви тиса или орешника. Такие же луки использовали норвежские и датские викинги. На современных фестивалях при стрельбе из лука используют стрелы со специальными мягкими наконечниками — чтобы избежать травм

*Строй русских пеших
воинов. X в. Края щитов
слегка заходят друг
за друга*

своими соседями справа и слева, которым тоже надо оказывать помощь в случае необходимости.

Представим себе этот бой. С грохотом сталкиваются щиты. Удары оружия, боевой клич и крики раненых сливаются в единый шум битвы...

Строевой бой требует от бойца молниеносной реакции. Схватка происходит быстро, участь сражающегося решают два-три взмаха меча или укола копья.

Копье в строю использовали для нанесения колющих ударов. В некоторых случаях копьем, по-видимому, можно было и рубить, однако для этого подходили только копья с длинными и широкими наконечниками, имевшими протяженные боковые поверхности. «Сага об Эгиле» так описывает подобный бой: «Торольв так разъярился, что забросил щит за спину и взял копье обеими руками. Он бросился вперед и рубил и колол врагов направо и налево...» Но в данном случае героя опять же никто не стеснял (он выбежал из строя), и он имел возможность сделать большой замах для нанесения рубящего удара. В условиях строя копьем можно только колоть.

Воин-копейщик, как и боец первого ряда, работал не по одному, а по нескольким противникам сразу, стремясь поразить первое же открывшееся место и, возможно, нанося обманные удары.

Полностью имитировать технику работы копьем в современной реконструкции нельзя. Колющие удары слишком травмоопасны, особенно при попадании в лицо. Между тем в древности именно такой удар оказывался наиболее результативным.

У древнегреческого автора Плутарха сохранилось интересное описание боя между армиями Юлия Цезаря и Гнея Помпея. В войске Помпея было много молодых, цветущих юношей, весьма дороживших своей привлекательной внешностью. И легионеры Цезаря, опытные бойцы, прошедшие суровую школу войны с кельтскими племенами Галлии и не боявшиеся ничего и никого, целились своими копьями именно в красивые лица помпеянцев. Те в ужасе отворачивались, бросали оружие, закрывались руками и бежали с поля боя. Победа, а с нею и власть над Римом, досталась Цезарю.

Из второго ряда можно было с успехом применять и широколезвийный топор на длинной рукояти. Во-первых, он хорошо подходил для нанесения мощных рубящих ударов, во-вторых, выступающий вперед угол лезвия мог использоваться для колющего удара в лицо врага.

При необходимости щиты воинов нескольких рядов могут образовывать полностью закрытую конструкцию (фотография сделана на военно-историческом фестивале в Старой Ладоге). Так можно защититься от летящих сверху стрел и легких копий

Боевые порядки противников сближаются. На дистанции около 2 м бойцы пускают в ход «длинномерное» оружие — копья и секиры. На представленной фотографии с каждой стороны участвуют по пять воинов, а сама схватка происходит на ограниченном пространстве. Такие бои входят в программу многих исторических фестивалей. Фотография сделана на турнире, организованном клубом «Ладога» (Санкт-Петербург)

В XI веке русское войско не только в совершенстве владеет строевым боем, но и с успехом применяет сложные, известные еще с античности тактические схемы. Князья-полководцы выигрывают сражения, ничуть не уступая в изобретательности знаменитым стратегам древности. И, пожалуй, самый яркий пример русского полководческого мастерства этого периода — это Липвенская битва.

После смерти крестителя Руси Владимира Святого в 1015 г. между его сыновьями вспыхнула война. Началось с того, что один из старших Владимировичей, Святополк, убил своих младших братьев Бориса и Глеба. Из Новгорода на Святополка выступил Ярослав, нанес брату поражение (тот как раз пировал со своей дружиной), и вынудил того бежать в Польшу к тестю, воинственному королю Болеславу Храброму. Святополк и Болеслав вернулись на Русь с большой армией и разбили войско новгородцев на реке Буг. Теперь уже Ярослав бросился бежать — на север, в Новгород. Он убежал бы еще дальше — за пределы Руси, в Швецию, но ему не позволили сами новгородцы во главе с посадником Константином.

Задача бойцов первого ряда — не только наносить удары, но и обеспечить прикрытие копейщикам. Фестиваль «Русборг-2013» (Липецкая обл.). Фото автора

Копье из второго ряда строя может работать как сверху вниз (это более травмоопасно), так и прямо вперед. Фестиваль «Русборг-2013» (Липецкая обл.). Фото автора

Ближний бой.
Исторический фестиваль «Былинный берег-2012» (Кимры).
Автор фотографии А. Колачинский.
 Число участников сражений на современных исторических фестивалях может достигать нескольких сотен с каждой стороны. Как правило, строй в ближнем бою как единый организм существует недолго, он быстро распадается на отдельные схватки, исход которых решает личное мастерство и тактическая смекалка бойцов. Нередко практикуются фланговые охваты и заходы в тыл противника

Ярослав вновь отправился на юг во главе войска. На сей раз Святополк использовал против брата уже не поляков (с ними он рассорился, а размещенных по русским городам воинов Болеслава приказал перебить), а печенегов. На реке Альте произошла жестокая битва, в которой победил Ярослав. Святополк бежал, во время этого бегства заболел и умер в страшных мучениях (по описанию «Повести временных лет»).

Мощный шум битвы складывается из ударов оружия по щитам и шлемам, столкновения щитов, клича воинов.
Фестиваль «Первая столица Руси» (Старая Ладога).
Фото Д. Тихомирова

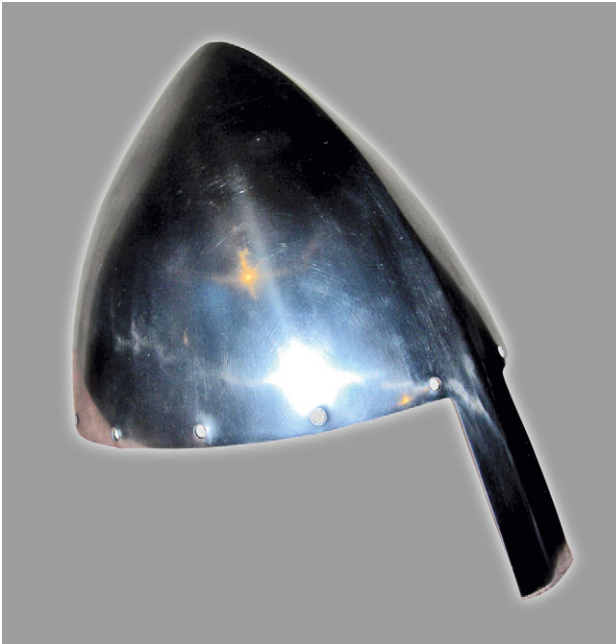
*Нередко столкновение длинных шеренг распадается на отдельные схватки небольших групп.
Фестиваль «Русборг-2013» (Липецкая обл.).
Фото автора*

Вот тут-то и подключился к войне уже известный нам Мстислав Тмутороканский. Мы помним, как в 1022 г. он одолел в поединке касожского князя Редедю и возложил дань на его народ. В следующем году Мстислав решил попытать счастья в борьбе за Киев.

Если Святополк в свое время опирался на печенегов, то главной силой Мстислава в его походе на Киев оказались, по словам летописца, хазары и касоги. С недавно подчиненными предками черке-

*В бою воин обязан отслеживать происходящее вокруг него со всех сторон.
Фестиваль «Русборг-2013» (Липецкая обл.).
Фото автора*

Конический шлем.
Начало XI в.
Автор реконструкции
А. Будилов.
Фото И. Курилова
Такой шлем мог носить
варяжский наемник
Ярослава. К этому
времени по всей Европе
распространился
конический шлем
с пластиной-
наносником. Такие
шлемы могли делаться
из одного куска
металла, что требовало
от кузнеца
значительного
искусства. Большинство
подобных шлемов
не имели украшений,
исключение составляют
чешский «шлем
св. Вацлава» и шлем,
найденный у с. Немия
в Карпатах

сов все ясно, а вот какие хазары воевали за Мстислава спустя много лет после гибели каганата — не вполне понятно. Очевидно, какая-то часть беженцев из низовьев Волги осела в Крыму.

Ярослав, одолев Святополка, не остался в Киеве. Неуютно ощущая себя на юге Руси, он продолжал жить в Новгороде. Там он находился и в момент появления под Киевом своего воинственного брата.

Занять Киев Мстиславу не удалось. Сама киевская община не приняла его, киевляне не захотели видеть Мстислава своим князем. Тогда правитель Тмуторокани отправился в недалекий Чернигов и обосновался там. Все эти события происходили в 1024 г. и в том же году Ярослав решил выбить брата из Чернигова.

На этом месте пора обратить внимание на то, что в развернувшейся на Руси династической войне каждый из старших Владимировичей использовал какую-то внешнюю военную силу. У Святополка это были сначала поляки, а затем печенеги. У Мстислава — черкесы и тмутороканские хазары. Ярослав же в борьбе за киевский стол опирался на варягов — скандинавских наемников.

Связи сидевшего в Новгороде Ярослава со скандинавским миром были прочными, как и у его отца Владимира, который в молодости также занимал новгородский стол. Не случайно именно этих двух князей хорошо запомнили сами скандинавы — под именами «Вальдимар» и «Ярицлейв» они упоминаются в нескольких королевских сагах — в тех эпизодах, где рассказывается о приключениях на Руси норвежских королей-миссионеров, Олава Трюггвасона и Олава Святого.

Варяжским корпусом Ярослава в 1024 г. командовал некий Якун — так летописец переименовал скандинавское имя «Хакон». Об этом вожде нам известны два факта — Якун был слеп, и у него был дорогой, затканый золотом плащ-луда. Об этой луде нам еще придется вспомнить, а пока обратимся к походу Ярослава на Чернигов.

Узнав о приближении Ярослава и варягов, Мстислав мобилизовал северянское ополчение Черниговской земли, взял свою испытанную во многих боях дружину и со всей этой силой выступил навстречу брату — к городу Листвену. Там и произошло сражение.

Мстислав начал расставлять свои войска уже с вечера:

«...и постави Север в чело противу Варягом, а сам ста с дружиною своею по крилома...»

Перед нами предельно точные военные термины, сохранившиеся в летописном рассказе. В данном случае «чело» — это середина

Плотный строй. Края щитов далеко заходят друг за друга. Автор фотографии М. Багаев. В таком плотном построении легче выдерживать силовой натиск противника, пытающегося продавить строй массой. Воины второго ряда наносят удары сверху, через сомкнутые щиты впереди стоящих бойцов

боевого порядка, а «крылья» — фланги. На флангах у Мстислава стояла его дружина — верные, опытные, могучие воины. Фланги были заведомо сильнее центра. Между тем Ярослав и Якун-Хакон как раз в центре поставили свою главную силу — варягов.

Ночью разразилась гроза, хлынул дождь. В самый темный и мрачный час Мстислав скомандовал дружинникам:

К числу тактических маневров, широко применяемых в современных реконструкциях сражений, относится фланговый охват. На фото одна группа бойцов пытается зайти в тыл противника, специальный отряд противоборствующей стороны мешает ей это сделать. Фестиваль «Русборг-2013» (Липецкая обл.). Фото автора

Войско на переднем плане фотографии пытается разрушить строй противника, воздействуя плотной концентрацией сил на ограниченном участке. Фестиваль «Первая столица Руси» (Старая Ладога). Фото Д. Тихомирова

— Пойдем на них!

Неизвестно, знал ли Мстислав о битве при Каннах. Но в бою против своего брата он использовал тактику, сходную с тактикой карфагенского полководца Ганнибала, окружившего в свое время римское войско с флангов.

Северян, по-видимому, было много. Варяжские наемники Ярослава превосходили их в ратном умении, но уступали численно. Скан-

Такое построение может обеспечить выживание изолированной группе воинов. Фестиваль «Первая столица Руси» (Старая Ладога). Фото Д. Тихомирова

Построение в форме клина. Автор фотографии Е. Несвитайло. С помощью такого построения можно проломить боевой порядок врага, после чего справиться с рассеянным войском будет значительно проще. На острие клина оказываются в таком случае самые опытные и сильные бойцы

динавские воины просто-напросто устали рубить ополченцев. «И трудишася Варязи, секуще север...» — писал летописец.

Сверкали молнии, грохотал гром. С темного неба на сражающихся обрушивались потоки воды. Более неудобные условия для битвы трудно себе представить. Но именно на это и рассчитывал Мстислав, уверенный в боевом духе своих дружинников, — врагу придется хуже.

Каким бы ни был итог фестивальных сражений, они всегда заканчиваются дружеским «братанием» участников. Фестиваль «Исаборг-2009» (Старый Изборск). Фото автора

Пехотный строй с миндалевидными щитами на английском фестивале, воспроизводящем битву при Гастингсе. Автор фотографии С. Кашин-Свешников.

Миндалевидные щиты появились к началу XI в. как атрибут конницы, однако, судя по изображениям на знаменитом ковре из Байе, их применяла и пехота. Такие щиты не были столь маневренны, как круглые, но эффективно прикрывали ноги воинов, не требуя дополнительных движений. Многие авторы трактуют слова Льва Диакона о больших щитах русов, закрывающих ноги, в том смысле, что у воинов Святослава на вооружении были именно миндалевидные щиты. Это, скорее всего, не так — такой тип щита появился несколько позже, а про форму щитов русов Лев Диакон ничего не сообщает

«И бысть сеча силна, яко посветяще молонья, блещеться оружье...» — так описывает Лиственскую битву «Повесть временных лет».

Тмутороканская дружина навалилась на варягов с флангов. Наемники оказались словно в железных клещах. Это было поражение.

Ярослав, как с ним уже бывало раньше, бежал. С ним вместе пустился наутек слепой вождь скандинавов. А роскошную золотую «луду» Якун бросил на поле боя под Лиственном...

Потери дружины Мстислава оказались невелики, и князь был очень рад этому обстоятельству. При свете следующего дня, осматривая поле сражения, предводитель черниговцев молвил: «Кто сему не рад: се лежит северянин, а се варяг, а дружина своя цела!» В самом деле: у князей не было четкой привязки к какому-либо месту, сегодня ты занимаешь стол в Тмуторокани, завтра в Чернигове, а послезавтра, быть может, тебе и в Киеве повезет... Община, в которой ты станешь предводителем, будет меняться, и единственное, что будет всегда с тобой — это твоя дружина.

Мстислав после битвы предложил старшему брату разделить Русь и сесть на киевском столе — «сяди в своем Киеве, ты еси старейший брат». Ярослав послал в Киев своих «мужей», но сам приехал на юг только через два года. Братья жили в мире и согласии, а в 1031 г. вместе совершили поход на Польшу.

Приключения некоего норманнского наемника на службе у «Ярицлейва конунга» отразились в одной из исландских саг об Олаве Святом. Правда, звали этого героя не Хакон, а Эймунд.

В рассказе о похождениях Эймунда и его дружины на службе у Ярослава русский князь предстает нерешительным человеком, которому мало что удалось бы сделать без помощи лихих варягов.

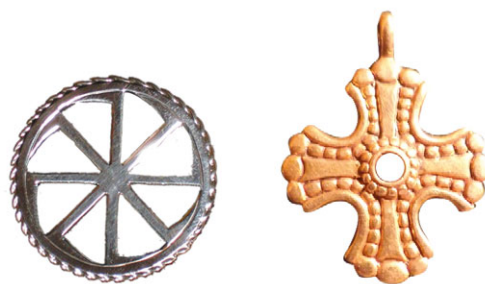
Князь посылает Эймунда на разные опасные задания, в частности, именно Эймунд убивает брата Ярослава, «Бурицлава» (здесь, по-видимому, причудливо наложились друг на друга истории Святополка и Бориса). В награду за свои подвиги Эймунд получил в управление город Полоцк с прилегающими землями.

Конечно, история Эймунда насыщена литературными штампами и сильно расходится с нашей летописью. Но она интересна как свидетельство прочных русско-скандинавских связей в области военного дела в начале XI в.

Строевое сражение продержалось до появления скорострельных винтовок, пулеметов и тяжелой артиллерии. Тогда строй уступил место стрелковой цепи.

Пехотный строй был основой раннего русского войска, не утратил он своего значения и впоследствии, особенно на Лесном Севере. А на юге, в ответ на вызовы времени, на первый план вышло умение сражаться верхом на коне. И следующий наш рассказ посвящен становлению древнерусской конницы.

РОЖДЕНИЕ КОННИЦЫ

Когда художники Нового времени изображают древнерусских воинов, взору зрителей обычно предстает всадник. Конный воин облачен в заостренный шлем, обязательно имеет доспех — кольчужный или чешуйчатый, на ногах его — сапоги...

Так же будут описывать богатырей наши былины — у героя всегда будет верный боевой конь, нередко этот конь будет иметь волшебные свойства. Единственное, пожалуй, исключение — новгородцы Садко и Василий Буслаев — эти выходцы из северного торгового города действовали исключительно на кораблях.

Для определенного периода такой портрет в целом верен. Но всадником русский воин был далеко не всегда.

Русское войско времен больших походов на Царьград — это своеобразная «морская пехота». Русы перемещаются на легких судах, а сражаются в пешеходных порядках на берегу. Но уже эти первые походы выявили необходимость освоения приемов конного боя.

Путь к богатствам Византии и Востока лежит через Северное Причерноморье, через степь, населенную воинственными кочевниками. Племена приднепровских славян платят дань хазарам, любая попытка утвердиться на Днестре — это конфликт с каганатом. Надо было учиться воевать степными методами.

И у славян, и у скандинавов коневодство существовало издревле. Но ни те, ни другие не сражались верхом — в первую очередь потому, что в этом не было нужды. В болотистых лесах, равно как и в скалистых фьордах, на коне много не навоеешь, в таких местах нужнее лодки и корабли.

Византийская империя и Хазарский каганат — вот те силы, с которыми вынуждено было считаться любое появившееся в нынешних южнорусских степях племя кочевников или какая-то иная сила, решившая вдруг что-то предпринять на просторах Причерноморья. Но византийцы никогда не устраивали больших военных экспедиций в Степь, они предпочитали действовать иначе — управлять политикой степных вождей с помощью даров. Хазары же обладали именно военной силой, способной наносить степным племенам большой урон в случае войны. Недаром предводитель русов, появившихся на

юге Восточной Европы, отправляя посольство ко двору императора Феофила в 839 г., повеличал себя каганом.

Об отношениях русов и хазар в IX веке почти ничего не известно. Принятие предводителем русов титула «хакан» иногда трактуют как претензию на главенство в Степи, но никакими показаниями источников подтвердить это мнение нельзя. Русь еще не была настолько сильна, чтобы эффективно воевать против хазар.

Для степной войны необходима конница. У хазар она была многочисленной и сильной. У русов, привыкших к морской войне на кораблях, конницы в те годы не было вовсе. Еще и в начале X века, как мы позже увидим, русские князья, когда стояла перед ними необходимость использования конного войска, обращались за подмогой к печенегам и венграм.

К концу IX столетия, с появлением на юге второй волны русов (первая — это те, кто разорял Сурож и Амастриду, а также Константинополь в 860 г.), положение стало меняться. Князь Олег стал отбирать данников у каганата. В начале X столетия корабли русов впервые появились на Каспийском море. Это появление без санкции хазар было невозможным. Значит, русы как-то договаривались с каганатом или, что менее вероятно, уже обладали достаточной силой, чтобы прорваться в Каспий без санкции кагана.

Как раз от первой половины X века сохранился очень интересный хазарский текст — письмо царя Иосифа, который, возможно, оказался последним каганом Хазарии.

...Жил в Кордове, в мусульманской Испании, богатый и знатный еврей Хасдай ибн Шафрут. Этот высокообразованный человек был

В. М. Васнецов. Битва скифов со славянами
Художник изобразил славянских воинов в защитном вооружении, применявшемся в XI–XIII веках — кольчугах и заостренных шлемах. Воины имеют миндалевидные щиты, типичные для всадников всей Европы. Но, конечно, русские всадники никак не могли пересечься во времени со скифами, жившими на тысячу с лишним лет раньше. Кстати, скифов художник показал очень точно: как раз на времена Васнецова пришлось первые масштабные раскопки скифских курганов

В. М. Васнецов.

Богатырь.

Комплекс вооружения богатыря на рисунке точно соответствует снаряжению русской поместной конницы XVI–XVII веков. Богатырь вооружен сложносоставным луком, булавой (она была не только оружием, но и знаком власти военачальника) и саблей с типичной поздней рукоятью. Шлем богатыря не имеет украшений, подобные шлемы могли носить и воины раннесредневековой Руси

советником кордовских Омейядов* — правящей династии страны ал-Андалус. Узнав, что где-то далеко на востоке обитает народ, исповедующий иудаизм, Хасдай отправил правителю этого народа письмо, в котором просил рассказать о государстве и обычаях хазар. И царь Иосиф вскоре прислал кордовскому сановнику подробный ответ.

В своем письме владыка хазар рассказал о происхождении своего народа, описал обстоятельства принятия хазарами иудейской религии. Писал Иосиф и о соседях каганата и в том числе, что нам особенно интересно, о русах.

Сообщение о русах сводится к следующему. Царь Иосиф, обитая у реки Атиль, не пускает приплывающих по ней русов проходить в Каспий. По словам кагана, если бы он оставил русов хоть на миг в покое, «они уничтожили бы всю страну измаильтян (т. е. арабов. — М. С.) до Багдада...»

Конечно, это преувеличение — мы знаем, что как раз на время правления царя Иосифа приходится, например, экспедиция в Бердаа...

Но не только перспектива степной войны вынуждала русов осваивать конное дело. У византийцев конница тоже была развита. И первый случай, когда на страницах нашей Начальной летописи упоминается конное войско Руси, — это поход на Константинополь. Опи-

* Омейяды, некогда правившие всем Халифатом, обосновались в ал-Андалусе после того, как их отстранила от власти династия Аббасидов.

сывая поход Олега, летописец отмечает, что тот шел к Царьграду «на конех и на кораблех». Правда, далее в рассказе речь идет исключительно о морских действиях, так что возможно, что это упоминание коней просто механически переключало в повествование об Олеге из сообщений о более поздних походах Игоря и Святослава.

Эти рассказы рисуют применение конницы значительно подробнее.

Игорь, которого ничуть не обескуражила неудача первого похода (когда русский флот сильно пострадал от «греческого огня»), едва воротясь в Киев, затеял новую экспедицию на Царьград. На сей раз он решил подойти к делу более основательно:

«Игорь же совкупив вои многи: «Варяги, Русь и поляны, Словени, и кривичи, и тиверцы, и печенеги наа (нанял. — М. С.), и тали у них поя*, поиде на греки в лодьях и на коних, хотя мстити себе...»

Игорь, не ограничиваясь традиционным для Руси морским ополчением, подключает к походу печенегов. Он нанимает их для ведения боевых действий против Византии на суше, при этом использует типичную для того времени (да и не только для того) процедуру с заложниками. Правда, до боевого применения этой наемной конницы против греков дело так и не дошло — Игорь согласился взять дань, не доходя до стен столицы Византии, печенегам же «повеле воевати Болгарскую землю».

*Олег идет к Царьграду
на конях и на ладьях.
Миниатюра
Радзивилловской
летописи*

* «И тали у них поя» — «и заложников у них взял».

Тяжеловооруженный конный дружинник конца X в. Автор реконструкции С. Кашин-Свешников (Санкт-Петербург). Дружинник облачен в корпусной ламеллярный доспех и сфероконический шлем степного образца. Щит его пока такой же, как и у пехотинцев, — круглый

Следующий этап становления русской конницы — это походы Святослава. На страницах «Повести временных лет» описание этих походов начинается так:

«Князю Святославу возрастшу и возмужавшу, нача вои совокупляти многи и храбры, и легко ходя, аки пардус, войны многи творяше. Ходя, воз по себе не возяше, ни мяс варя, но потонку изрезав конину ли, зверину ли или говядину, на углех испек, ядяху, ни шатра имяше, но подклад послав, и седло в головах, такоже и прочие вои его вси...»

Войско русов в это время стало, по-видимому, значительно меньшим по размеру, но зато обрело большую мобильность. Эту новую черту русского войска летописец отмечает особо: «...и легко ходя, аки пардус». Перед нами очень подвижная армия — летописец не случайно сравнивает Святослава с «пардусом» — гепардом, самым быстрым зверем на земле. У Святослава нет отягощающего обоза, он не возит с собой даже шатров. В образе действий русского войска ясно прослеживаются обычаи степных кочевников — главного противника Южной Руси. По-видимому, воины Святослава уже приобрели и активно применяли навыки конного боя, что и помогло князю одолеть Хазарский каганат. Однако никаких подробностей о действиях русской конницы в войне с Хазарией наш летописец не сообщает.

Более подробно описывают русскую конницу византийские авторы. Но, по их данным, до совершенства русским всадникам еще очень

В. М. Васнецов. Витязь на распутье.

На этой картине былинный богатырь

облачен в доспехи поместной

конницы XVII в.

Снаряжение воина художник показал

с большой

достоверностью.

Любопытно, что

использование поздних реалий нисколько

не противоречит духу былин

— богатыри там нередко одеты

по моде XVIII столетия в одежду с карманами,

а Илья Муромец однажды обнаруживает

врага, осматривая горизонт в подзорную трубу!

В. М. Васнецов.
Богатыри.
 Виктор Михайлович Васнецов прекрасно знал русскую археологию — на уровне науки своего времени. Все детали облачения былинных героев на его картинах имеют четкие исторические прототипы, вот только к военному делу эти прототипы относятся далеко не всегда. Например, на сбруях боевых коней Добрыни Никитича и Ильи Муромца подвешены славянские и финские женские украшения — лунницы и шумящие привески. Вооружение Алеши Поповича примерно соответствует вооружению русского конного воина XVI–XVII веков, Ильи и Добрыни — XIII–XIV вв. На Добрыне — характерный шатровидный шлем византийского происхождения. Все богатыри обуты в высокие сапоги позднего типа из крашеной кожи. Есть в облике прославленных богатырей и раннесредневековые элементы. Например, наборные пояса на Илье и Алеше сходны с поясами русских дружинников X в.

далеко. Лев Диакон отмечал, что росы вообще не умеют сражаться верхом и не имеют конницы.

«...скифы к концу дня выехали из города верхом — они впервые появились тогда на конях. Они всегда прежде шли в бой в пешем строю, а ездить верхом и сражаться с врагами [на лошадях] не умели. Ромеи тотчас вооружились, вскочили на коней, схватили копья (они пользуются в битвах очень длинными копьями) и стремительно, грозной лавиной понеслись на врагов. Ромейские копья поражали [скифов], не умевших управлять лошадьми при помощи поводев. Они обратились в бегство и укрылись за стенами».

«Ромеев же одолевали стыд и злоба [при мысли о том], что они, побеждавшие оружием и мужеством всех противников, отступят как неопытные в битвах новички и потеряют в короткое время свою великую славу, потерпев поражение от народа, сражающегося в пешем строю и вовсе не умеющего ездить верхом...» — пишет этот автор в другом месте своей «Истории».

По сообщению Иоанна Скилицы, полноценная конница у русов все же имелась. Это были наемные печенеги и венгры, которых византийский историк называет турками. Но против тяжеловооруженных, закованных с ног до головы в доспехи всадников Цимисхия — катафрактариев — печенежская конница не устояла.

Получается, что, несмотря на отдельные успехи, русская конница в X веке еще только учится воевать. Основные военные традиции пока связаны с мореходством. Наши северные соседи — скандинавы тоже никогда не сражались верхом, хотя и прекрасно знали ко-

неводство. Лошадей использовали только как транспортное средство, но не для войны.

В следующем столетии русская конница уже может успешно противостоять степнякам. А к началу XII века русские князья, объединяя в нужный момент свои силы, начнут наносить половцам страшные поражения. И, хотя эти события уже лежат за временными рамками нашего рассказа, на конников этого периода следует взглянуть поближе.

Русская конница этого времени хорошо усвоила степные методы войны. Важным оружием русского всадника стал мощный лук, повторявший степные образцы.

Луки всего мира делятся на простые и составные, или сложные. Простой лук изготавливается из цельного куска дерева. Такой простой лук может быть усилен сухожилиями или накладками из рога — получится более мощный усиленный лук. Сложные луки (их называют также сложносоставными, или композитными) собираются из нескольких частей и также имеют дополнительное усиление.

Средневековая Западная Европа использовала в основном простой лук. Хорошо известен, например, «длинный лук» («лонгбоу») англичан длиной около двух метров. С таким луком воевал легендарный Робин Гуд. Простые луки делались из тиса или орешника, и, как показала находка снаряжения «ледяного человека», не претерпели существенных изменений со времен неолита.

В Азии, напротив, большее распространение получили композитные луки. Такой лук, короткий и вместе с тем мощный, давал

Эпизод битвы при Гастингсе. Фрагмент ковра из Байе. Многометровый вышитый ковер из Байе, созданный в XI в., — один из самых известных изобразительных источников своего времени. На полотне ковра изображены события, связанные с завоеванием Англии герцогом Нормандии Вильгельмом в 1066 г., в первую очередь — знаменитая битва при Гастингсе. Слева пешие англосаксонские воины, справа — конные норманны с миндалевидными щитами. Такие же щиты, удобные для всадников, бытовали в то время и на Руси

Эпизод битвы при Гастингсе. Фрагмент ковра из Байе. Атака норманнской кавалерии.

В этом эпизоде битвы англосаксы также показаны с миндалевидными щитами. Они стоят плотным строем, края их щитов наложены друг на друга. Главным оружием атакующих норманнов являются короткие копья, которые, возможно, применялись и как метательное оружие. Впоследствии копье европейского кавалериста удлинилось, его успешно использовали для нанесения знаменитых таранных ударов

возможность вести обстрел с коня (вспомним для сравнения короткие кавалерийские карабины и длинные пехотные ружья). По всей Великой Степи тюркские и монгольские племена применяли сложные луки похожей конструкции — из двух деревянных планок, рога и сухожилий. Степные лучники с древних времен использовали сложносоставной лук. В свободном состоянии плечи такого лука выгибались далеко вперед, ученые называют луки этого типа «рекурсивными».

Впрочем, кавалерийский лук далеко не всегда и не везде был коротким. В Японии, где развитие оружейного дела пошло своим особым путем, появился очень длинный многослойный асимметричный лук «юми», ставший основным оружием средневековых самураев.

По свидетельствам современников, степняки (в частности, древние тюрки) достигли в искусстве стрельбы из лука небывалых высот. Один арабский автор писал, что тюрк в дополнение к обычным глазам имеет еще два глаза на затылке и может стрелять на скаку во все стороны, не поворачивая головы...

Четыре глаза — это, конечно, гипербола, поэтическое преувеличение, но не подлежит сомнению, что именно лук и стрелы на протяжении тысячелетий были главным оружием степных воинов.

Древнерусский боевой лук, насколько мы знаем его по изображениям и археологическим находкам, был сложносоставным, близким по своей конструкции к степным образцам — венгерским, поволжским, уральским. Постепенно изменяясь и совершенствуясь, он благополучно дожил до XVII века в арсенале поместной конницы. В то же время на Руси, несомненно, бытовали и простые луки — в качестве охотничьего оружия. Известные нам из раскопок древнерусских городов маленькие детские луки тоже сделаны из одного куска дерева.

Простой охотничий лук (точнее, его фрагмент) встречен в самых древних слоях Старой Ладogi, относящихся к VIII столетию. Это заостренный кусок еловой ветви, на конце которого имеется зарубка для крепления тетивы. Общая длина этого лука была, вероятно, около 130–140 см. Этот лук близок по своим размерам и материалу к поздним охотничьим лукам финно-угорских народов. Такие луки охотники применяли не только сами по себе, но и как часть некоторых типов ловушек-самоловов.

Ранние сложные луки древнерусских воинов дошли до нас только в виде отдельных фрагментов. Обычно от них сохраняются костяные накладки, которыми отделялась рукоять лука. Такие накладки известны, например, из Тимеревского могильника.

Самая важная для изучения древнерусского лука археологическая находка была сделана в Новгороде. Там был обнаружен хорошо сохранившийся фрагмент сложносоставного лука начала XIII века, давший ученым немало ценнейшей информации о луках Древней Руси.

Новгородский лук был собран из двух планок — березовой и можжевеловой. Вдоль спинки лука были наложены сухожилия. Затем весь лук был оклеен проваренной берестой.

Тетивы древнерусских луков делались из льна, пеньки или шелка, могли использоваться и сухожилия животных. Тетиву на лук ставили непосредственно перед боем, на походе она хранилась в особом стяжном кармашке на чехле лука.

Стрелы древнерусских воинов доходили в длину примерно до 80–90 см. Древки стрел делали следующим образом. Заготовку из хвойного дерева аккуратно раскалывали на планки. Затем из этих планок выстругивались стрелы таким образом, чтобы древко получилось не цилиндрическим, а сигарообразным — чуть более тонким

Наконечники древнерусских стрел. Автор реконструкции П. Жигулин.

Наконечники древнерусских стрел чрезвычайно разнообразны. Большинство их имеет ромбовидную форму, но встречаются и ланцетовидные, и расширяющиеся, похожие на заточенную лопаточку срезни (это типичные охотничьи наконечники), и наконечники с отходящими назад шипами, как у гарпунов, и трехгранные бронзобойные... Наконечник крепился на древке стрелы с помощью тонкого черешка. Большинство наконечников — железные, однако на древнерусских поселениях часто находят и костяные стрелы, которые по форме примерно соответствуют металлическим

«Битва новгородцев с суздальцами». Икона XV в. Хорошо видны всадники, вооруженные сложносоставными рекурсивными луками

к концам и чуть потолще в середине. Такая форма помогала стреле преодолевать сопротивление воздуха. Для стабилизации в полете стрелу снабжали оперением (обычно использовали плотное, упругое перо водоплавающих птиц). На оперенном конце стрелы прорезали ушко для тетивы лука, на противоположном крепился наконечник.

Стрелы хранились в колчанах, которые закреплялись на боку воина. Поздние плоские колчаны времен Ивана Грозного и первых ца-

Норманнская кавалерия на военно-историческом фестивале, воспроизводящем битву при Гастингсе. Автор фото С. Кашин-Свешников. Конники XI в. использовали большие миндалевидные щиты, прикрывавшие ноги. Такие же щиты применялись в то время и на Руси. Именно с этого времени началось становление рыцарского щита в качестве главного элемента европейской геральдики — учения о гербах

рей из династии Романовых хорошо известны по сохранившимся экземплярам. Однако древнерусский футляр для стрел (в древнерусском языке он обычно именуется «тул») был совершенно иным.

В погребениях древнерусских воинов иногда сохраняются детали колчанов, позволяющие восстановить их конструкцию. Древнерусские колчаны X века позаимствованы, как и многое другое, у жителей Степи и по своей конструкции повторяют венгерские

Фестиваль в Англии, воспроизводящий битву при Гастингсе, — один из наиболее массовых по участию конницы среди средневековых фестивалей. На снимке: норманнские всадники с длинными копьями, которые в это время уже использовались для таранного удара. Автор фото С. Кашин-Свешников

И. Я. Билибин. Иван-царевич на распутье. Выдающийся иллюстратор русских сказок и былин И. Я. Билибин изобразил героя в снаряжении поместной конницы. Шлем царевича воспроизводит реальный шлем царя Михаила Федоровича, хранящийся в Оружейной палате Московского Кремля. Под ногами коня лежит протазан — парадное оружие дворцовой стражи и командиров московских стрелецких полков XVII в.

и поволжские образцы. Это были узкие, несколько расширяющиеся книзу футляры из кожи и дерева. Если сравнить колчаны IX–X веков с более ранними степными образцами, то можно убедиться, что форма их мало менялась на протяжении сотен лет.

С помощью кованых железных петель колчан крепился на специальную портупею. Стрелы в нем располагались оперением вниз, так что перья оказывались в широкой части колчана и меньше мялись и ломались.

Как и в предшествующее время, русский воин внимательно приглядывался к практике своих соседей со всех сторон. По всей Европе в это время распространился миндалевидный щит, придуманный

именно для всадников. Щит этот стал популярен и на Руси. Массовые для Европы конические шлемы были известны и у нас, причем встречаются экземпляры, украшенные в специфически русской манере. В русском войске увеличилось число сабель. Удлинились кавалерийские копыя.

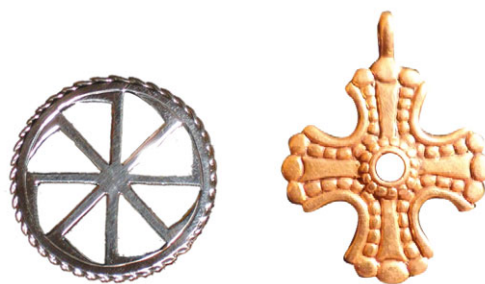
За исключением щитов, арсенал защитного вооружения менялся мало и состоял из шлемов, недлинных кольчуг и пластинчатых доспехов. Большинство шлемов по-прежнему имели степной облик.

Вот мы и познакомились с русским войском времен рождения нашей страны. Но рассказ о воинах-русах не будет полным, если мы не поговорим об их верованиях, не вспомним древних богов, которых призывали воины на помощь перед битвой.

В. М. Васнецов.
После побоища Игоря Святославича с половцами.
Антураж этой картины в целом соответствует XVI в., исключение составляют миндалевидные щиты, давно вышедшие к этому времени из употребления (но применявшиеся в эпоху «Слова о полку Игореве»!). Короткие рекурсивные луки не претерпели существенных изменений за сотни лет; оставаясь важным оружием русских всадников, они были и в войске Игоря. Сабля, просматривающаяся на картине, поздняя, с характерным расширением на конце клинка — елманью

В нашей стране конница на раннесредневековых фестивалях пока представлена не столь массово, как в Европе, однако она быстро развивается. Всадники на фестивале «Городецкое гульбище», 2010 г. Фото автора

БОГИ ПОБЕДЫ

Прежде чем обратиться к богам — покровителям русских воинов, необходимо сказать несколько слов о том, какую роль в жизни наших далеких предков играли ритуалы и традиции, делавшие их жизнь совершенно непохожей на нашу, современную.

Традиция — основа бытия любого древнего общества. По мере того как общество это усложняется, приобретает новые институты, новую религию (зачастую она вырастает в недрах самого этого общества), традиция начинает размываться. Дольше всего она сохраняется на самом низу — в сельских общинах, быстрее всего она исчезает в городах.

В современном обществе традиция размыта окончательно. Мы можем сами выбирать себе религию, профессию, место проживания, увлечения и т. п. А вот у древнего человека выбора не было.

Человек в современном западном мире — центр всего. Человек в традиционном обществе — далеко не самодостаточная часть чего-то большего.

Это что-то большее постоянно довлеет над человеком традиционного мира. Он член родственного коллектива — и в силу этого на него налагаются обязанности по отношению к родичам (самая серьезная из них — это кровная месть). Он потомок своих предков — и он обязан их помнить и чтить. Он часть мира людей — и он обязан выстраивать определенные отношения с миром богов.

Но из этих обязанностей логически следуют и права человека традиционного общества. Он член общины — значит, ему помогут и за него отомстят. Он знает и почитает предков — их авторитет поможет ему. Он приносит жертвы богам — боги могут выполнить желаемое...

Традиция в любом архаическом обществе (и в обществе древних славян в том числе) определяет все — от имени человека до его костюма и украшений. Надо поступать так, как поступали в таких случаях предки. А предки поступали так, как завещали боги. Завет богов существует в обществе людей в форме мифа.

Деяния богов, описанные в мифах, образуют ту модель, которой древний человек следовал во всех своих поступках и занятиях. Когда он, человек, садится пировать — он повторяет пир богов. Он идет на

войну — и сражается так, как это делали боги в самых первых битвах мифологической Вселенной. Дом человека имеет прототип среди обиталищ богов...

Время мифов, время, в котором действовали боги, — это священное время древнего человека. С одной стороны, оно очень отдалено от времени людей. С другой стороны, оно всегда было где-то рядом, всегда текло параллельно человеческому времени. И несколько раз в году, в определенные дни, человек мог проникнуть в священное время, мог оказаться в нем. Такими днями были календарные праздники.

Праздники традиционного годового цикла по всему миру имеют одинаковый смысл. Они связаны с астрономическими датами, отмечающими положение Солнца в небе — равноденствиями и солнцестояниями. От равноденствий праздники иногда могут незначительно смещаться, а в христианское время древние праздники наложились на православный календарь и совпали с ближайшими церковными праздниками.

Все ритуалы праздников вместе — это так называемая календарная обрядность. Но в традиционном обществе человека сопровождала и другая система ритуалов — обрядность жизненного цикла. Определенные ритуалы всегда сопровождали рождение человека. Другая группа обрядов жизненного цикла — это обряды свадебные, закладывающие основу благосостояния супружеской пары, направленные на успешное деторождение.

Есть и обряды инициации — вступления человека в тот или иной коллектив, или просто отмечающие его переход в иную возрастную

Г. И. Семирадский.
Тризна дружинников
Святослава
Художник изобразил обряд жертвоприношения по описанию Льва Диакона: «Они нагромоздили их (мертвецов. — М. С.) перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом, по обычаю предков, множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили несколько грудных младенцев, а также петухов, топя их в водах Истра...» Как и большинство авторов XIX в., Семирадский оказался неточен в деталях — один из дружинников (а может быть, и сам Святослав) облачен в чешуйчатый доспех, появившийся на Руси только в XIII столетии

Г. И. Семирадский.
Похороны знатного руса.
 Художник точно
 воспроизвел на своем
 панно описание похорон
 знатного руса,
 сделанное арабским
 путешественником Ибн
 Фадланом

группу. У многих архаических народов получили распространение тайные общества — например, мужские воинские союзы. Вступление в подобные замкнутые корпорации сопровождалось сложными ритуалами, символизирующими смерть прежнего человека и рождение нового.

Погребальная обрядность древних людей преследовала две цели — обеспечить умершему полноценное существование в загробном мире и затруднить ему возвращение в мир живых. Для первой цели в могилу помещали различные предметы — оружие, инструменты, посуду. Для второй — снимали с мертвеца пояс, повреждали его оружие (этим занимались, например, древние скандинавы).

Об инициациях в дружинной культуре X в. мы почти ничего не знаем, а вот погребальный обряд знатных русов нам известен хорошо. Во-первых, археологам хорошо знакомы дружинные курганы Гнездова, Чернигова, Киева, Тимерева. Во-вторых, есть красочные описания современников, вполне согласующиеся с археологией. Такое описание оставил, например, уже известный нам Ибн Фадлан, наблюдавший русов на Волге.

По словам секретаря арабского посольства, он, услышав много историй о странных для мусульманина погребальных обрядах русов, очень хотел увидеть эти обряды вживую; поэтому, когда стало известно, что умер один из вождей русов («главарь» — так можно перевести то слово, которым обозначил Ибн Фадлан этого знатного предводителя), автор «Записки» немедленно отправился на берег реки, где происходило все действие, и тщательно все задокументировал.

Любознательный путешественник дал очень обстоятельное и полное описание хорошо известного нам сожжения в ладье. Приготовления к похоронам «главаря» заняли десять дней, все это время тело покойного находилось во временной могиле. Были сшиты особые погребальные одежды, подготовлен хмельной напиток — «набид», одна из «девушек» — рабынь или наложниц покойного — вызвалась умереть вместе со своим господином. Эту девушку до самого дня похорон оберегали две служанки.

По завершении всех этих сложных приготовлений состоялся сам обряд. В корабль, вытасченный на берег, поместили умершего, обряженного в лучшие одежды, в числе которых был парчовый кафтан с золотыми пуговицами. Затем убили жертвенных животных — собаку, двух лошадей и двух коров, а также петуха и курицу. Наконец, после произнесения различных заклинаний и ритуального совокупления с несколькими «мужами» была убита девушка. Ключевую роль во всем обряде играла пожилая женщина — «ангел смерти». Ибн Фадлан так описывает ее: «Она руководит обшиванием его (покойника. — *М. С.*) и приготовлением его, и она убивает девушек. И я увидел, что она ведьма большая и толстая, мрачная». Затем корабль был сожжен, а над местом сожжения русы насыпали курган, на вершине которого поставили деревяшку с вырезанным на ней именем покойного.

В этом обряде много скандинавских черт, однако некоторые его детали (например, жертвоприношение петуха) имеют славянское происхождение. Рассказ Ибн Фадлана свидетельствует о том, что в русской дружинно-торговой среде сложились свои собственные обряды, родственные исходным скандинавским, но отнюдь не тождественные им.

Еще один воинский обряд, известный нам в деталях, связан с началом битвы. Осуществлял этот ритуал военный вождь, в нашем случае — князь. Это обычай метания копья «наудачу» во вражеское войско.

Практика такого ритуального броска была и в Скандинавии, и на Руси. Вот как описывает бой «Сага о Людях с Песчаного берега»:

«Когда отряд Снорри показался у подножия гряды, Стейнтор по древнему обычаю метнул наудачу копье в отряд противника. Оно пролетело над большинством людей Снорри, но все же нашло для себя подходящее место и попало в Мара, сына Халльварда, родича Снорри, и тот сразу сделался неспособен к бою.

Когда это доложили Снорри, он говорит так:

— Хорошо изведать на своей шкуре, что не всегда стоит идти последним...»

Здесь любопытна ссылка на «древний обычай». Она отнюдь не случайна. В «Повести временных лет» тоже есть похожий боевой эпизод:

Княгиня Ольга лично возглавила поход против давних недругов Киева — древлян, убивших отца Святослава, князя Игоря. Когда киевское войско и рать древлян встретились на поле боя, маленький князь метнул копье, которое упало под ноги его коня. Тогда воевода Свенельд и кормилец Святослава Асмуд сказали:

«Князь уже начал, потягнем, дружина, по князе!»

И древляне были разбиты.

Для современного человека это всего лишь красиво описанный, возможно, слегка комичный эпизод. Но для человека X столетия рассказ о маленьком Святославе имел глубокий смысл, так же как для читателя саги было важно описание броска Стейнтора.

Князь как предводитель войска был обязан лично начинать сражение. Святослав в летописном рассказе метнул не просто копье — его оружие, возможно, символизирует волшебное копье бога войны и победы Одина. В «Прорицании вельвы*», одной из самых знаменитых песен «Старшей Эдды», есть такие слова:

В войско метнул
Один копье,
Это тоже свершилось
В дни первой войны...

Итак, обычай метать копье во вражеское войско перед началом битвы на русской почве известен. Но сам одноглазый бог на восьминогом коне остался дома, в Скандинавии. Когда источники упоминают в том или ином контексте бога-покровителя русских воинов — это не Один. Таким богом-покровителем был Перун.

Как Перун выглядел — можно сказать лишь на основании рассказа летописца о капище в Киеве:

«И нача княжити Володимер в Киеве един, и постави кумиры на холму вне двора теремного: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь, и жряху им, наричающе я богы, и привожаху сыны своя и дщери, и жряху бесом, и оскверняху землю теребами своими...»

Всего в нескольких словах описал киевский летописец идол Перуна, однако ухватил самую характерную деталь его облика — усы.

Вот тут-то и становится ясным, почему носили длинные усы древнерусские князья X–XI вв. Язычники подражали Перуну — ведь именно Перун был богом-покровителем русской дружины. Именем Перу-

* Вельва — прорицательница, колдунья.

Бог Один. Миниатюра из средневековой исландской рукописи. Таким представляли исландцы бога войны и смерти, центральную фигуру северогерманского пантеона. На плечах Одина сидят вороны Хугин и Мунин («Мысль» и «Память»), которые сообщают ему тайное знание. В руке у Одина — похожее на посох копье Гунгнир, именно это копье представляли себе предводители войска, метавшие свое оружие во врага перед началом боя

на воины Святослава клялись при заключении договора с Византией: «Кляшася оружием своим, и Перуном, богом своим, и Волосом, скотьим богом...» Князья христианского времени носили усы по традиции — так было заведено их отцами и дедами, а традиция для древнего человека была во многих вопросах важнее религии.

Сразу обратим внимание, что в клятвах дружинников рядом с именем Перуна стоит имя Велеса, бога-покровителя торговли и богатства. Торговля — второе главное занятие русов. Но о Велесе у нас будет отдельный разговор, пока возвращаемся к Перуну.

Перун связан с громом и молнией, это так называемый бог-громовник. Молния — его символ и его оружие. В некоторых славянских

Молоточек Тора. Исландия, XI в. Автор реконструкции В. Качаев. Этот молоточек изготовлен уже в христианской Исландии. Хотя смысл его вполне языческий, а голова зверя на «рукояти» соответствует классическим стилям эпохи викингов, формой своей молоточек уже напоминает крест. Как известно, в Исландии христианство было принято в результате мирного соглашения на альтинге, поэтому именно исландцам мы обязаны сохранением скандинавских мифов

языках слово «перун» и означает молнию. У славянских народов в XIX веке существовало проклятие: «Чтоб тебя Перун убил!»

Гроза — одно из самых ярких, поражающих воображение явлений природы. Боги-громовники в том или ином виде есть почти у всех народов, и все они имеют общие черты. Греческий Зевс, индийский Индра, скандинавский Тор, древнегерманский Донар, балтский Перкунас — все это родственники нашего Перуна. О многих богах этого ряда известно намного больше, поэтому некоторые их черты (те, которые у всех богов повторяются) можно переносить, или, как говорят ученые, экстраполировать на верховное божество славян.

Культ Перуна очень древний. О почитании славянами бога-громовника писал еще в VI веке Прокопий Кесарийский:

«Ибо они считают, что один из богов — создатель молнии — именно он есть единый владыка всего, и ему приносят в жертву быков и всяких жертвенных животных».

С большинством высших богов в сознании древнего человека связывалось какое-

то животное. Культ животных — очень древний, он уходит корнями во времена тотемизма, когда животные считались предками тех или иных родов или племен.

Животное Перуна — это бык, а точнее — тур, вымершее (а точнее, истребленное человеком) европейское копытное. Последний тур погиб в XVII в. в Польше.

Тот факт, что тур был животным Перуна и в этом качестве почитался русскими дружинниками, красноречиво подтверждает археология. Нам уже хорошо известен самый знаменитый дружинный курган Руси — черниговская Черная Могила. В этом кургане были найдены обрядовые кубки-ритоны, сделанные из рогов тура. Рога были окованы золоченым латунным листом со сложным чеканным орнаментом.

...Ближайший к Перуну в географическом и культурно-историческом плане бог — это скандинавский Тор.

Тор — один из наиболее цельных и непротиворечивых образов скандинавской мифологии. Он грубоват, прост в общении, смел, решителен и физически очень силен. У него рыжая борода, он ездит на колеснице, запряженной двумя козлами. Как и все остальные боги-громовники, он — главная ударная сила светлых богов в борьбе с темными силами первобытного Хаоса. Воплощением этих сил в скандинавской мифологии были уродливые великаны, зловецкий

волк Фенрир, великанша Хель — она владеет душами мертвых, не попавших к Одину в Вальгаллу, и некоторые другие злые герои. С ними-то и сражался Тор.

Волшебное оружие Тора — молот Мьолльнир (обратим внимание на созвучие этого имени со словом «молния!»). Этот молот имеет только один небольшой недостаток — короткую рукоять (она получилась короткой потому, что карликам, делавшим молот, мешал вредный бог Локи). Этот молот Тор использовал как оружие дальнего боя — он без промаха метал его в супостатов, поразив цель, молот сам возвращался в руку хозяина.

Скандинавский Тор, как и Перун, сражался против сил Хаоса, защищая род людской. Мы очень мало знаем о враждебных существах славянской мифологии, более известны противники Тора — уродливые великаны, от которых он защищал Асгард. Как и у других богов-громовников (Тора, Зевса, Индры и т. п.), для борьбы с врагами у Перуна было волшебное оружие — топор. Обычай носить в качестве амулетов-оберегов миниатюрные атрибуты богов-защитников известен как в Древней Руси, так и в Скандинавии. У скандинавских племен популярны были так называемые «молоточки Тора» — железные, бронзовые или серебряные изображения молота Мьолльнира, которым Тор убивал великанов. На Руси тоже существовали привески-символы Перуна в виде топориков, украшенных маленькими кружками — символами Солнца. Интересно, что эти привески получили популярность уже в христианское время и носили их не взрослые воины, а мальчики и юноши.

Мифологические сюжеты по всему миру складывались схожим образом. Пара «бог-громовник — змееподобное чудовище» известна у очень многих народов. Например, Тор сражается с Мировым змеем Ермунгандом, который живет на дне океана. Когда наступит время последней битвы, в которой падут почти все боги (это светопреставление у скандинавов так и называлось — «Рагнарек», т. е. «Гибель богов»), Тор сразит Змея, но и сам погибнет, отравленный его ядом. Образ Святого Георгия, поражающего дракона, — тоже из этого ряда змееборцев.

Змееподобным оппонентом Перуна был Велес. Положение этого бога в мифологии славян очень сложно. Он представлялся в виде змея, сражался со светлым богом Перуном. Но в то же время Велес — покровитель богатства, торговли, его именем клянутся русские дружинники при заключении мира с Византией.

Сохранившихся изображений Велеса нет. Но известно, что они были.

Привеска-маска из клада, найденного в Гнездове при прокладке железной дороги в 1868 г. Предположительно, изображает бога Тора, каким его представляли древние скандинавы

Идол Велеса отразился в житийной литературе средневековой Руси. Все сообщения об этом идоле связаны с городом Ростовом, который, как мы помним, находился в глубине владений финнов-мери. В эпоху христианизации Руси с Велесом боролись ростовские святые — Леонтий и Авраамий.

Традиция помещать идол Велеса именно в Ростов сохранялась в русской средневековой литературе очень долгое время. Любопытную ошибку сделал в своем хронографе работавший в XVII столетии русский книжник — астраханский архиепископ Пахомий. Переписывая уже известное нам «Сказание о Словене и Русе», он писал:

«И, прочитав, повесили ее (грамоту Александра Македонского. — М. С.) по правую сторону идола Велеса во граде Ростове...»

Но «Сказание»-то новгородское, и никакого «града Ростова» в оригинале этой легенды нет! Значит, Пахомию были хорошо известны ростовские жития, и идол Велеса, в его представлении, мог стоять только в Ростове.

Но и в Новгороде, как и по всей Северной Руси, Велес был хорошо известен. Создается впечатление, что южнорусский культ Перуна оказался новгородцам если и не враждебен, то, во всяком случае, чужд. Летописец специально оговаривает установку идола Перуна в Новгороде дядей Владимира Добрыней, а позже, когда настанет эра крещения Руси, жители Новгорода без больших сожалений (не будем, однако, забывать, что мы знаем об этом из христианской летописи!) расстанутся с Перуном.

В киевском пантеоне Владимира Велес отсутствовал (правда, есть более позднее упоминание, что он стоял у берега, вблизи торговых причалов).

Главный способ связи древнего человека с богами — жертвоприношение.

Жертвоприношение — одна из первых ассоциаций, которые возникают в уме при слове «язычество». И действительно, для человека традиционного общества жертвоприношение было главным средством общения с миром высших сил.

Боги для человека языческой эпохи не были далеки и недоступны. Конечно, они были могущественны, они могли влиять на жизнь людей, нести смерть или удачу. И при этом боги во многом походили на людей — внешним обликом, поведением, характерами. Так же, как и люди, они влюблялись, ссорились, плели интриги и даже убивали друг друга. С богами можно было договариваться, и жертвоприношение как раз и представляло собою такой договор.

Жертва могла быть авансом — за какую-то помощь богов, или благодарностью — за помощь уже оказанную. О таком смысле жертвы у древних славян пишет Прокопий Кесарийский:

«Но когда смерть уже у них у ног, схвачены ли они болезнью или выступают на войну, они дают обет, если избегнут ее, сейчас же совершить богу жертву за свою жизнь; а избежав смерти, жертву-

ют, что пообещали, и думают, что этой-то жертвой купили себе спасение».

Мы уже упоминали жертвоприношения русов на острове Хортица перед началом похода к византийским берегам. С войной связан и один из драматических моментов утверждения на Руси христианской веры — гибель в Киеве варяга-христианина и его сына, которого отец отказался отдать богам в качестве благодарственной жертвы за удачный поход Владимира Святославича, бывшего в ту пору еще язычником...

В христианское время эта модель отношения с высшими силами никуда из сознания древнего человека не исчезла. В главе о поединках у нас уже упоминался бой Мстислава Владимировича с касожским князем Редедей. Рассказ об этом поединке в летописи содержит интересную деталь:

«Нача изнемагати Мстислав, бе бо велик и силен Редедя. И рече Мстислав: «О, пречистая Богородице, помози ми. Аще бо одолею сему, созижду церковь во имя твое!»

После этого Мстислав победил и, действительно, заложил церковь Святой Богородицы в Тмуторокани.

***В. М. Васнецов.
Олег и кудесник.
Кудесники
в дохристианской Руси,
да и после принятия
крещения, выступали
носителями тайного
знания, в первую
очередь — знания
о будущем. Именно
такого кудесника
вопросал о своей
судьбе вещей Олег***

...Итак, в связи с войной для нас важны Перун и Велес. Иные боги в контексте военного дела Руси не упоминаются ни в эпосе, ни на страницах летописи. Но представления древнего человека о мироустройстве отнюдь не исчерпывались культом богов. Настало время вспомнить русские дружинные предания о князе Олеге и поговорить о таком интересном и важном для древнего общества явлении, как предсказания будущего и колдовство.

Олег был в представлении летописца вещим, то есть обладателем тайного, недоступного обычным людям знания. Возможно, так было переосмыслено его скандинавское имя («Хельги», «священный»).

Конец вещего Олега, его «смерть от коня» знакома нам с детства по поэме А. С. Пушкина:

Из черной главы гробовая змея,
Шипя, между тем, выползала.
Как черная лента, вокруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

«Песнь о вещем Олеге» полностью основана на рассказе «Повести временных лет». Летописный Олег задавал вопросы о своей смерти волхвам и кудесникам. Узнав, что ему суждена смерть от коня, он распорядился отослать коня прочь и заботиться о нем. Впоследствии, вспомнив коня, Олег приехал проведать верное животное, но конь уже умер. Все же князь решил посмотреть на конские останки и при виде лошадиного черепа засмеялся и сказал:

«От сего ли лба ми смерть прияти?»

Но тут «выникнуша змиа изо лба, и уклюну и в ногу, и чрез то разболеся и умре». Любопытны свидетельства о местонахождении могилы Олега. «Повесть временных лет» никак не комментирует далее смерть этого князя, однако в Начальном своде, отразившемся в Новгородской Первой летописи, есть интересная заметка:

«Иде Олег к Новугороду и оттуда в Ладогу. Друзии же сказуютъ, яко идущю ему за морю, и уклюну змиа в ногу, и с того умре, есть могила его в Ладозе...»

Интересно, что в Скандинавии у нашего Олега был «двойник» — легендарный персонаж, умерший примерно таким же образом. Этого двойника звали Одд Стрела, и он стал героем одноименной исландской саги.

«Сага об Одде Стреле» относится к так называемым «Сагам о древних временах», то есть к произведениям, основанным на мифологических сюжетах. Ее главный герой — Одд, по прозвищу Стрела, совершил немало фантастических подвигов — он сражался по всей Европе, совершал походы в страну великанов, а одно время был даже правителем Руси.

Молодому Одду некая колдунья предсказала, что смертью его станет череп серого коня Факси. Тогда Одд и его друг Асмунд убили коня, а затем закопали и тщательно завалили конскую могилу

**В. М. Васнецов.
Прощание Олега
с конем.**

Летописный Олег, узнав, что его ждет смерть от коня, повелел отослать коня от себя и заботиться о нем. Скандинавский «двойник» Олега Одд Стрела в аналогичной ситуации убил коня и завалил его труп камнями. Однако ни тому, ни другому не удалось избежать своей судьбы

камнями — так же поступали в Древней Скандинавии с могилами колдунов. И все же это не помогло — когда Одд, после всех своих странствий, вернулся на родной хутор, он споткнулся о конский череп, и выскочившая оттуда змея ужалила его в ногу, отчего он и умер.

Ученые полагают, что предание о смерти Олега и история Одда изначально имели единую основу, и основа эта сложилась именно на Руси, в среде варяжских дружинников. Древнерусское предание позднее попало в Скандинавию и успешно там прижилось, а в XIII в. было записано в виде подробного рассказа. Условия для бытования этой легенды на Руси оказались, по-видимому, значительно худшими, и она дошла до нас в виде лишь небольшого летописного рассказа. Впрочем, северный вариант легенды, отразившийся в Новгородской Первой летописи, сохранил важный мотив — уход героя из Руси в Скандинавию.

Кудесник Олега не связан с военным делом, это просто человек, обладающий тайным знанием. Но наш былинный эпос сохранил интереснейшую историю о тайных знаниях дружинного предводителя. Возможно, в этой истории отразились какие-то следы древней боевой магии славян. Речь идет о былине «Волх Всеславьевич».

Большинство былинных богатырей побеждали врагов силой и доблестью, иногда применяя, впрочем, и некоторые военные хитрости. Но был среди наших храбрецов и силачей один удивительный по своим способностям герой. Этого богатыря звали Волх Всеславьевич. Он не был обделен ни силой, ни смелостью, но помогали ему

В. М. Васнецов.
Тризна по Олегу.
 Молодой князь Игорь
 со своей супругой
 Ольгой восседают
 на вершине
 погребального кургана
 Олега. В числе других
 источников
 поминального пира
 художник изобразил
 эпического певца
 с гуслями

в трудных ситуациях не эти качества, а его особое, исключительное среди былинных героев магическое умение. Волх Всеславьевич был оборотнем.

О Волхе Всеславьевиче рассказывает единственная былина, дошедшая до нас в сборнике Кирши Данилова — древнейшей записи русского героического эпоса. Пожалуй, именно в этой былине больше всего древних языческих мотивов. Связать ее с конкретным историческим сюжетом не получается, да и нужно ли это? Время былин — это волшебное время, оно существует вне времени реального мира, а герои былин живут и действуют по своим законам — древним законам мифа.

...Волх, волхв, волшба, волшебство — уже в самом имени этого богатыря слышится отзвук древней магии, тайного знания. Волхвы языческой Руси и были носителями этого тайного знания, в первую очередь — знания о будущем. Само имя нашего героя уже указывает на его магические способности. Кстати, очень немногие из наших богатырей носят древние славянские имена. Посмотрим теперь на отчество Волха. Он Всеславьевич, то есть сын некоего Всеслава. Нельзя ли использовать отчество богатыря как зацепку для поиска его исторического двойника?

Единственный знаменитый летописный герой, который носит имя Всеслав и может быть как-то связан с нашим богатырем — это князь Всеслав Полоцкий. Он приходился правнуком Владимиру Святому и враждовал с братьями Ярославичами, сыновьями Ярослава Мудрого. Некоторые источники приписывают Всеславу способность к оборотничеству, он носил прозвание Чародей.

Впрочем, какого бы Всеслава ни имела в виду былина, с первых ее строчек становится понятно, что к появлению на свет Волха этот Всеслав никакого отношения не имел:

По саду, по саду по зеленому
Ходила-гуляла молода княжна
Марфа Всеславьевна,
Она с камени скочила на лютого на змея —
Обвивается лютый змей
Около чебота зелен сафьян,
Около чулочика шелкова,
Хоботом бьет по белу стегну.
А в та поры княгиня... дитя родила.

Итак, Волх зачат от «лютого змея». В сознании древнего человека змей однозначно связывается с «нижним» мрачным миром чудовищ. Недаром одним из любимых русских святых сделался Георгий Победоносец, на которого благополучно перекочевали черты древнего светлого божества, победившего того же «лютого змея». Тот факт, что герой былины появился на свет столь необычным образом, уже готовил слушателей к тому, что у этого героя окажется чародейский дар.

Волх с младенчества готовится к ратному служению. Он обращается к своей матери с такими словами:

Пеленай меня, матушка,
В крепки латы булатные,
А на буйну голову клади злат шелом...

Малыш-богатырь просит у матери снаряжение знатного воина: стальной доспех был делом дорогим, и носили такой доспех большей частью княжеские дружинники и сами предводители древнерусских войск — князья и воеводы. Княжеским атрибутом был и золоченый шлем. Сверкающий на солнце, он был виден издалека и облегчал князю управление войском. Предводитель был хорошо виден своим воинам.

Подрастающего Волха мать учит читать и писать, а в десять лет у героя проявляются волшебные свойства. Он самостоятельно изучил три магические «мудрости»:

А и первой мудрости учился
Обвертываться ясным соколом,
Ко другой-та мудрости учился он, Волх,
Обвертываться серым волком,
Ко третьей-та мудрости учился Волх,
Обвертываться гнедым туром золотые рога.

Если в былине или в сказке последовательно перечисляются какие-либо свойства, умения или волшебные вещи, то самое важное обычно оказывается в конце списка. Умения Волха тоже следуют

друг за другом по принципу «от менее важного к более важному». Первым здесь оказывается превращение героя в сокола.

Сокол с незапамятных времен и у самых разных народов считается воплощением отваги и благородства. Это лучшая охотничья птица, а соколиная охота — старинное увлечение военной знати. Кроме того, сокол — древний русский дружинный символ. Изображения сокола нередко встречаются на славянских амулетах-оберегах. Некоторые ученые даже считали, что сокол был родовым знаком Рюриковичей.

Затем Волх Всеславьевич научился превращаться в волка. Этого смелого и коварного хищника боялись, но при этом и почитали все древние жители Северного полушария — от индейцев до скандинавов. В мифах и сказках большинства народов оборотни — это, как правило, именно волки. Умение нашего богатыря принимать облик волка тоже, конечно же, не случайно. Но наш герой умеет превращаться не только в этого зверя. Он может обернуться «гнедым туром золотые рога». Кто же такой тур?

Для сказителя былины, жившего в XVIII столетии, тур, огромный и свирепый дикий бык, уже был мифическим зверем. Последний тур погиб в Польше за сто с лишним лет до записи истории Волха Всеславьевича. Однако в былинах часто упоминаются туры и турьи рога. Именно в турьем роге зачастую подносят вино былинным героям. Это считается большим почетом. Почему же тур, а не, скажем, зубр — другой европейский дикий бык, оказался так важен для нашего эпоса?

Дело в том, что у древних славян тур считался символом бога Перуна, повелителя грома и молнии, бога-покровителя дружинников и княжеской власти. О том, что славяне приносят быков в жертву богу-создателю молнии, писал еще в VI веке византийский историк Прокопий Кесарийский. Турий рог — не просто вместилище для напитка, это обрядовый предмет. Пьющий из турьего рога становится сопричастен силе Перуна. Турьи рога в роскошных позолоченных оковках (вспомним золотые рога Волха!) были найдены при раскопках Черной Могилы — знаменитого воинского захоронения языческих времен в Чернигове. Конечно, сказитель былины уже не мог знать всей этой древней символики, но представление о том, что могучему воину подобает пить именно из рога тура, продолжало жить.

Когда юному богатырю исполнилось двенадцать лет, он начал собирать дружину. Три года он занимался набором своего воинства. В дружине Волха оказалось семь тысяч его ровесников:

Сам он, Волх, в пятнадцать лет,
И вся его дружина по пятнадцати лет.

Это указание на равенство возраста дружинников и их вождя не случайно. Предводитель в древних дружинах занимал положение первого среди равных. Он не отдавал приказы из безопасного места, а непосредственно участвовал в бою и лично начинал его. Дружин-

ники, в свою очередь, старались не отстать от вождя в доблести и сражались за него до конца.

Дружина, конечно, должна проявить себя в походах и битвах. И в былине появляется враг.

Это не привычные, исконные былинные супостаты — татары. На Русь замышляет пойти «индейский», т. е. индийский, царь по имени Салтык Ставрुльевич. Он собирается «Киев-град щитом весь взять». И Волх Всеславьевич со своей семьей тысячами дружинников немедленно выступает в поход.

Описание отношений Волха и дружинников прекрасно отражает древние дружинные традиции времен первых князей-Рюриковичей, совершавших походы на Царьград и стерших с лица земли могущественную Хазарию. Волх Всеславьевич в буквальном смысле кормит и одевает своих воинов. Пока те спят, предводитель в облике сокола добывает птиц на пропитание, обернувшись волком, ловит по лесам пушных зверей, не давая спуску ни волкам, ни медведям, ни лисам и зайцам...

Обеспечив дружину всем необходимым, Волх лично отправляется на разведку в Индейское царство. Прилетев соколом на царское окно, он подслушивает разговор враждебного царя с царицей Азвяковной. Царица предостерегает мужа от похода на Киев — там родился могучий богатырь, «тебе царю, сопротивничек».

Послушав речи царицы, Волх устраивает настоящую диверсию в тылу врага. Превратившись в горностая, он посещает царский арсенал. Там он перекусывает тетивы у луков, вытаскивает наконечники у стрел. Кстати, очень древняя по сюжету, былина о Волхе вполне современна во всем, что касается оружия — армия индейского царя вооружена кремневыми ружьями! Волх навредил врагу и здесь — он вынул кремни из ружейных замков и вытащил шомпола, а затем закопал все эти необходимые принадлежности в землю.

Наконец дружина Волха подступает к стенам столицы царя Салтыка Ставрульевича. Опечалились воины, увидев мощные белокаменные стены с железными воротами и многочисленным караулом. Пройти в такую крепость мог разве что муравей...

Печаль бойцов Волха понятна — войско Руси времен походов на Византию не имело осадных машин, и любая осада крепости превращалась в серьезную проблему. Во время походов на Царьград русы никогда не пытались взять штурмом сам город, ограничиваясь разорением его окрестностей и получением дани.

Богатырь-чародей, однако, не растерялся и в этой ситуации. Он превратил себя и своих воинов в «мурашиков» и таким обра-

Крест из Гнездовского клада. Середина X в. Этот позолоченный крестик происходит из клада, найденного в Гнездове при прокладке железной дороги. Был ли он именно христианским символом — сказать сложно, крестообразные привески могли также быть языческими символами солнца, а изображения распятия на крестике нет

**Присяга воинов Игоря
перед идолом.**

Миниатюра
Радзивилловской
летописи.

По свидетельству летописца, дружина Игоря в момент заключения русско-византийского договора 944 г. уже не была едина в своих верованиях, в ней были как язычники, так и христиане. Язычники клялись своими богами (из более позднего договора Святослава известно, что это были Перун и Велес)

зом проник за грозные стены. А затем дружинники снова стали «добрыми молодцами», и началось беспощадное избиение врагов. Уцелели только семь тысяч красных девиц — как раз по числу воинов...

Самого царя Салтыка Волх Всеславьевич расшиб о кирпичный пол «в крохи». А затем, взяв в жены царицу Азвяковну и переженев своих бойцов на местных девицах, стал царем в Индейском царстве. В полном соответствии с древним механизмом перехода власти — победитель вождя племени обязан стать вождем сам.

**Клятва
дружинников-христиан.
Миниатюра
Радзивилловской
летописи.**

Христиане, входившие в войско Игоря, присягали в соборной церкви Св. Ильи, которая, по словам летописца, уже была в Киеве. Исследования современных историков показали, что это не соответствует исторической правде, но само наличие христиан среди дружинников-русов этого времени несомненно

*Дружинник-христианин.
X в. Автор
реконструкции
Г. Сметанин (Москва).
Княжеские дружинники
стали одними из первых
проводников
христианства на Руси.
В их захоронениях
археологи иногда
находят типичные для
того времени кресты,
причем нередко они
лежат поверх остатков
одежды*

Дружинник-христианин. XI в. Автор реконструкции А. Шабалин (Уфа). Поверх кольчуги этот воин носит энколпион — складной крест, внутрь которого могли вкладываться частички святых мощей. Шлем с чеканной позолоченной накладкой происходит из окрестностей карпатского села Немия. Шлемы такой конструкции распространились около 1000 года по всей Европе, большинство их не имело украшений

Дружинники Волха поделили богатства завоеванной страны и остались там «посадскими людьми» — мирными горожанами.

Волх, с одной стороны, выступает как защитник родной земли — его поход направлен против агрессора, чужого государя, заявившего о враждебных намерениях. Но с другой стороны — он несомненный завоеватель, покоривший чужое царство. В быlines наш

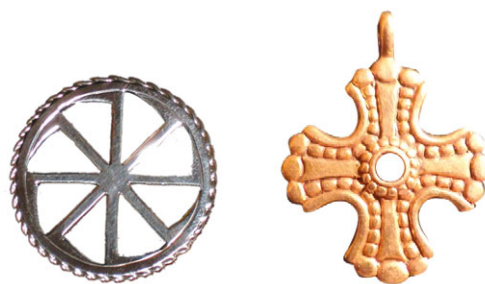
герой осуществил то, что не удалось сделать реальным князьям древности.

В обоих случаях из авантюрных проектов ничего не вышло. Но память о тех грозных временах, о смелых походах, о тайном знании волхвов и древних воинских обрядах сохранилась в легенде о богатыре-оборотне и его дружине.

...При всей своей приверженности старинным обрядам, именно русская дружина стала первым проводником христианства на Руси. Уже в середине X в. в захоронениях русских дружинников появляются крестики.

Воины, побывавшие в чужих странах, охотно впитывали иноземные обычаи. Становились ли они при этом христианами по духу — большой вопрос. В любом случае, христианизация Руси — это процесс длительный, растянутый на столетия. Но не подлежит сомнению, что начался он именно с военной верхушки общества, которая впоследствии мыслилась в качестве главных защитников новой веры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

МИР ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Поскольку одна из главных задач нашей книги — показать, как жил человек Древней Руси, как он сражался и во что одевался, на страницах ее появится множество современных реконструкций древнерусского костюма и вооружения. За каждой из таких «живых картинок» русской истории — огромная работа авторов этих реконструкций.

Воссоздание костюма и вооружения древнего человека — сложный и кропотливый процесс. Раннее Средневековье — один из самых трудных для такой реконструкции исторических периодов.

Предположим, нам известен какой-то древний предмет — например, меч, шлем или застежка плаща. Он обнаружен, законсервирован и исследован археологами. Но как сражались этим мечом? Что чувствовал воин, надевший шлем и доспех? Можно ли в наши дни попробовать пищу, сделанную по рецептам тысячелетней давности? Однажды несколько увлеченных энтузиастов решили найти на все эти вопросы практический ответ. Так возникло движение любителей ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ, или, как чаще говорят сейчас, «живой истории».

В наше время многие сотни исторических клубов занимаются воссозданием костюма и вооружения самых разных исторических эпох — от Древнего Рима до Великой Отечественной войны. В каждой эпохе можно найти свой набор притягательных, ярких образов. У римлян — суровый мерный топот легионов, полет орлов и древняя латинская доблесть. В раннем Средневековье — романтика викингов, походов русских князей на Царьград, дружинный дух. В позднем Средневековье привлекательна фигура рыцаря. А эпоха 1812 г. с ее гусарской романтикой стала самым массовым направлением в российской реконструкции.

За каждым восстановленным костюмом или доспехом — большая работа. Ведь сначала древние вещи надо изучить, а потом — изготовить, причем изготовить именно так, как делали их в то время, которым мы занимаемся.

Если мы захотим восстановить, например, форму наполеоновского солдата — мы сможем взять уставы, посмотреть подлинные

Военные представления — обязательный элемент любого фестиваля. На фото — оружейная стойка петербургского клуба «Ладога» на фестивале «Первая столица Руси». Фото автора

образцы мундира, воспользоваться огромным количеством картин и рисунков. Если мы решим восстановить костюм и вооружение западноевропейского рыцаря или пехотинца XIV–XV вв., нам помогут детали оружия и одежды (их сохранилось немало), в рукописях Западной Европы много цветных миниатюр, показывающих костюм и комплекс вооружения во всем их объеме. А вот по раннему Средневековью Руси и Скандинавии таких материалов гораздо меньше. Здесь главный помощник «живой истории» — археология, а там, где археологических находок мало, может прийти на помощь традиционный народный костюм — в нем сохранилось много старинных деталей.

Ткань и кожа в земле сохраняются плохо, для этого нужны особые условия, как, например, в Новгороде или некоторых других средневековых городах, где влажная почва законсервировала множество предметов древнего быта. Но даже в хороших условиях одежда и обувь редко сохраняются целиком.

Не так уж много известно изображений древних скандинавов и славян, а те, которые есть, — крайне схематичны. Они позволяют лишь представить общий контур костюма, но подробной информации о нем не дают.

Относительно неплохо сохраняются в древних могилах и поселениях металлические предметы — оружие и некоторые детали одежды, например, пряжки, пуговицы или фибулы — застежки плащей и рубашек. По расположению этих металлических деталей, по застрявшим в них кусочкам тканей иногда можно с большой степенью

С помощью походного горна можно не только ковать, но и делать отливки небольших предметов, например, украшений. Фестиваль «Городецкое гульбище», 2010 г. Фото автора

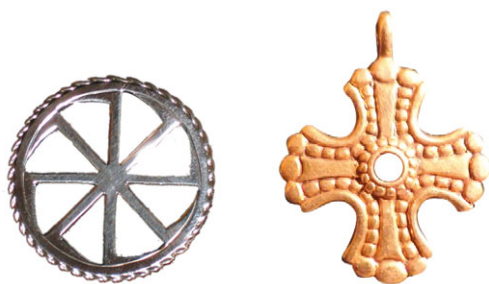
вероятности восстановить общий вид одежды. Конечно, такая реконструкция всегда будет до известной степени гипотетична. Но каждую деталь в научной реконструкции необходимо тем или иным образом обосновать на материале источников — письменных, археологических или изобразительных.

Все авторы исторических реконструкций, которые представлены в нашей книге, занимаются увлекательным делом воссоздания древнего костюма в составе различных организаций — клубов исторической реконструкции.

Для того чтобы показать свои достижения и обменяться опытом, любители «живой истории» собираются на большие фестивали. Такие фестивали проводятся, например, в Старой Ладогe — древнейшей столице Руси, на Куликовом поле, в древних крепостях и замках.

Сначала участники таких клубов занимались только изготовлением реплик оружия и реконструкцией сражений. Но в наши дни любители «живой истории» восстанавливают и древние ремесла, и жилища, и музыкальные инструменты, и танцы. Все это можно увидеть на исторических фестивалях.

Большинство участников клубов — не профессиональные ученые, а просто любители истории, которым интересен мир далеких предков. Но «живая история» оказывает серьезную помощь настоящей науке — например, позволяет проверить предположения археологов практическим использованием древних вещей.

СОДЕРЖАНИЕ

У истоков	7
Князь, дружинники и ополченцы	38
В поход!	66
Оружие славы	88
Меч и весы	117
Справедливый поединок	132
Несокрушимый строй	151
Рождение конницы	170
Боги победы	184
Заключение. Мир исторической реконструкции	204

Научно-популярное издание
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Савинов Михаил Авинирович

**ВОЕННОЕ ДЕЛО ДРЕВНЕЙ РУСИ IX–XI вв.
РУССКИЕ РАТИ В ПОХОДЕ И БОЮ**

Ответственный редактор *С. Соколова*
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *В. Кудымов, Л. Огнева*
Корректор *М. Колесникова*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15

Для корреспонденции:
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: Издательство «ЭКСМО»ЖШҚ, 127299, Мәскеу, Ресей, Клара Цеткин көш., үй 18/5.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
екілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification.

Өндірген мемлекет:
Сертификация қарастырылмаған

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Подписано в печать 24.06.2013. Формат 84×108¹/₁₆.
Гарнитура «Прагматика». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж экз. Заказ № .

ISBN 978-5-699-65395-9

9 785699 653959 >

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Первая иллюстрированная энциклопедия военного дела Древней Руси – от рождения Русского государства до его расцвета в XI веке. Всё о воинском обучении и боевом применении княжеских дружин и народного ополчения. Исчерпывающая информация о защитном и наступательном вооружении русских «храбров», их образе жизни, богах и жертвоприношениях, врагах и союзниках, стрелковой подготовке и навыках рукопашного боя, походах и осадах, одиночных поединках и массовых побоищах, как сухопутных, так и морских.

Кто оказал большее влияние на военное искусство Древней Руси – варяги или степные народы? Как взаимодействовали на поле боя русская пехота и конница, какие тактические приемы применяли? Что доподлинно известно о «несокрушимом строе» русских ратей (помните, в «Слове о полку Игореве» «храбрые русичи перегородили поле червлёными щитами») в сравнении с эллинской фалангой, боевыми порядками римских легионов и скандинавской «стеной щитов»? Как сражались, умирали и побеждали наши воинственные предки, во что веровали, кому молились, ради чего шли на смерть, стяжав бессмертную славу? В данной книге вы найдете ответы на все эти вопросы. Цветное коллекционное издание на мелованной бумаге высшего качества иллюстрировано сотнями картин, рисунков и реконструкторских фотографий.

ISBN 978-5-699-65395-9

9 785699 653959

